

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 4

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN-13: 978-1987551136

ISBN-10: 1987551133

УДК: 1751

СОДЕРЖАНИЕ

Мишнев Алексей	4
Литвиненко Алина	14
Бэк	21
Жигайлов Андрей	26
Андрианова Ольга	41
Арсен Ленски	72
Бурлака Владимир	76
Валерий Лебедев	79
Витлиф Владимир	84
Галина Вольская	99
Долгова Татьяна	107
Денис Гарипов	108
Пашкевич Макар	114
Чернышова Оксана	119
Разиля	149
Кахутина Светлана	152
Светлана Трихина	160
Седельникова Ирина	166
Протасов Сергей	170
Афоризмы_Валентин Дмитриев 2	176
Контактная информация авторов	182

Мишнев Алексей
Человек, в которого верили.

С момента моего появления на свет, всё пошло не так.

Моя мама более семи лет мечтала о ребенке, но у нее никак не получалось забеременеть. Я в этом не знаток, если честно, но однажды произошло чудо. Когда она сообщила отцу о том, что беременна, он был вне себя от радости и даже отдал свой кабинет под детскую. Не теряя времени даром, они начали делать ремонт, покупать необходимые к моему появлению вещи, и ждать того самого момента.

День родов.

Сначала отец разбил вазу, которой очень дорожила мама. Потом начались схватки, и в суматохе она поскользнувшись упала. Отец не успел её поймать, да и было это так неожиданно, что не каждый, знаете ли, смог бы сориентироваться. Мы с мамой на него не в обиде.

Затем были долгие роды. Огромная радость родителей, когда я наконец появился на свет. Правда, спустя некоторое время, всё резко поменялось. Я не доктор, и не разбираюсь в диагнозах, но когда доктор сказал что я буду «не такой как все», я насторожился. Он что-то говорил про плохое развитие, и про какой-то синдром, вот хоть убейте, не вспомню точное название!

Когда мне было 4 года, я уже стал яснее понимать всё то, что происходило вокруг. Я замечал перепады настроения у мамы, то, как часто стал уставать отец. Он часто кричал на маму, часто ее обвинял. Я так и не смог понять в чем она была виновата, ведь это он не сумел поймать её. Иногда он кричал и на меня. Мне всегда хотелось, чтобы отец взял меня на руки, как раньше, когда я только родился. В то время он делал это каждый день и мы прогуливались по комнате. Он показывал мою кровать, разные игрушки, которые меня дожидались в коробке. Он говорил, что когда я подрасту, то у меня будет машинка с пультом управления. Представляете? Моя собственная машинка!

С того дня, как доктор сказал что я «не такой как все», отец больше никогда не брал меня на руки. Как-то раз он принес домой кубики, очень яркие и классные. Мне они сразу понравились. Папа сел около меня и стал класть один кубик к другому. Он их раскладывал по цвету - красный к

красным, желтый к жёлтым. Сейчас я понимаю, в чем был смысл, а тогда – никак. Он мне показал раз десять, но я так и не понял, что он от меня хочет. Папа разозлился, и швырнув кубики в стену снова стал кричать на маму, он говорил, что я слишком тупой, и никакого толка из меня не выйдет. Потом накричавшись, он хлопнул дверью и ушел. Он возвращался пару раз, но всегда ненадолго и уходил уже с коробками. Позже мама сказала, что он больше не вернется. И мне стало перед ней очень стыдно. Может быть, если бы я был не такой глупый, то смог бы сложить кубики по цветам, и папа никуда бы не ушел. Сказать честно, мне эти кубики уже совсем не нравились.

Мама всегда относилась ко мне хорошо. Она говорила, что я самый лучший. Когда папа ушел, она стала совсем другой. Я видел, как она плакала сидя в кресле. Мама листала альбом с фотографиями и плакала. А я сидел в кровати и тоже хотел плакать, но у меня не получалось. Поэтому я просто смотрел на нее и грустил.

Когда мне исполнилось 7 лет, мама испекла большой пребольшой торт. И на нем было 7 свечек. Она говорила, что их надо задуть и тогда исполнится самое заветное желание, но сколько я не старался у меня ничего не получалось. Тогда мама сама задула их, и я расстроился, что желание может не сбыться. Всё чаще стала приходить бабушка – это мамина мама, если вы вдруг не знаете. Мама стала много работать, и возвращалась очень уставшей. Но как бы она не уставала, она всегда находила время чтобы подойти ко мне и поиграть.

Как-то мама спросила меня, кем я хочу стать. А я даже и не знал что ответить, я сказал что хотел бы, наверное, остаться самим собой, но мама сказала что у взрослых так не бывает.

Когда мне было 18 лет, мама помогла устроиться на работу. У нее в компании было место, и меня туда взяли. Все очень по-доброму относились ко мне. В мои обязанности входило перебирать карточки - женщин в одну стопку, мужчин в другую. Со временем я стал замечать, что перебираю одни и те же карточки, и сказал про это маме, но она ответила, что так и должно быть, больше я не задавал вопросы про карточки. Помимо того что ко мне относились на работе очень хорошо, еще я мог уходить домой пораньше, мама иногда спрашивала – не устал ли я, но почти всегда я отвечал что нет. Когда я спросил у мамы, важная ли эта работа, которую я выполняю, она ответила что очень. Еще она добавила, что они долго не могли найти такого

хорошего сотрудника как я, и что у меня прекрасно всё получается. Мне стало очень приятно, и гордо. Я боялся подвести маму, и всегда очень старался. Иногда я путал и клал карточки не правильно, но мама никогда меня за это не ругала.

В первый месяц работы одна тетенька раздавала зарплату. Она подходила к каждому, клала конверт с деньгами на стол, которые тот заработал за месяц, и просила расписаться в журнале. Я располагался около окна, а за столом слева сидела мама, она очень много разговаривала по телефону, иногда встречала гостей. Когда очередь дошла до мамы, то женщина положила два конверта с деньгами ей на стол, тот в котором лежала её зарплата, а рядом конверт с моими деньгами, на нем большими синими буквами было написано – «Майк Биро». Мама посмотрела на неё очень строго и спросила:

-Почему вы даете мне зарплату Майка?

Тётя немного сконфузилась, и сказала, - Ну это же ваш сын, я подумала, что будет проще если...

-Майк взрослый молодой человек. Эти деньги он заработал САМ. Я не имею права брать их за него.

С того момента, эта женщина всегда давала зарплату мне лично в руки. Я очень гордился тем, что мама назвала меня взрослым.

Моя зарплата не была такой уж и большой, но мне хватало. Я почти не тратил деньги, а большую часть откладывал. Всё что я мог купить, это – комиксы, или прикольный мультик. Я копил деньги, на «тот самый день». Я был уверен, наступит момент, когда я не буду сомневаться, и потрачу их на что-то особенное. А пока такой момент не наступил, я их не трогал. Один раз я пошел в магазин за продуктами, ну знаете, молоко, хлеб и все такое. Но расплачиваясь на кассе, я понял что отдал все деньги что заработал за месяц. Не так уж много я оказывается и зарабатывал. Когда я пришел домой, мама сказала чтобы я больше не тратил свои деньги на продукты, а покупал что-то себе, продукты стоят дорого и только она знает, где и какие надо покупать. Она предложила вернуть мне столько же денег, сколько я потратил, но я их не взял. Мама спросила, уверен ли я в этом, на что я ответил – да. Если уж совсем честно, мне очень хотелось их взять, оставшись без денег, я не смогу купить новый комикс, который выйдет только завтра, и следующий, и так до

зарплаты. Но я не хотел брать деньги у мамы, потому что наверняка ей они нужнее, хотя она и не читает комиксы.

Мама заболела. Не знаю чем, но она стала очень плохо себя чувствовать. Мама стала меньше работать, и больше отдыхать. Она очень редко выходила из дома, только если в магазин, или раз в неделю на работу. Мама стала пить очень много лекарств, а на мои вопросы о её болезни, категорически не хотела отвечать. Она лишь говорила, что все будет хорошо. Но я боялся, что не будет.

Через несколько недель после того как мама заболела, мистер Тод (мой начальник), сказал что им очень жаль, но так как мама практически перестала работать им придется уволить и меня. Я стал их просить не делать этого, ведь мама болеет и лишние деньги нам не помешают, но он сказал, что ему очень жаль. Мне позволили доработать месяц, чтобы получить зарплату. Я очень старался, и уже почти не ошибался, я надеялся на то, что они увидят, как хорошо я перебираю карточки и не станут меня увольнять, но в последний день мне выдали зарплату и попрощались. Я не знал как сказать про это маме, и размышлял всю дорогу до дома, но вернувшись оказалось что она уже всё знает. Мне было очень стыдно, что я подвёл её, а она даже на меня не злилась. От этого мне было стыдно ещё сильнее.

Стала чаще приходить бабушка. Теперь она ходила в магазин за продуктами, а не мама. Почти всё свое время я сидел рядом с кроватью, на случай если мама захочет пить, или если ей нужно будет принести лекарства. Мама каждый раз говорила, чтобы я не тратил своё время на неё. Странно это всё. Она то своё на меня тратила, а теперь моя очередь заботиться.

Мама чаще стала меня хвалить. Она говорила, что гордится мной, говорила, что я ее опора. Мне было очень приятно, прям до жути! Мама совсем перестала вставать, бабушка поселилась у нас. Я перестал сидеть с ней целыми днями, я боялся, что мама умрёт. Мне казалось, стоит на нее посмотреть, как ей вдруг станет хуже, и она начнёт задыхаться. Я никогда не думал, как я буду жить, если её не станет, стоило этой мысли начать зарождаться у меня в голове, как я тут же ее гнал, мама говорила что наши мысли сбываются. Я очень боялся, что плохие мысли, тоже могут сбыться.

Проснувшись пораньше, я быстро оделся и пошел в киоск. Сегодня должен был выйти новый номер моего комикса. Вы только не подумайте что я

какой-то транжира, деньги на комиксы мне дала бабушка, и там хватало еще на 4 выпуска, а накопления на «тот самый день», я не трогал. Они лежали в шкафу, за книгами. Купив комикс, я проходил мимо магазина и увидел на витрине маленькую коробку конфет. В этой упаковке было 6 сладостей, с разными начинками. Я это знаю, потому что однажды на работе, один мужчина угостил ими маму, и она поделилась со мной. Мама взяла всего 1 конфету, а остальные отдала мне. Я спросил у нее 3 раза, точно ли она не будет остальные, а она сказала – точно. Я сидел, ел конфеты и удивлялся, как можно не хотеть такую вкуснятину. Я их улопал так быстро, буквально за минуту. Ума не приложу, как можно отказываться от сладкого.

Увидев эти конфеты на витрине, я решил зайти в магазин и купить их маме. Возможно, они хоть немного подняли бы ей настроение, и отвлекли от болезни. Узнав цену, я просто обалдел, они стоили как 3 номера моего комикса. Если честно, я колебался, ведь это очень дорого, но вспомнив о том, что мама болеет, я сильно разозлившись на себя за такие мысли, оплатил их и вышел из магазина.

Подойдя к дому, я позвонил в дверь, которую открыла бабушка. Она была такая бледная, что мне стало страшно. Она смотрела на меня и не могла произнести ни слова. По её щекам потекли слезы. За её спиной я услышал голоса и увидел врачей. Бабушка меня крепко обняла, настолько, что конфеты вместе с комиксом выпали из рук и упали на пол. Возможно, я был не самым умным парнем, но в этот момент я всё прекрасно понял. Я прошел в свою комнату, всё плыло перед глазами. Звуки доносились, словно издалека. Я подошел к шкафу и взял деньги, которые лежали за книгами. Никогда в жизни я не держал такую большую сумму в руках. И всю её, до последней копейки я отдал бабушке, потому что сегодня настал «тот самый день».

Я всё время думал о маме и слезы наворачивались сами по себе. А еще в груди сильно щемило, у меня никогда не было такого раньше. Стоило мне на секунду подумать про неё, как снова что-то сжималось в груди. Самое интересно, что как я не старался я не мог не думать про нее. Я вспоминал, как она говорила, что гордится мной. Как брала меня на руки и сидела со мной часами, пока я не засыпал. Я долго думал, но так и не смог понять, за что она ТАК любила меня? Ведь я не умный как другие дети, и очень многие вещи мне трудно понять, когда другие схватывают на лету. Но она всё равно меня любила. Представляете? Просто так.

Похороны.

-Сегодня мы прощаемся с великим человеком. Майк Биро был добрым, и открытым, пожалуй, даже слишком. У каждого из нас рано или поздно возникает вопрос - чего я хочу добиться к тому моменту, как подойдёт "тот самый день"? Кто-то стремиться к богатству, другие хотят оставить после себя след. Есть и такие, которые проживают этот отрезок впустую. Я не знаю, кем хотел стать Майк, но то, на что он пошел не будет забыто. В раннем возрасте ему поставили неутешительный диагноз. Майку было трудно общаться с людьми, никто не воспринимал его всерьез, некоторые пользовались его доверчивостью. Безусловно, он не мог стать учёным или врачом, по понятным причинам. Так уж вышло, что ему не оставили выбора. Некоторые люди слишком безответственно относятся к тем возможностям, которые открываются перед ними, а другие - готовы отдать все что у них есть, чтобы получить хотя бы 1/1000 того шанса, что даётся остальным. Майк был, из вторых. Но тот шанс, что преподнесла ему жизнь, этот шанс... Он схватился за него как за последнюю надежду. Скромный, зажатый в своих комплексах Майк, прошел по туннелю своих самых жутких страхов, и не отступил. Мама Майка всегда верила в него. Она готова была отстаивать его в любой ситуации. Она всегда говорила, что в Майке скрыт огромный потенциал и никакие даже самые тяжёлые болезни, не способны его остановить. Она твердила, что Майк будет великим человеком и всегда им гордилась.

Пауза.

-То редкое заболевание, от которого она трагически скончалась, стало разрастаться с ужасающей быстротой. Никто не мог назвать точную причину его возникновения. У меня в руках, - мужчина поднял черную папку. — находятся все те выводы, которые мы смогли сделать благодаря жертве Майка Биро. После того как он изъявил желание стать первым в истории добровольцем для отслеживания развития этой болезни, мы смогли сделать очень много выводов за весь тот срок, что болезнь развивалась в его организме. Майк умышленно пошел на то, чтобы это заболевание развивалось в нем до максимальной своей стадии, дабы мы смогли увидеть весь процесс целиком, с зарождения до... - мужчина откашлялся. — До самого финала. Безусловно, мы не добились абсолютно ясной картины и на сегодняшний момент, но сделали огромный прорыв. Например, мы уже можем с уверенностью говорить о том, что наша вакцина способна излечить человека с первой или второй стадией заболевания. И в завершении своего

выступления, я бы хотел зачитать вам те слова, что мы записали за Майком, буквально за несколько дней до... - Мужчина достал из папки конверт, в котором находился сложенный пополам лист формата А4. Еще раз откашлявшись и стал читать:

«Мне очень больно. У меня постоянно высокая температура и крутит живот. Доктор Керш говорит, что такие же боли испытывала моя мама. Мне страшно. Я не хочу продолжать, я не могу уснуть из-за болей в голове, вот уже несколько месяцев как она словно раздувается больше и больше. Я слышу, как скрипят зубы, когда я это терплю. Докторш Керш говорит, что чем реже мы будем колоть обезболивающие, тем точнее будут результаты. Уже 2 недели я терплю и ни разу не попросил сделать укол. Несколько раз я хотел всё прекратить, я хотел чтобы меня отпустили домой, в общем, бросить всё хотел. Но потом я вспоминал, как болела мама, ей ведь было так же плохо как и мне, а может и сильнее. Мама гордилась мной, и верила что я смогу многого добиться. Мне стыдно перед ней. Я не хочу, чтобы другие мамы умирали. Я буду терпеть.»

Мужчина убрал листок обратно в конверт, а окружающие лишь завораживающе смотрели на него, ожидая чем он закончит свою речь. Мужчина не сказал больше ни слова, он лишь взял огромный букет цветов, что лежал на столе, возле микрофона и понес их мимо оградок кладбища. Все присутствующие двинулись за ним. Спустя пару минут он остановился около большого надгробного камня на котором был изображен молодой человек. На нем была рубашка и журнал комиксов в руке. С трудом оторвав взор от его пронизывающего взгляда, можно было прочесть немного ниже:

Майк Биро
27.06.1983 – 13.02.2010
Человек, в которого верили.

Глупый страх

Бен откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Чем стремительнее самолёт набирал высоту, тем сильнее колотилось сердце. Бену казалось что в любую секунду самолёт начнёт падать, или например отвалится крыло, которое было прекрасно видно в окне иллюминатора. Бен вытер вспотевшие ладони о свои дорогие брюки, несмотря на то, что он был человеком очень аккуратным, сейчас ему было наплевать.

Когда самолёт набрал высоту, Бен немного успокоился. Полёт должен длиться порядка 5 часов, а это означает что впереди Бена ждёт 5 часов ежесекундного страха. Бен снова закрыл глаза в надежде заснуть. Звуки стали отдаляться, мышцы немного расслабились.

Самолёт дёрнуло.

Бен резко открыл глаза, сердце бешено колотилось.

Снова толчок.

Руки снова вспотели. Загорелось табло - "Просьба пристегнуть ремни". Пилот по рации озвучил тоже желание, добавив что всё в порядке.

- Врёт. Ей богу врёт. - подумал Бен. - Он же не дурак чтобы поднимать панику в салоне? Интересно, как бы звучали слова пилота в этой ситуации, если бы ему было запрещено лгать?

Наверно что-то типа этого - "Уважаемые пассажиры, мы падаем. Можете не пристегивать ремни. Нас уже ничто не спасёт".

Бен ухмыльнулся.

Снова вытер ладони. К влажной спине, неприятно прилипла рубашка.

- Бойтесь?

Бен вздрогнул. Из-за своих размышлений он позабыл что в салоне находятся и другие люди. Впрочем, если бы он был один, то его нахождение на борту, теряло бы всякий смысл. Повернув голову налево Бен заметил старушку с седыми волосами, одетую в синюю водолазку.

- Немного. - Он попытался дружелюбно улыбнуться, но вышла лишь скверная гримаса.

- Я тоже раньше боялась. Это всё здесь знаете ли. - старушка поднесла морщинистый палец к своей голове. - Даже если вы на протяжении всего полёта будете представлять как самолёт разваливается на части, совсем необязательно что так случится. Но страх настолько завладел разумом, что вы готовы верить в любую чушь.

- В такие моменты начинаешь верить во что угодно знаете ли - в материализацию мыслей, в марсиан, да даже в честных чиновников. Старушка заливисто рассмеялась, настолько что её смех разлетелся по доброй половине салона.

- Хорошая шутка. - она сняла очки и протёрла влажные глаза платком. - Как вас зовут?

- Бен. - немного поколебавшись ответил её собеседник. Он сомневался, стоит ли называть настоящее имя, но прикинув что очень скоро оно облетит все новости, решил сказать.

- Бен, как насчёт пари?

- Пари?

-Именно! - вскрикнула старушка. - Давайте поступим так, на протяжении всего часа вы будете повторять про себя - " Мы падаем", и вырисовывать в воображении картину как наш самолёт стремительно теряет высоту. Если в итоге мы вернемся живыми, то значит я победила.

- А если нет?

- Значит победили Вы.

- Боюсь, если я выиграю этот спор, то не испытаю никакого удовлетворения. - Заключил Бен.

Старушка снова заливисто засмеялась, а с ней и Бен. Он не знал, что его так развеселило, но глядя на её искреннюю морщинистую улыбку, на душе стало немного теплее. Потом он вспомнил свою цель и улыбки как не бывало.

- А вы весёлый, Бен. - улыбнулась она. - Вы напоминаете мне Патрика. Как вы могли догадаться, это - мой супруг. Он то мне и помог избавиться от страха перелётов. - она немного замялась и стала теревить в руках бордовый платок.

- Он всегда мне помогал. Бен, вы читаете газеты?

- Я предпочитаю книги.

- Книги я тоже люблю, но ежедневные газеты, это - моя страсть. Хотите верьте, хотите нет, но просыпаясь утром, я всегда нахожусь в предвкушении какой-нибудь сенсационной новости. Я ожидаю это с таким же трепетом, каким

ребенок ждёт подарка под ёлкой на рождество.

Снова неловкое молчание.

- Патрик каждый день приносил свежий выпуск газеты. Он вставал в 5 утра, чтобы сходить в киоск и успеть вернуться к тому моменту как я начну собираться на работу. Каждый день меня ожидал новый выпуск на кухонном столе. И так на протяжении 15 лет, без каких-либо исключений.

Опять молчание.

- Давно? - Бен развернул свой корпус к старушке.

- Сегодня ночью. Я была у сестры. Мы всегда собираемся с ней раз в год на её день рождения. У нас что-то наподобие девичника, вот такая глупая традиция двух старух.

Молчание.

- Знаете что самое ужасное Бен?

- Что?

- То что я войду в дом, и на кухонном столе будет лежать новый выпуск газеты. Старушка вытерла слёзы бордовым платком.

Остаток полёта прошел в молчании.

"Мы падаем. Мы падаем". - Повторял как мантру Бен, сам не зная зачем.

Видимо из-за чувства злости, которое в нем проснулось, на то что он позволил страху контролировать его эмоции. За то что он ни разу не долетел спокойно.

50 минут.

"Мы падаем. Мы падаем."

57 минут.

"Мы падаем. Мы падаем."

Бен повернулся к старушке:

- Простите, но вы проиграли.

Она удивленно подняла брови.

Бен нажал на кнопку пульта в кармане. Прогремел взрыв.

Застыли стрелки на будильнике

- Милые мои детки, солнышки лесные, завтра у вас начнется совсем другая жизнь. Вы впервые сядете за парты, станете первоклассниками! Нарядно оденьтесь, и с утра строем мы все вместе отправимся в школу.

Малыши слушали внимательно, отодвинув в сторону карандаши и бумагу. Никто не издал победный клич и не подпрыгнул от счастья. Они просто застыли. Со стороны дети напоминали маленьких добрых старичков и старушек: им говорят - они внимательно слушают рассказ о школе, партах, букварях. Правда, про познание окружающего мира и радость новых открытий здесь решительно никто не имел ни малейшего понятия. Маленькие слушатели просто не ведали таких слов, зато хорошо знали, что такое смерть родных, бомбежка, взрывы, налеты, мессершмитты, голод.

Прошло несколько месяцев с момента освобождения поселка от фашистов, но по ночам мальчишки и девчонки вскакивали от любого шума, кричали, плакали. Мамы, бабушки, тёти крепко прижимали их к себе, гладили, успокаивали, часто искали, чем бы отвлечь бедняжек. Увы, никаких игрушек не было и в помине. Оставалось одно: лечь рядом, обнять свое чадушко и уснуть вместе с ним. Днем было немного легче. Все заботы брал на себя детский сад. Но домой воспитанники возвращались сломленные, удрученные видом пустых глазниц бесхозных зданий и руин сгоревших домов.

В центре этого угрюмого пейзажа стояло наполовину уцелевшее кирпичное здание поселковой начальной школы. Оставшиеся в деревне старики сделали всё, чтобы подготовить его к началу прихода детишек: реставрировали стены, вставляли стекла, прилаживали двери, перекладывали полы, пилили бревна, кололи пни, заготавливая дрова на зиму. Бывший сторож этого учебного заведения, дед Пантелей, считавший себя его хозяином, отгородил в подсобке небольшой закуток и перебрался туда жить. С рассвета до полуночи жители слышали стук его молотка, видели сутулую фигуру, налаживающую скамейки и забор во дворе.

Утро первого сентября выдалось светлым, ярким и приветливым. У новых ворот детей встречали жители поселка – женщины, пожилые люди, четыре учителя и директор школы, вернее, хорошо всем известная до войны, директорша Марьянна. Ее уважали, ценили за ум и отзывчивость, и часто обращались за советом по разным житейским вопросам. Правда, теперь, после ранения во время одной из вылазок в партизанском отряде, она ходила на костылях.

Вот в конце улицы показалась детсадовская группа. Многие из собравшихся плакали навзрыд, торопливо вытирали слезы, чтобы не расстраивать детей. На мальчиках и девочках была простая, будничная одежда. В руках они держали васильки и ромашки, собранные на поле взрослыми. Ходить туда малышам не разрешалось, поскольку в прифронтовой полосе, кроме подбитых танков и пушек, оставались неразорвавшиеся мины. И это еще не всё. Нередко, нацисты оставляли после себя «смертельные» ловушки. Они минировали каски, консервы, часы, коробки спичек, бруски мыла, плитки шоколада, игрушки. Подбирая эти «подарки», дети погибали или на всю жизнь оставались калеками.

Торжественная процессия приблизилась к школе. С окрестных поселений и хуторов в школу подтянулись деревенские ребята. Постепенно небольшой двор наполнился людьми, и директор поднялась на невысокое дощатое возвышение, сооруженное специально для праздника. Но радостных лиц видно не было. Дети просто стояли и ждали.

- Дорогие односельчане, милые детки. Поздравляю Вас с началом учебного года, с началом мирной жизни,- начала свое приветствие директорша.- Вы пережили страшное время и ...

Больше она говорить не смогла. Спазм перехватил горло. Она судорожно хватала воздух, но голоса не было. Пантелей едва успел ее подхватить и усадить на скамейку.

Положение спасли учителя. Они быстро «разобрали» учеников. На месте остались лишь новички, остальные отправились на окраину поселка в уцелевшие деревянные бараки, временно приспособленные для второго, третьего и четвертого классов. Первоклашки заняли свои места за партами и выжидательно затихли. Цветы держали в руках, не представляя, когда же их надо дарить. Ведь они знали только войну.

- Меня зовут Татьяна Михайловна,- сказала милая, приветливая девушка. До войны я работала в этой школе. Буду работать вашей классной руководительницей. Четыре года мы проведем вместе. Задавайте вопросы, а цветы подарите после нашего с вами знакомства.

Дети внезапно оживились. Учительница едва успевала отвечать.

- А гулять вы с нами будете?

- Конечно. Я буду теперь возиться с вами, как клуша с цыплятами: играть во дворе в жмурки, салочки, казаки-разбойники, «Гуси-гуси», лапту.

- Мне старший брат говорил, что для лапты нужен мяч, а у нас его нет.

- Сами сделаем. Сошьем.

- Из чего?

- Тряпки, опилки

- В детском садике мы много рисовали. А в школе – будем?
- Обязательно. Вот только подождем, пока привезут посылку из города с книжками, тетрадями, ручками, карандашами, альбомами, чернильницами.
- А когда привезут?
- Детки мои дорогие. Машина, на которой везли товар, при переезде через мост подорвалась на mine. Шофер погиб, весь груз утонул в воде.

Больше вопросов не было. Такие вещи малыши понимали с полуслова.

Так началась новая, еще не понятная и не известная, послевоенная жизнь. Букварей, конечно, на всех не хватило. Пришлось первоклашкам делиться по принципу: один букварь на 2-3 человека из близлежащих домов. Все тетради - и для письма и для арифметики, были в косую линейку. Стекланные чернильницы – непроливайки, выглядели красиво: небольшие стаканчики с вплавленным внутрь хоботком. Только вот чернил для них не было. Выход нашли: стали вливать туда сажу, разведенную водой.

Все это было непривычно, но интересно. Свою наставницу ребяташки обожали. Они хвастались перед друзьями из других классов: она самая веселая, самая красивая, самая молодая, самая смелая, воевала в партизанском отряде. Никто не догадывался, как эта «самая весёлая» Таня по вечерам сидит за столом, обхватив голову руками, и решает сложнейшую задачу: как расплавить заледеневшие детские сердечки «своих цыплят». Ведь даже на переменках – в классе, во дворе, вместо задорного смеха и хохочущих лиц, она видела натянутые, неживые улыбки и грустные глаза. Небольшой педагогический опыт ей подсказывал, что дети испытывают неосознанную тягу к теплу, ласке, вниманию, к тому, чего их лишила война.

- Внимание, ребята, задержитесь на минутку, обратилась она к своим первоклашкам.

- С завтрашнего дня после уроков будем делать игрушки.

Сначала дети с удивлением онемели на месте, а после подробных разъяснений обрадовались. Дома вместе со взрослыми начали подбирать необходимый «подсобный материал». Придя на следующий день в школу, обнаружили в углу классной комнаты большой ящик. Попытались сдвинуть этого великана с места, но он словно прилип. Что там было внутри, исследовать не успели. В вестибюле пронзительно зазвенел будильник. Так дед Пантелей, который теперь называл себя «ответственным дежурным», оповещал учеников о начале занятий.

После уроков Татьяна Михайловна предложила разобрать таинственный сундук. Чего там только не было: лоскутки, чулки, платки, опилки, крепкие

дощечки, небольшие колеса и рули от детских велосипедов, подшипники, разрезанные консервные банки, проволока.

- Девочки будут шить кукол, а мальчики сооружать самокаты,- разъяснила учительница.

- Рукодельницам я помогу, а вот новый вид передвижения по земле поможет соорудить наш «ответственный дежурный». Петя, сбегай, позови его сюда.

Глаза детей вдруг полыхнули маленькими звездочками. Их ожидала очень интересная работа. Правда, с чего начинать создание игрушек они не представляли. У некоторых девочек даже слезы появились на глазах:

- Здесь одни тряпочки, а ведь у кукол должно быть туловище, головы, ручки, ножки.

- Я сейчас научу вас, как сделать необходимые выкройки, потом мы их сошьем.

-Но ведь маленькие человечки должны быть толстенькими.

- Будут! Мы их набьем опилками. - Ну-ка, несите сюда вон тот серый мешок.

И работа закипела. Появились ножницы, иголки, нитки. В это время открылась дверь, и раздался голос деда Пантелея:

- Эй, пацаны, что это вы бездельничаете! Посмотрите на своих соседок, поучитесь у них.

- Так там тряпки, а здесь доски, колеса, гвозди.

- Это как раз то, что нам нужно. Каждый выбирает себе крепкие деревянные дощечки, два колесика и руль. Всё это соединим, и получится почти велосипед, правда, без педалей.

Дед хитро улыбнулся:

- Сейчас будет необыкновенное представление.

Он вышел и через минуту с грохотом въехал класс на самокате. Все ахнули:

- Вот это да! А можно нам покататься?

- Конечно, можно.

- А почему он так тарыхтит?

- Так я сэкономил для вас, и вместо колесиков поставил старые шарикоподшипники.

Минут двадцать в классе раздавались громopodobные раскаты. Прокатиться решили все, в том числе и девчонки.

- Татьяна Михайловна, а вы, почему вы не катаетесь?

- Это так здорово! Ничуть не страшно. Попробуйте!

Под аплодисменты детишек учительница сделала два круга.

Постепенно первоклашки втягивались в новое увлекательное занятие. Под руками малышей оживали человечки, набитые опилками и паклей. Лица им раскрашивали химическими карандашами и углем. К концу осени Марьянна привезла из города пластмассовые кукольные головки. К ним можно было пришить самодельное туловище, и тогда игрушки выглядели, как настоящие. Мальчишки уже обзавелись персональными самокатами. Теперь из старых досок мастерили себе самодельные пистолеты и автоматы. Несколько человек какими-то неизвестными путями приобрели парусиновые сумки от противогазов, что стало предметом всеобщей зависти. Портфелей тогда ни у кого не было, книги и тетради носили в небольших мешках, сшитых к началу учебного года.

На уроках рисования кукол делали из бумаги, а потом вырезали для них разную одежду. Мальчики лепили из картона военную технику с опознавательными знаками «наши» и «враги», а затем на переменах устраивали настоящие бои, полностью уничтожая противника.

К концу осени дети немного оживились. В школьных стенах зазвучал громкий смех, на переменах во дворе малыши затевали весёлые игры. Правда, когда началась зима и выпал снег, вся компания переместилась в вестибюль, где топилась железная «буржуйка». Старые туфли и ботинки не защищали от холода. Зато, какой радостью и визгом встретила детвора Марьянну, которая, вернувшись из города, привезла валенки, ватники, перчатки и даже коньки-снегурочки с загнутыми носиками. Если с одежкой разобрались быстро, то на «снегурочки» даже не обратили внимания. Через некоторое время детишки удивленно уставились на Таню, которая, веревками прикручивала коньки к своим валенкам.

- Татьяна Михайловна, что вы делаете?

- Сейчас увидите.

И учительница красиво пробежалась на «снегурочках» по твердому насту. Вся толпа с криком ринулась за ней вслед, а через некоторое время первые энтузиасты тоже стали на коньки. Не обошлось без шишек и синяков, зато моментально выстроилась целая очередь желающих. Коньков на всех не хватило, поэтому дед Пантелей строго ограничивал катающихся во времени, отслеживая минуты по будильнику.

Время упорно двигалось вперед. Трескущие морозы больно кусались. Малыши на переменах с удовольствием пускали бумажные самолетики в классе, где тоже была установлена «буржуйка», или толпились в вестибюле у печурки. Такие перерывы Татьяна Михайловна старалась сделать домашними, уютными, понимая, как необходимо ребятам человеческое тепло. Она

рассказывала «своим цыплятам» всякие интересные истории, читала стихи, а однажды даже спела песенку про елочку:

- И вот она нарядная

На праздник к нам пришла...

Неожиданно кто-то из ребят ее перебил:

- Вы сейчас рассказали про ёлочку, которая нарядилась и пришла в гости к детям. Она что, ходить умеет?

- Да и как могло деревце во что-то нарядиться?

Таню бросило в жар: как это она выпустила из виду тот факт, что ее «цыплята» — дети войны, ничего не знают про новогоднюю елку.

- Слушайте, мои хорошие, сейчас я все объясню. Дети слушали, раскрыв рты.

- Так вот, теперь вы поняли, что скоро елочка и Дед Мороз придут к вам в гости, а вот наряжать нашу зеленую красавицу вы будете сами.

- Но ведь у нас нет цветных шариков и розовых пряников, про которые вы пели.

- Нам не нужны готовые шарики и пряники. Мы сделаем украшения сами, и это будет еще красивей.

Полмесяца малыши трудились, цветными карандашами раскрашивали бумагу, нарезали полоски, потом крахмальным клейстером клеили цепи. Марьянна где-то достала фольгу, и принесенные Пантелеем шишки весело заблестели. Из цветной бумаги вырезали ангелочков и обклеили их ватой. Елка, которая ночью, откуда ни возьмись, появилась в вестибюле, получилась необыкновенно привлекательной. Новогодний праздник удался на славу. Детишки веселились, забыв обо всем на свете. А в заключение Дед Мороз, которого, умело, изобразил тот же Пантелей, подарил всем подарки - по кульку сахара, главного лакомства тех времен.

После каникул дети еще долго делились впечатлениями, вспоминая зеленую гостью.

Однажды на перемене в класс заглянул «ответственный дежурный».

- Скажу вам по секрету: у вашей классной десятого февраля День рождения. Порадуйте ее стихами и песнями.

- Что же нам делать?- задумались малыши.- Где взять новые стихи?

Потом вспомнили всё, что учили в детском саду, и даже начали репетировать танцы.

Утром в праздничный день девочки принесли большую нарядную куклу, которую тайно сшили для любимой учительницы. Увидев такой сюрприз, мальчишки начали о чем-то шептаться. Вскоре двое из них куда-то исчезли. Прозвенел будильник, и в класс вошла улыбающаяся Татьяна Михайловна. Дети встретили ее песней, которую выучили еще в детском садике.

- Спасибо, мои дорогие! А где Вова и Игорь? Дети молчали.
- Спрашиваю серьезно, куда делись два ученика? Я их видела утром в школе. Или я отменяю день рождения, или вы выкладываете всю правду.
- Они побежали на гору к пустой избушке лесника. Там на подоконнике кто-то видел красивую книгу.

Татьяна, как была, в туфельках и платье, рванулась к двери и помчалась в сторону одинокой избушки. Она ворвалась в комнату с криком:

- Не трогайте. Бросьте. Все на пол! Оттолкнула детей от окна и вырвала у них книгу.

Раздался оглушительный взрыв. Прибежавший через несколько минут Пантелей увидел страшную картину: все трое лежали на полу в луже крови...

Похоронили Татьяну Михайловну на горе, там, откуда была видна школа, да и весь поселок. Раненых мальчиков отвезли в городскую больницу. Первоклашки снова перестали смеяться, бегать и играть на переменах. Замолчал будильник. Дежурный просто открывал двери класса в нужное время. Дети часто после уроков собирались на горе, у дорогой могилы, молча стояли, вытирая слезы.

Прошли годы, но горький след в сердцах остался, как и память о совершенно необычном человеке – первой любимой учительнице.

Много испытало на себе послевоенное поколение. Но война закалила характер этих ребят, сделала их выносливыми, терпеливыми, добрыми, порядочными, трудолюбивыми. Именно они, дети войны восстановили разрушенную страну.

Бэк Маяк

-Смотри! - показываю я пальцем вдаль, туда, где на фоне ночного неба горит слабый огонек. -Там что-то мелькает, видишь? Вдалеке.. интересно, что это?

-Ааа..вижу. Это маяк. Точно он.

-Откуда ты знаешь?

-Говорил кто-то. Не помню.

-Здорово было бы сходить туда.

-Зачем?

-А тебе разве не интересно? Я вот никогда маяков не видел вблизи.

-Я тоже..

-И не хочется?

-Не знаю даже..- она пожимает плечами, крепче сжимая мою руку. - маяк и маяк. Что в нем особенного..

Зима. Ночь. Мы стоим на берегу моря, вокруг один снег и лед, глыбами вздымающийся кверху. Хотя и декабрь, но на улице не так уж и холодно. Правда ветер продувает. Она одета в легкое пальто и начинает замерзать, переминается с ноги на ногу.

-Замерзла?

-Немного..может пойдем?

-Хорошо..

Я прижимаю её к себе, и мы целуемся посреди белого безлюдья, зимней тишины.

Отдышка..идти по снегу, проваливаясь в него по голень и загребая в ботинки, очень тяжело. Ноги начинают замерзать. Даже сквозь джинсы, термобелье и носки постепенно просачивается влага. Впереди лишь голые деревья, ровный слой глубокого снега, без единого следа на поверхности, и километры пути. Да и вокруг, на самом деле, тоже самое. Все сверкает от яркого, зимнего солнца – глаза приходится щурить. Кожу лица щиплет от мороза. Бородка, брови и ресницы покрыты инеем. Все чаще мелькает мысль, что я тупица, поскольку не подготовился, как следует к походу. С другой стороны, кто ж знал, что здесь так много снега? Я и подумать не мог. Но теперь то уже поздно..возвращаться назад и мысли не было. Только вперед! Тяжко, но я упрям. “Дойду...я обязательно должен дойти. ” – твержу себе, глубоко дыша.

Останавливаюсь на минуту, снимаю рюкзак, достаю из него маску для лица, закрывающую рот, щеки, нос, подбородок, и надеваю, цепляя резинками за уши. Поправляю шапку, снова закидываю на плечи рюкзак и двигаюсь дальше, с трудом переставляя ноги. Так то лучше..лицо не будет мерзнуть, согреваясь от своего же дыхания. За руки я не беспокоюсь, на них очень теплые шерстяные варежки.

Деревья, как и снег под ногами, хрустят своими голыми ветками, шуршат кронами сосны, ели, скрепят стволами. Доносится пение и щебет птиц. Интересно, каких именно? Я мало знаю видов.. В таком спокойствие можно думать о чем угодно. Но в основном я размышляю только о нем..о маяке. Таком далеком, остающимся для меня загадкой. Какой он? Воображаю, представляю, как он может выглядеть, на что быть похожим. Высокий ли, широкий или как заводская труба? Домиком? Белый, серый или в красную полоску? А может в синюю? Как тельняшка.. Есть ли внутри него та самая винтовая лестница? А есть, то металлическая она или бетонная? Живет ли в нем старый смотритель? Такой, с длинной, седой бородой, с трубкой во рту, хромающий на одну ногу, с фуражкой на голове, в сапогах, в синем кафтане. Всегда немного выпивший? Или совсем трезвый? Есть ли под маяком подвал с коллекцией вин? В котором, бывший морской волк, кропит над своими мемуарами под тусклым светом свечи, сидя за дубовым, письменным столом. В котором он хранит старые, морские заметки времен своей молодости. Чем он питается? Чем увлекается? Сможет ли поведать что-нибудь интересное о своей жизни, за чашкой крепкого, горячего чая? А может ароматного кофе, с парочкой капель коньяка. Я и сам мог бы угостить его своим горячим морсом из термоса. Тогда его заветренное, суровое лицо расплылось бы в улыбке, волнующиеся сердце успокоилось бы, и льды давно минувших испытаний, выпавших на его долю, растаяли бы.

Раньше я видел маяки только на картинках и в фильмах. Такой ли он? Такой ли Мой маяк? В любом случае, он будет особенным, запоминающимся, родным.. И я все иду, медленно сокращая расстояние. Позади километров пять..вперед, ну еще, быть может, 3-2,5. Времени полно..сейчас только полдень. Я собрался рано, в 7 утра уже был на границе леса, по которому мне предстояло пройти вплоть до цели. Берегом, мне показалось, идти было бы сложнее. Хотя может это и не так. Мне все равно придется выйти на него, когда буду подходить к маяку. Там и посмотрим. Возможно, тогда обратный путь будет легче и не таким томимым. А пока половина сил тратится в пустую.. утопая под ногами в прямом смысле слова.

Напеваю негромко про себя песни группы “Сплин”. Голоса – нет, поэтому окружающая безлюдность радует как никогда. Кто сможет осудить, раскритиковать? Птицы? Деревья? Возможно...но их отзывов я все равно не пойму. Природа разговаривает на своем, только ей понятном языке. Вот я “замолкаю”, поднимаю взгляд на высокую сосну. Вверх по стволу резво

вскарabкивается белочка. Оказывается они такие маленькие..или именно эта такая малышка? Хвостатый серенько-рыженький звереныш спешит по своим делам, держа что-то во рту. Провожая его и иду дальше. Совсем один, одетый явно не как рыбак или лесник. Встреться мне кто-нибудь, подумал бы, что я спятил. Или замышляю саботаж. На острове, где-то, находится так же и военная часть. Так, что моя прогулка вообще-то не самая безобидная. Авантюра чистой воды. Для других разумеется, а для меня....нечто большее и глубокое. Возможно за гранью понимания других людей. Как бы то ни было, вокруг никого.

Солнце радует природу, радует меня. С ним намного светлее, уютнее и банально красивше.

Через пару часов я замечаю, что впереди деревья больше не растут. Там, метрах в 100 далее, простирается одна сплошная белая равнина. А значит, что лес заканчивается и я, наконец, выхожу к морю. Останавливаюсь и вздыхаю с облегчением. “Наконец-то.. почти добрался. ” Теперь нужно повернуть левее и идти к пляжу. Там до маяка будет рукой подать. Но сквозь деревья я все же пока его не наблюдаю. Легкое волнение охватывает сердце. Может, я прошел его? Или вообще заблудился? Нет...не может быть. Я шел все время вперед. Прямо вдоль пляжа, и впереди просвет! Значит я как раз там, где нужно. Теперь только пройти по диагонали. Да, точно..пойду по диагонали! Я упираюсь руками в колени и перевожу дух. Восстанавливаю дыхание. “Еще чуть чуть.. ” – говорю себе. Уже и есть хочется..сил почти не осталось. “и так...пойдем...”

Высчитывая метры, я продолжаю путь, ускоряю шаг. Высматриваю впереди и по сторонам что-то, что было бы похоже на постройку. Но ничего... “черт..где же ты?” Упрямо следуя намеченной цели.

Вдруг нахожу взглядом неестественно черное, широкое дерево впереди. Продолжая идти, всматриваюсь..и не хочется верить. Вот он, уже почти передо мной..так близко! Но нет.. мои ожидания не оправдываются. Скорее они разбиты о бездушную, металлическую поверхность. Как разлетается на осколки стекла бутылка, брошенная в чугунную ограду. Мой маяк...вовсе не такой. Впереди меня простая железная вышка, покрашенная в черный цвет. Поэтому-то я и не заметил её сразу. Она сливалась с деревьями и издалека было не видно. Я останавливаюсь и опускаю руки..Совсем не то.. Плетеная прямоугольная вышка, состоящая из одних железных балок. А на верху небольшая площадка.

Вот я стою прямо напротив маяка. Задрав голову, смотрю вверх. Обычная прямоугольная башенка, в центре которой простая лестница,

выходящая с земли до самого верха. Переплетение балок, вдоль, по диагонали, как и у электрических вышек. К тому же еще и ржавых. И больше ничего.

Как он вообще горел? В нем, на нем сейчас нет никаких устройств освещения.. это просто, чья то злая шутка. Ирония. Ха.. бездушный, холодный великан стоит на самом краю берега. На самом углу острова. Вокруг никого живого. С одной стороны лес, с другой равнина снега. Мне даже стало жалко его.. такой одинокий, измученный, ненужный, покинутый... Бедняга. “эх..” Ветер набирает силу. Здесь, на пустыре, он волен как никогда. Мне жаль себя, жаль маяк. Вот мы, два одиноких путника. Маяк, стоя здесь столь много лет, искал свою цель, не смея сдвинуться с места. Ждал. Надеялся, что когда-нибудь еще послужит людям, осветит дорогу заблудшим кораблям, лодкам, лодочкам . Путник, ищущий своим дальнотзорным взглядом человека, который понял бы его..который вдохновился бы им, признал, подойдя ближе, погладил рукой по ржавой стойке и улыбнулся...сердечно похлопал по железу. И я..кто следовал к нему, ища сам не зная чего..мы наконец-то встретились. И сложно сказать, кто из нас сейчас рад больше. Спустя 5 минут, что я тут стою, напротив моего нового товарища, я уже не жалею..не жалею, что пришел сюда. Да, он оказался не таким, каким я себе его представлял. Не такой высокий, не такой широкий..не каменный, не бетонный или хотя бы деревянный.. Никакой винтовой лестницы внутри, никакого подвальчика. И уж само собой никакого старика с длинной седой бородой, морского волка - зрителя, который мог бы угостить меня чашечкой чего-нибудь горячего и рассказать мне интересную историю из своей жизни. Даже знака предупреждающего нет.

Однако я все же проникся к нему. Он все же мой. Мой маяк... Ржавый, голый, мрачный, но такой родной моей душе..Как и я он одинок, и как и мне ему нужно поделится своими чувствами. Хотя бы просто помолчать в компании понимающего его товарища.

Снимаю рюкзак, достаю из него контейнер с теплым супом, сэндвичи с сыром, помидорами, огурчиками и ветчиной, завернутые в фольгу и термос с горячим брусничным морсом. Усаживаюсь прямо на снег, у самого маяка и, смотря вверх, сквозь все сооружение, заглядывая прямо в пустующую душу великана, начинаю обед. Сегодня у него есть компания..он не одинок. И больше никогда не будет.. Позже я скажу ему – “эй, друг..я с тобой! Ты сам нашел меня, выбрал и привел..так что не грусти! И я обязательно еще вернусь сюда, составлю тебе компанию и снова разделю обед. Летом -под лучами солнца, заглушая крики чаек, шум волн, мы споем вместе “Мое сердце.”, осенью - под хмурыми, серыми тучами, – “Выхода нет.”, а зимой, среди белых пейзажей, искрящегося снега – “Остаемся зимовать.” Слышишь? Обещаю тебе..” Затем поглажу его худое, костлявое тело, оставляя на варежках следы ржавчины, сердечно похлопаю и отправлюсь в обратный путь...

Он скрипнет мне в след слова благодарности, качнется прощаясь, и будет ждать... все так же всматриваясь вдаль, но уже не ища, не с пустой надеждой и мрачным отчаянием, нет..он будет всматриваться с радостью, НАСЛАЖДАЯСЬ видом моря, неба, птицами, лесом позади. Будет запоминать то, о чем потом можно будет рассказать мне при встрече. Мне – своему другу.

А я буду гордиться им, вспоминать и ждать нашей следующей встрече..встречи с моим другом, моим маяком...

.....таким родным.

Жигайлов Андрей *В потоках сознания*

Вокруг меня – потоки сознания, будто реки воды, переливающейся всеми цветами радуги. Течут они мощными струями, формируя мыслевороты, мемозаводы, ручейками умозаключений стекая со стен. В потоке слов, предложений и фраз снуют всевозможные сущности: мыслишки, мысли, смыслы, помыслы, мемы, думы. Обожаю купаться в потоке сознания. Вокруг меня нет барьеров, как у большинства людей. К чему они мне?

Говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. Одну мысль тоже нельзя дважды продумать одинаково: обязательно изменится отношение к объекту обдумывания. Вон та смысла, которая крутилась в моей голове только что, – она уже немного подросла и стала не фиолетовой, как прежде, а оранжевой. Оранжевые смыслы – они самые интересные. Скоро она напится в реке сознания и превратится в лиловую думу. На думы уже можно охотиться. Не все это умеют, мне же это умение доступно. Главное – знать, как и чем прикормить ту или иную думку.

Поток сознания бесконечен. Попытаться его вобрать в себя целиком – всё равно, что предпринять попытку поварёшкой вычерпать океан. Облака – это черпаки Бога. Я знаю этого уникама, мы порой с ним говорим по душам. Он облаками черпает воду из океана и выплёскивает на высокие горы. Сизифов труд. Не раз ему это твердил, но он не верит мне, всё черпает да черпает.

Люди тоже никогда не прислушиваются к моим словесам и тайнам, которыми я с ними пытаюсь поделиться. Неужели они не видят этот переливающийся всеми цветами радуги поток всемирного знания, поток истины?

- Сударь, о чём это вы сейчас думаете? Не поделитесь? – обращается ко мне человек в белом.

Ручеёк вокруг него не такой уж полноводный и какой-то бледноватый, что ли. Яркие жирные смыслы не проникают сквозь оболочку «всезнания». Бултыхаются вокруг, резвятся, но внутрь не прыгают. Что ему сказать? Как суметь вместить все эти сущности, снующие вокруг, в одну фразу? Можно ли океан сжать до капельки водицы, наполняющей кучевые облака, эти божьи поварёхи? Даже если кому и удастся повернуть такое, капелька превратится в чёрную дыру, которая целиком поглотит наш мир. Ну что же, попытаюсь объяснить и в этот раз. Мне не в первой! Никогда не теряю надежды встретить человека, который сумеет воспринять истину:

- Смыслодумы резвятся вокруг, изменяя и цвет, и размер. Облака – заколдованный круг, чёрных дырочек тысячи сфер.

- А, ну всё с вами ясно. Типичный психотический бред. Александр Иванович, вколите болезному очередную дозу галоперидола...

Единогласное решение

Ух, очередное рождение. Где это я? А, старый знакомый. Бывал я в этом теле, и не раз. Сорокалетний мужчина, ведущий малоподвижный образ жизни. Системный администратор и заядлый геймер. Податливый субстрат. Курил бы ещё в придачу – так цены б ему не было.

Возбудитель, приведший к моему зарождению – вирус гриппа. Однако, зная этот организм, можно не сомневаться: вскоре подключатся и гемофильная палочка, и стрептококки. Бронхит я или не бронхит, чтобы таких вещей не знать?

- Моё почтение, Грипп. Благодарю, что вызвал меня к жизни в этом тщедушном теле. Свои люди – сочтёмся...

- Всегда пожалуйста. Передаю эстафету. Чел, как обычно, не лечится, обходится только аспирином да в нос какую-то дрянь прыскает. У тебя есть все основания задержаться в нём на долгий срок. Удачи.

Да, Грипп – отличный парень, на него всегда можно положиться. Ничего, благодаря мне он сможет ещё шире распространиться по планете. Уж за мной не заржавеет! А вот герпес – совсем другое дело. Ненавижу этого сверхпаразита. Во, тоже просыпается. Только пользы от него что мне, что Гриппу – хрен да маленько. Тварь неблагодарная! Пользуется, гад, что мы иммунитет мужика подточили. А без нас сидел бы этот вирус в геноме в форме провируса, и не высывался.

Однако болезнь ни в коем случае нельзя равнять с возбудителям, опосредствующим её развитие. Это всё равно, что приравнять человека к совокупности составляющих его клеток. Нет, болезнь – это не только микробы. Это ещё и миллиарды погибающих клеток организма, и слизь в тканях, и воспалительные реакции организма, и повышенная температура, и мигрень, и боль в поражённых органах... Но самое главное – это зарождающееся в мозгу больного полное осознание безысходности, принятие самого факта заболевания; - самый желанный атрибут сущности, называемой людьми «болезнью». Аутоиммунные заболевания – так те вообще не нуждаются в каких-либо возбудителях; они целиком и полностью обеспечиваются клетками самого организма. Хотя для их активации порой и требуется какой-нибудь внутренний воспалительный процесс. А некоторые болезненные сущности появляются в человеке ещё до его рождения...

Ну-ка, кто тут в этом теле ещё обитает?

- Ха, старые знакомые! Синдром воспалённого кишечника, ты ли?

- Привет, привет.

Ждёт, засранец, того момента, когда я войду в полную силу, чтобы больной принялся глотать антибиотики горстями. Убойная химия обязательно вызовет дисбаланс в микрофлоре человека; тут-то он и расправит крылья...

Как бы то ни было, дисбактериоз для меня крайне полезен: это главный сдерживающий фактор, удерживающий моего хозяина от принятия ударной дозы противомикробных препаратов. Знает, гадёныш, что не только мне, но и ему самому невмоготу станет во время их приёма.

Гастриты да всякие там пиелонефриты меня мало интересуют: я с ними слабо контактирую. Живут себе – ну и пусть живут. Мне они не мешают, я – им. И самое главное – на мне они не паразитируют, как эти всякие там герпесы и сердечно-сосудистые заболевания. Вот, сейчас приведу к снижению поступления в кровь кислорода, так стенокардия воспрянет духом. Но как же хозяин холит и лелеет эту паразитку! Ещё бы, ведь он постоянно прикрывается своей грудной жабой, оправдывая ей свою беспросветную лень, нежелание заниматься спортом, поднимать тяжести, усиленно работать. Чуть что – ой, сердечко кольнуло, грудь сдавило. Тьфу ты, просто тошно становится порой.

Хм, а это что за гадость там, в глубине лёгких? Какой-то подозрительный сгусток. Неужели начальная стадия рака? Вот же не повезло бедолаге! Значит, последний раз я в этом теле зародился. Ненавижу новообразования: ну что им мешает расти спокойненько, питаться, самосовершенствоваться и развиваться потихоньку? Зачем же к смерти своего благодетеля приводить? Где логика? Эх, не ведает рак всех прелестей долгой жизни!

И что мне теперь прикажете делать? Разовьюсь сейчас по полной, так иммунитет человечешки совсем бороться с раковыми клетками перестанет. Того и гляди, посчитает меня большим злом. У иммунитета совсем нет мозгов. Как и у его хозяина, впрочем. Начал бы в зал ходить, вести здоровый и подвижный образ жизни, перешёл бы на здоровое питание, так ни я, ни одно из вороха его хронических заболеваний, ни этот мерзопакостный сгусток не смогли бы в теле зародиться – не то, чтобы развиться в полную силу. Придётся в хронику переходить. Лучше прослыть неблагодарным перед Гриппушечкой, нежели потерять своего постоянного клиента.

- Эй, Пиелонефрит, Дисбактериоз, Гастрит, Стенокардия, Герпес, Кариес, Остеохондроз, слышите меня? Чуете, какая пакость в правом лёгком зарождается? Предлагаю объявить общее перемирие и начать приглушение всех наших проявлений по максимуму.

- О, без году неделя, а уже права качает. Ты кто такой, чтобы на себя командование брать? Я в этом теле двадцать два года обитаю, и никогда не покидал его, подобно некоторым. Кому, как не мне такие вопросы решать.

- Ну так решай ты, Гастрит. Решай ты.

- Хорошо, ребята, здравая мысль – притормозить нашу активность на какое-то время. Пусть хозяин соберёт всю силу в кулак да врежет по этой нечисти общим своим иммунитетом. Кто «за» - подтвердите. Единодушным решением мера вступает в силу с сего момента и продолжается до полного избавления организма хозяина от трансформированных клеток.

- Да будет так.

Игра в кинга

Ну и трудную же жизнь пришлось проживать! Просто ужас какой-то. Нет, если и в этот раз выпадет такой паскудный набор карт, перейду в разряд демонов. Или ещё лучше – подамся во внутренние голоса. Эти хоть не забывают на время пребывания на Земле всё напрочь, как человеческие души. Подумать только: семьдесят пять лет, и хоть бы чего-то стоящего человек добился. Не жизнь, а тоска смертная. Но главное – это то, что Кинга не схватил, и на том спасибо.

Мой хексус, оказывается, последним почил в Бозе (хорошо, что Антимандрид не заказал «Не брать две последние»), а посему мои компаньоны вот уже несколько лет дожидаются меня для новой раздачи. В этот раз игру назначаю я. Сдатчиком ныне у нас Гавропропан. Колода тщательно тасуется, я сношу, и Гавропропан приступает к раздаче. На третьем кругу сдачи он откладывает две прикупные карты. Ох, много бы я отдал, чтобы поглядеть, что находится в прикупе. Не даром говорится: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи».

Поглядим, что за картишки пришли. Какую же игру мне заказать с таким набором? Наверное, в этот раз буду хвалиться. Длинные трефы и пики. Выбивается валет бубновый да червовая десятка. Так, красный мальчик у нас знаменует крепкое здоровье, стальные нервы, но довольно короткий жизненный путь. Смерть в сорок лет вследствие дорожно-транспортного происшествия. Ну и да фиг с ним, с этим валетом, ведь за такую непродолжительную жизнь вряд ли он сможет многого добиться. Нет, взяток от валета ждать не приходится. Решено, скидываю.

А что же насчёт десятки? Богатый сексуальный опыт, несколько «дам сердца», но нет постоянства в семейной жизни. Много измен с обеих сторон. Нет, ну её, эту любовь-морковь! Скидываю.

Видимо, придётся играть хвалёнку. И, наверное, выберу трефы козырями. Крестовый туз. Ну-ка, ну-ка, посмотрим. Очень много преданных друзей, товарищей и собутыльников. Собутыльники – чего-то это как-то стрёмно звучит. Ну, да ладно. Крепкая дружба – очень даже стоящая карта.

Как показал опыт, важна бывает карта, обозначающая место рождения. Валет пик. Новосибирск. Ну, главное – не село какое-нибудь. Сойдёт, ведь валет – не такая уж и слабая карта. Много возможностей.

А что насчёт квалификации и трудовых ресурсов? Десятка пик. Человек, которым я буду проживать в этот раз, закончит Новосибирский Государственный Технический Университет, получит диплом электромеханика. Всю жизнь мужик проработает на Новосибирском заводе металлоконструкций. Совсем не так плохо. Достойный стабильный заработок

обеспечен. Если будет рьяно трудиться, может доработаться и до управляющего.

Хорошо, а что у нас с талантами? Таланты недооценивать нельзя, вечно я взятки на них теряю. Ага, крестовая восьмёрка. Стойкость к алкоголю, терпеливость, устойчивость к ругани. Не густо. Терпила, одним словом. Ладно, козырь, как-никак, хоть и младшенький. Решено, играю треф.

- Крести козыри у нас, бубны были в прошлый раз, - объявляю во всеуслышание.

- Прошлый раз Кинг у нас был, не ври, - бурчит себе под нос Антимандрид.

Да, чувак как был занудой, так им и остался. Дрожащими руками поднимаю прикуп и показываю карты моим оппонентам. Оба-на! Трефовая дама! Единственная супруга, постоянство семейных отношений. Но жена у мужика будет чрезвычайно сварливая. Это ничего. «Стойкость к ругани» теперь точно выстрелит, куда же мне с такой женой без терпения-то? А вторая карта – девятка пик. Целый вагон и маленькая тележка сердечно-сосудистых болезней и заболеваний желудочно-кишечного тракта. Высокий уровень предрасположенности к развитию сахарного диабета второго типа и рассеянного склероза. Ох уж эти полигенные заболевания: никогда не знаешь, разовьются они или нет. А сколько же всяких острых инфекций, отитов, ангин, гайморитов... Не карта, а просто какая-то медицинская энциклопедия, честное слово! И ещё хронический алкоголизм в придачу. Ну да ладно, зато смерть только в семьдесят один год. Долгая жизнь – неплохой шанс, чтобы набрать побольше очков. Длинные пики – совсем даже неплохо. Ну что же, поехали...

- Семён! Семё-ё-ён, вставай. Сколько можно дрыхнуть, старый ты козёл? Чего мычишь? Зачем, спрашиваю тебя, вчера нужно было накачиваться со своими дружками-собутыльниками до посинения? Тебе же алкоголь противопоказан. С твоим-то диабетом! Вдовой меня сделать хочешь. Вставай быстрее, кому сказала! Алкоголик хренов! Тебе итак на заводе квалификацию до минимума понизили, так хочешь, чтобы на должность вахтёра перевели? На какие шиши тогда жить с тобой будем? Вот дождётся, что ледяной водой тебя окачу. А ну вставай, паскуда ты окаянная!

- Вот же ж блин! – бубнит человек лет сорока пяти себе под нос, напяливая дырявые носки. - Ну, дух мой, не те ты карты перед игрой скинул.

Ох, не т

Убийца оживших полотен

Нина Папандопулус торопилась. Встречу ей назначил чудаковатый учёный, который обещал вскоре устроить революцию в живописи. Ох уж, эти учёные... Ну какие могут быть революции в живописи после бучи, устроенной экспрессионистами, постмодернистами, сюрреалистами и прочими абстракционистами?! Как же ещё нужно надругаться над природой, чтобы эти издевательства над действительностью можно было обозвать «революцией»?

Мейсон Брейг неслучайно обратился именно к ней: в мире искусств Нина считалась специалистом экстра-класса. Такого положения в обществе искусствоведов она добилась в основном благодаря особенностям своего восприятия. Несколько лет назад она осознала, что богатство красок, которое она видит в окружающем мире, недоступно для зрения остальных людей. Впоследствии выяснилось, что эта её особенность является результатом генетической мутации.

Глаз нормального человека содержит три типа фоторецепторов (опсинов), чувствительных в области длинных (красный цвет), средних (зелёный цвет) и коротких (сине-фиолетовый цвет) световых волн. Обычно мутации в генах фоторецепторов приводят к инактивации того или иного опсина, что ведёт к частичному или полному дальтонизму. Но в некоторых случаях они просто незначительно смещают спектр поглощения фоторецепторных белков. Науке известны случаи тетрахроматии - восприятия видимого диапазона спектра электромагнитного излучения комбинациями четырёх основных цветов, а не трёх, как у нормальных людей. У Нины же отмечалась пентахроматия: в её сетчатке имелось пять типов цветовых рецепторов. Один из «синих» опсинов стал воспринимать ультрафиолетовый свет, один же из «красных» превратился в «инфракрасный» фоторецептор.

Если бы дело этим и ограничилось, Нина могла бы считать себя счастливейшим человеком, ибо сверхчеловеческие зрительные способности гарантировали ей высокооплачиваемую работу, а также признание и почёт в самых высших кругах общества. Беда заключалась в том, что особенности Нины не ограничивались пентахроматией, ведь она ещё страдала синестезией. Именно поэтому Нина была вынуждена практически постоянно носить тёмные очки, ведь яркие солнечные лучи запросто могли вызвать у неё слуховые и обонятельные галлюцинации или даже приступ астмы. И, наоборот, сильные резкие запахи и громкие звуки непременно вызывали в её мозгу ярчайшие вспышки света и прочие зрительные псевдогаллюцинации. Бедная женщина не могла носить яркие одежды, она была вынуждена вкушать пресную пищу, не пользоваться косметикой и вести скрытую, уединённую жизнь, избегая шумных вечеринок и посиделок с коллегами и товарищами. Синестезия сделала её жизнь невыносимой.

Вот и особняк доктора Брейга. Женщина слегка коснулась кнопки вызова. Громкий лай собак застал её врасплох, придавил своей тяжестью. Нина облокотилась спиной к забору и чуть было не вскрикнула от адской боли в затылочной части черепа. Когда хозяин открыл ей ворота, она уже смогла взять себя в руки. Ей даже удалось выдавить из себя улыбку.

- Нина Папандопулус? Заходите, пожалуйста. Как вы себя чувствуете? Долго ли добирались... - сразу затараторил учёный.

Нина, не убирая с лица вымученную улыбку, лишь кивнула тому в знак приветствия и последовала за ним в дом.

- Я обещал вам революцию в живописи, уважаемая Нина, и сейчас я её с радостью продемонстрирую – с места в карьер начал обрабатывать гостью Мейсон, - Всё дело в красках. В качестве пигментов я использую природные соединения, синтезируемые различными микроорганизмами. Мои краски – живые, понимаете? Одни бактерии синтезируют в основном пигменты желтого цвета, другие – синего, какие-то из них от природы красные. В стрессовых условиях некоторые из микробов могут даже начать синтезировать несвойственные им хроматофоры. Я использую бесцветные питательные среды вместо красок, а цвет мазков появляется лишь после заселения поверхности мазка тем или иным видом бактерий...

Микробиолог всё тараторил и тараторил. Нина обвела взглядом гостиную. Неужели все эти картины писаны живыми красками? И проработка деталей – великолепная. Мейсон Брейг явно был профессиональным мастером, а не обычным любителем, как она себе изначально представляла.

- Но это ещё полдела! – не унимался оратор, - Самая главная моя изюминка – внедрение в геном некоторых видов бактерий генов флуоресцентных белков. Слышали о таких? Они поглощают свет при одной длине волны, а испускают – при другой, более длинной. Первый такой светящийся протеин, зелёный флуоресцентный белок (GFP), был выделен из светящихся медуз. Мы, учёные, благодаря внесённым мутациям, получили модификации этого природного белка, которые светятся самыми разными цветами: жёлтым, оранжевым, красным, синим, фиолетовым. Если картины обдать на несколько секунд ультрафиолетом, у них появляется флуоресцентное свечение и ...

- Скажите, - встряла наконец в разговор гостья, - Но как же вам удаётся так чётко прорабатывать детали? Почему синие бактерии не забираются на близлежащие слои жёлтых микробов?

- Так всё же дело в используемых мной питательных средах, - ни на секунду не задумавшись отчеканил Мейсон, - Понимаете, некоторые из бактерий могут расти на богатых солью субстратах, большинство же – не обладают такой способностью. Какие-то виды микробов могут жить только на средах сложного состава, другие требуют наличия в субстрате хотя бы одного источника энергии, например, глюкозы. Цианобактерии вообще способны

размножаться в водопроводной воде. Ну и, конечно же, антибиотики. Большинство из моих бесцветных «красок» содержат в своём составе специфические антибиотики, либо бактерициды широкого спектра действия...

Хлопнула входная дверь, и женщина вздрогнула всем своим естеством.

- А, это Хельга явилась, - извинился Мейсон, - Моя племянница. Хельга, заходи в гостиную. Познакомься, это Нина Папандопулус, выдающийся специалист по пигментам, краскам и цветопередаче. Нина, это Хельга.

- Очень приятно, - улыбнулась Хельга.

- Мне тоже, - ответила улыбкой на улыбку Нина.

- А я знаю, кто вы такая! – бесцеремонно заявила девушка и начала бомбардировать Нину расспросами и рассказами о своей карьере дизайнера.

Чем-то Хельга очень напоминала своего дядю, особенно манерой изъясняться, скоростью и экспрессией говора. Но чувствовалась и огромная разница между ними. Если невнятная, переполненная сложными научными терминами речь микробиолога действовала на Нину угнетающе, лёгкое и весёлое щебетание девушки наполняло её сердце радостью, теплотой. Казалось, Нина была согласна сколь угодно долго слушать Хельгу, не слыша, что, собственно, та говорит и любоваться этим жизнерадостным ангелом.

Вдруг Нина, почувствовав какие-то перемены в окружении, взглянула на стены с картинами и застыла в недоумении: полотна как будто ожили. Волны морского пейзажа принялись блеснуть и переливаться всеми цветами радуги. Ночное небо одной из картин зажглось тысячами крохотных светлячков, а луна обдала ошарашенную Нину ярким, всепроникающим словно рентген лучом. Небо на картине справа от неё окрасилось ультрамарином, а ярко-зелёные листики деревьев на картине справа принялись шептаться, будто во время порыва лёгкого ветерка. Зашевелилось и охристое поле пшеницы. Горящие цветы натюрмортов теперь источали потрясающий, ни с чем не сравнимый приторный аромат шалфея и пустынной акации. А пёстрые горы, представляющие какое-то невероятное сплетение нереальных красок и белых, сверкающих снежных лент пели. Да, пели голосом свистящего в ущельях ветра, а звук песни многократно отражался громогласным эхом. Реки, резвящиеся в багровых лучах заката, грозили выйти из берегов. Нина ошарашено взирала на происходящие метаморфозы, разинув рот. Но самым непостижимым для неё являлось то, что ни Мейсон, ни его племянница ровным счётом ничего не замечали: они продолжали тараторить без умолку друг с другом, изредка пытаясь втянуть в беседу и Нину.

Всё же, доктор Брейг, заметив, как его гостя всматривается в написанные им этюды и натюрморты, тоже начал к ним серьезнее присматриваться. Наконец-то он понял, как ему казалось, чем так заинтересовалась вызванный им специалист по цветопередаче: краски несколько изменили свои оттенки. Причём он сразу отметил для себя, что

модификации цветов были тем сильнее выражены, чем ближе к картинам находилась его племянница. Видно, вспомнив какое-то событие, Мейсон вышел из себя:

- Хельга, чёрт тебя побери! Опять ты надухарилась какой-то ядовитой дрянью! Сколько раз говорить тебе: гибнут мои нежные краски от твоей парфюмерии. Гляди, море из синего в бурое превратилось. Ты снова отравила все мои картины, дурёха!

«Бурое? Ну конечно же!» - воскликнула про себя Нина – «Они же не различают всех оттенков. А самое главное – это то, что они не видят яркого мерцающего ультрафиолетового свечения, создающего имитацию движения на картинах».

- Дядя, не духарилась я. Ну, честное слово, не духарилась, - всхлипывала тем временем Хельга.

- Вон! – кричал Мейсон, - Вон из моего дома! Сейчас же! И чтобы ноги здесь твоей никогда не было, убийца картин. Убийца живых полотен!

Хельга в слезах выскочила из дядюшкиного дома и на всех парах понеслась вниз по улице. Нина глянула на стены холла и отшатнулась: живой блеск картин погас, краски поблекли, потускнели. Было такое ощущение, что из полотен выкачали жизнерадостную радугу. Искрящийся снег вновь стал просто белым. Море перестало переливаться и шептать волнами. Поле ржи навеки застыло, и ветер теперь не гладил его колосьев. Звёзды с луной снова окрасились в бледно-жёлтый тусклый цвет. А цветы... Нине захотелось лечь и горько зарыдать.

Зато теперь у женщины в голове сложилась ясная картина произошедшего. Видимо, один из видов микроорганизмов доктора Брейга обладал способностью к биолюминесценции. Нина прежде видела такое свечение ночью на море, и ни за что не смогла бы его спутать с другим видом излучения. И синтезировать люциферазу эти бактерии принимались лишь под воздействием весёлой и жизнерадостной ауры Хельги. В том, что девушка являлась триггером свечения, не было никакого сомнения. Брейг же зафиксировал изменение цвета картин в присутствии Хельги в силу того, что испускаемый светящимися бактериями ультрафиолетовый цвет возбуждал флуоресцентные пигменты генетически модифицированных «живых красок». Возбужденные флуоресцентные пигменты, как и следовало ожидать, меняли цвет сопредельным участкам картин.

- Мейсон, - еле слышно обратилась Нина к учёному, - Я искренне восхищаюсь проделанной вами научной и художественной работой. Да, вы создали живые картины. Но вы же в итоге и погубили их. Это не Хельга, а вы - убийца оживших полотен.

Бог устал нас любить

- Володька, что слышно про надвигающийся Армагеддон? Как вы, горе-учёные, могли такое прошляпить?

- Паш, я, вообще-то, не астроном, а всего-навсего биохимик. Что с меня взять-то? Говорят, что комета Виртанена столкнулась с непонятно откуда взявшемся на её пути астероидом, разбилась на три большие фрагмента, два из которых потенциально могут столкнуться с Землёй.

- Но какого же рожна в них ракетами не запускают с ядерными боеголовками?

- Может, и запустят. И, кстати, можно было бы обычными ракетами обойтись. Без боеголовок. Только просчитать всё нужно, взвесить основательно. Как бы хуже не вышло...

- Мужчины, за стол. Хорош лясы точить.

- Блин, тут планета через день-два вдребезги разбиться может, а они какой-то «Пир во время чумы» устроили, честное слово.

- Ладно, пошли. Женщины всё равно нам житья не дадут.

- О, Алиска, привет, поздравляю с Днём Рождения!

- Спасибо, дядя Паша!

- Слушай, когда мимо твоего замка проходил, заметил, что он в каком-то плачевном состоянии находится. Ты, что же, за ним совсем следить перестала?

- Ну дядя Паша! Мне уже шесть лет исполнилось! Я же теперь взрослая! В школу даже скоро пойду. Некогда мне замками всякими заниматься...

- Тяжёлый случай. Слышь, Володька, а ты знаешь, что я понял?

- ...Ну?

- Забыли про нас! Оставили наш мир на произвол судьбы подобно скучному и неинтересному глиняному замку. Понимаешь, мир-то наш совсем не идеален, комом сделанный. Видно же, что не мастер создавал. И ещё... Он же может эволюционировать со временем. И интересы Его, надо полагать, тоже могут измениться ...

- Батюшки родные, люди! По телеку только что передали, что американцы запустили по комете ракеты, но чего-то они там просчитались. И теперь уже четыре огромных куска её прямиком на нас несутся, окаянные...

Камера обскура

- Ну и чё это за аттракцион, Карл? Чё за камера такая? Раз позвал братву, давай, объясняй, что к чему.

- Ребят, это только название такое. На самом деле настоящая камера-обскура позволяет получить оптическое изображение объектов в тёмной комнате. На это приспособление аттракцион походит только тем, что он имеет место в тёмной комнате сферической формы. Так вот, главная фишка конкретно этой камеры – что человек подвешивается на гибких тросах и может совершать всевозможные кульбиты в полнейшей темноте. В камере создаётся проекция различных мелодий, преимущественно классических композиций, но так, что каждый музыкальный инструмент имеет свою шкалу звучания. К примеру, контрабас имеет максимум звучания в верхней северо-восточной точке сферы. В противоположной же от неё точке звучание контрабаса будет минимальным. Фортепиано, к примеру, максимально звучит на юге, следовательно, тише всего оно будет звучать на севере. И так – для каждого конкретного музыкального инструмента.

Сначала нам позволят напрыгаться вдоволь и привыкнуть к такому объемному звуку, мы научимся даже ориентироваться в пространстве, используя в качестве сенсоров лишь уши и наши органы равновесия. Затем в комнату начнут помещать как бы непроницаемые для слуха объекты. Если такой объект пересекает «луч» звука от источника того или другого инструмента, тот перестаёт звучать. Вскоре наш мозг обучается как бы «видеть» ушами крупные объекты, как, наверное, видят мир летающие ночью летучие мыши. Объемный звук, понимаете? Представляете, как круто?!

- Да ну, братва, эту камеру дурацкую. Айда лучше по пивку вдарим.

- Одобрямс, нефиг бабло на такую хренотень переводить...

- Ещё мы на концерты классической музычки не хаживали!

- Иди ты со своей камерой обоскуратой куда подальше, зубрила ты недоделанный...

Возрождение

*Да, жаль, что в ходе борьбы за
Существование между людьми
и обезьянами победили ... обезьяны.
Из рассуждений эльфийки 98-го уровня*

- Алекс, ну почему ты выбрал из всех возможных вариантов для усыновления именно Грэма?

- А что с ним не так? С чего это вдруг я его не должен был выбрать?

- Издеваешься? Он же просто уродлив. Яйцеголовый, челюсть - как у обезьяны, шнобель - горбылём. Руки и ноги волосатые, словно у хоббита. И волосы эти красные... А веснушек нет. И кожа не такая светлая, какая бывает обычно у рыжих людей. А глазищи-то какие у парня! Просто жуть!

- Подумаешь... Мужчина должен быть чуть симпатичнее гориллы...

- Да ладно, внешний вид – не самое же ужасное: природа порой и не такие финты вытворяет. Но он же умственно отсталый, разве ты этого не осознаёшь?

- Уна, Грэм по уровню интеллекта превосходит многих своих сверстников. Девяносто два балла для двенадцатилетнего парня – весьма неплохой результат.

- Странно. Но он же тупит вечно, молчит, когда к нему обращаешься, в глаза никогда не смотрит. Господи, как же мне трудно с ним! Бьюсь, как рыба об лёд, а ему хоть бы хны! Мы только месяц живём вместе, а я уже вымоталась. Сил моих больше нет, Алекс, понимаешь, совсем нет сил...

- Это другое дело. Пойми, бедняге крайне трудно налаживать коммуникацию с людьми. Он пытается, но не может адекватно взаимодействовать с социумом. К тому же, ему очень непросто даются глухие согласные. Ты же в курсе его проблем, связанных с речью. Одноклассники и гнобят его по этому поводу. Дети жестоки...

- Ты хочешь сказать, что он страдает аутизмом?

- Не совсем так. Но сходство проявляемых симптомов с расстройствами аутистического спектра – налицо.

- Но если это так, то Грэм должен учиться в спецшколе. Или я ошибаюсь?

- К сожалению, это невозможно. Грэм должен воспитываться как обычный среднестатистический ребёнок. Иначе придётся забить на чистоту эксперимента... Ой, забудь. Это я чего-то не то ляпнул.

- Какой эксперимент, Алекс? Чего молчишь? Отвечай, а не то я такой шум подниму, что сам рад не будешь. Давай, я жду.

- Уна, обещаешь хранить тайну, если я тебе доверюсь? Если кто-то об этом узнает, последствия будут просто катастрофические.

- Да обещаю, Алекс, выкладывай.

- Дело в том, что мы забабахали колоссальный эксперимент. Был изменён геном одной из линий стволовых клеток человека таким образом, чтобы он как можно больше походил на неандертальский. После этого было осуществлено клонирование с использованием полученного генетического материала. Короче, Грэм по своей сути – неандерталец. Сейчас мы исследуем, как работает его мозг и другие органы, в зависимости от той или иной ситуации.

- Но как это возможно, Алекс? Прочесть геном неандертальцев – одно дело, но собрать его из миллионов кусочков в одной клетке... Как?

- Долгая история, Уна. Сначала использовали метод гомологичной рекомбинации, затем полученный геном редактировали внесением отдельных участков ДНК и точечных замен с использованием системы CRISPR/Cas9. Я тебе рассказывал о ней, помнишь? Технически не трудно, но работа проведена огромная, сама понимаешь. Можно было ограничиться лишь внесением мутаций в кодирующие последовательности генов – это порядка двух тысяч одонуклеотидных замен. Но затем мы решили воссоздать неандертальский геном целиком: в последнее время получаем всё больше данных о важности некодирующих участков нашего генома.

- И сколько таких грэмов топчет сегодня нашу человеческую землю?

- Уна, во-первых, хочу сразу оговориться: я не буду с тобой обсуждать этические вопросы данного эксперимента. Не думаю, что здесь у нас может быть достигнут консенсус. И я не намерен выслушивать от тебя упреки и выпады против наших исследований. Во-вторых, Грэм – такой же человек, как и другие люди. Не хуже и не лучше. В нашей с тобой ДНК порядка четырёх процентов неандертальского генома, между прочим: когда-то кроманьонцы и неандертальцы скрещивались друг с другом. А что касается количества объектов исследования – то их десять. Геном у всех один и тот же, но воспитываются они в разных условиях социальной сферы. Кто-то обучается как аутист, кто-то – как обычный пацан в средней школе, кто-то из них – на дому по специализированной программе. Поэтому параметр обучения я не имею права самопроизвольно менять...

- Алекс, да для меня ясно, что ты и все твои коллеги – моральные уроды. Ладно, не хочешь обсуждать со мной этические аспекты науки – не будем. Если ты не понимаешь, что весь ваш чёртов эксперимент аморален, я не смогу вдолбить этого в твою больную голову. Но разреши полюбопытствовать, какие же различия между «нами» и «ними» вы, всё-таки, обнаружили?

- Можно с уверенностью отметить, что испытуемые физически значительно сильнее своих сверстников. По своей силе ребята не уступают среднему взрослому мужику. На самом деле нам так и не удалось

зафиксировать каких-либо отличительных черт, которые бы никогда не встречались у тех или иных людей. Конечно, неандертальский мозг функционирует несколько иначе, чем наш. Я в этом вопросе не очень хорошо разбираюсь, но Джим с коллегами утверждают, что они получили очень интересные результаты посредством МРТ-, КТ- и ПЭТ-сканирования неандертальского мозга. Показатели IQ у всех них довольно высокие, размер мозга – несколько больше среднего показателя, рассчитанного для детей их возраста. Но, вместе с тем, испытуемые плохо понимают абстрактные понятия, им трудно интерпретировать проявляемые людьми эмоции. Ещё все возрождённые неандертальцы не очень хорошо контролируют свой гнев. В сложных ситуациях, особенно когда они не могут получить то, чего хотят, может проявляться открытая агрессия. Они редко испытывают чувство страха, даже когда ситуация потенциально может быть опасной для их здоровья и даже жизни. Что ещё? Все они плохо понимают юмор и сарказм. Но главное отличие, на мой взгляд, заключается в том, что Грэм и его собраты, видимо, не умеют лгать. То есть, они могут сказать неправду, если уверены, что говорят правду, но чтобы намеренно кому-то солгать – этого замечено ещё не было. Им совсем не свойственно притворство, предательство, хитрость. И сверстники из-за этого всё время над ними потешаются, почитая их за недалёких людей. А теперь представь, что станет известно, что Грэм и его собраты – не совсем люди...

- Да успокойся ты! Я прекрасно понимаю, что человек чересчур бесчеловечен в своей «человечности». Я знаю, что если обо всём станет известно, их жизнь превратится в сущий ад. Можешь не сомневаться, я никому не скажу о настоящей природе Грэма. И забудь, что я тебе наговорила давеча о моём к нему отношении. Признаю, что была неправа. Как-нибудь справимся.

- Спасибо за поддержку, Уна. Я это очень ценю.

- Послушай, Алекс, и как же вы поступите с результатами? Их же нельзя публиковать, иначе вся правда о мальчиках всплывёт на поверхность...

- То есть как это – не публиковать результаты, Солнце моё? Конечно же мы опубликуем их, и опубликуем в самых что ни на есть известнейших изданиях, можешь не сомневаться. Да, нам понадобится ещё пара лет, чтобы закончить сбор и анализ данных, подбить статистику и ...

- Погоди... «Подбить статистику»? Алекс, Грэм же тебя своим отцом считает. Посмотри, как он к тебе относится! Ты же понимаешь, что с ним станет, когда вы опубликуёте в своих никчёмных журнальчиках! Это же предательство, Алекс!

- О чём ты говоришь, Уна? Эксперимент – есть эксперимент. Я, конечно, очень привязался к Грэму. Но наука для меня всегда была превыше всего, как ты этого не понимаешь! Возможно ли скрыть истину? Полученные нами результаты могут принести огромную пользу всему человечеству ...

- Всё понятно, друг мой. Лучше не говори больше ничего, иначе я могу не сдержаться и сильно тебе нахамить. Занимайся лучше своими делами, а мне нужно приготовить ужин ...

В погоне за икаром

«...Икар поднялся высоко вверх, к самому солнцу. Под жаркими лучами растаял воск, скреплявший крылья, перья распались и разлетелись вокруг. Напрасно взмахивал Икар руками, - уже ничто больше не удерживало его в высоте. Он стремительно падал, упал и исчез в глубине моря...».

- Какого чёрта ты смеёшься, поганец? Рита, сама читай ему сказки: он же ни во что не врубается! Там, где нужно печалиться, он смеётся! Родила мне идиота, так сама с ним и занимайся...

- И ничего он не идиот. Вот взял бы да разъяснил ему, почему в этом месте не стоит радоваться. А мне ещё нужно на кухне прибраться.

- Слушай сюда! Ты понимаешь, что Икар свалился с такой верхотуры и погиб? Какого же рожна ты лыбишься?

- Но Икар же, всё-таки, попал на небо, разве не так? Баба Маша говорила, что все, кто умирает, на небо поднимаются. Если сбылась его мечта, почему нельзя радоваться?

- Ритка, говорю же: дурак-дураком наш с тобой сын. Ты послушай, какую ахинею он мне сейчас выдал.

- Все вы, мужики, одинаковы: как делать детей – так «Всегда готовы!», а как позаниматься с ребёнком пару минут – так сразу в кусты. Ой, Солнце моё, это ты нарисовал?! Миш, гляди, как здорово Алёшка Икара изобразил!..

- Слышь, ты! Сколько твердить тебе, остолопу непонятливому: карандаш нужно держать в правой руке! В правой, ты меня понимаешь? Где у тебя правая рука? Вот! Ещё раз увижу, что рисуешь или пишешь левой, - выпорю!

* * *

- Алексей Михайлович, но почему вы хотите сразу на такое большое расстояние перепрыгнуть? Да, разработанный вами способ сверхсветовых перемещений функционирует. Но три с половиной тысячи световых лет...

- Томочка, просто я хочу увидеть, как Икар поднимался к Солнцу. Воочию. Фотоны, несущие об этом информацию, должны сейчас находиться примерно на таком расстоянии от Земли. Считай, что это мой бзик. Не волнуйся, всё у нас получится ...

Андреанова Ольга

Перекрестье.

Монтеро.

- Ты бы поспал командир. – Гасс сказал это тихо, почти обыденно, так что Дариан понял – ждать бесполезно. Колени задрожали, и Дариан впервые за много лет дал волю слабости: застонал, закрыв лицо ладонями, не удержался на ногах и, оказавшись на полу, вдруг почувствовал себя совершенно разбитым, беззащитным. И перед кем? Перед врагом, мальчишкой, насмешником, который ему теперь родней сына.

Чувство был страшным и совершенно не привычным. Гасс потянулся к поясу. «Нож!» - мелькнула первая мысль, «чушь...» - пришла вторая.

- Соберись командир! – На голову Дариана пролился добрый литр воды. И где он только достал? Еще вчера последнюю воду собрали со всего отряда, чтобы кое-как промыть раны.

Да и какой он к *фрагу* теперь командир?.. И кто его назначил – вот этот мальчик? Получалось что так. Хорошо хоть ума достало не честить через слово капитаном: не было больше среди них капитанов, звания и титулы они бросили там же, где бросали друг в друга проклятья и где едва не остались сами. Им повезло – они готовились оставить на том поле жизни, а расстались лишь с прошлым. Надолго ли? Тот еще вопрос... Да и это «командир» было у Гасса таким повелительным, таким, что хоть умри, а не поспоришь. Дариан и не спорил.

Вода несколько отрезвила, забралась за ворот и побежала по спине холодными дорожками. Дариан отнял ладони от лица, его душили слезы, но теперь их было не отличить от капель воды. Во рту – ком, в голове звенящая тишь, в гортани колючая соль.

Гасс закрыл снятую с пояса флягу и, прицепив ее обратно, присел рядом. Стиснул руками его ладони. Теми, что в последние дни без устали принимали смерть Дариана на свой щит, отводили ее мечом, прятали за спину, зажимали раны.

Дариан ждал прохлады, но схватившие его руки были горячими, словно обданные кипятком, шершавыми, не по возрасту крепкими и узкими от уже привычного недоедания. Ну не может быть у детей таких ладоней!..

Не должно быть.

- Соберись, командир, соберись. – Прошептал как на исповеди. – Давай, прощу тебя, мне не справиться одному, я не смогу, я не сумею...

Дариану хватило сил только на то, чтобы сомкнуть ладони, зажав пальцы мальчика между ними и кивнуть. Ага, мальчика, как же! Он теперь

такой же мальчик как сам Дариан, как Берг, чей меч без колебаний покидает ножны по приказу вот уже почти сорок лет. Собранный, строгий, с кровавыми мозолями на юных руках, с темными кругами под глазами, с серой копной некогда черных волос...

Просто удивительно как он повзрослел и как сильно постарел всего за несколько недель.

- Мне нужно найти, я должен увидеть...

- Нет!.. Я отправлю на его поиски четверых, но не больше, прости. Остальные нужны мне чтобы строить укрепления... Ты поспи командир, а я пошлю четверых. – Гасс мягко, но решительно высвободил руки, поднялся. – Ты только выбери тех, кого тебе не жаль.

Губы разжались сами собой, назвав имя, как приговор, хотя Дариан и зажимал их руками, вжимая в зубы так, что на язык брызнула кровь. Одно, за ним второе, третье... Гасс зажмурился, услышав четвертое. Разведчик, стрелок и войны... хороший отряд, сработанный. Даже слишком для тех, кто не вернется, кого можно потерять вот просто так. Гасс плотно сжал губы – послать четверых вниз по склону, рискуя выдать свое местоположение, послать, прекрасно зная, на что они идут, кого встретят там, выдержать отданную в ответ честь и смолчать, не окликнуть, не остановить их в дверях – и зачем? Чтобы отыскать в одном дне пути отсюда тело бойца? Одного из сколько? Десятка? Полусотни?

Хотелось выругаться и взять бывшего врага за шкуру и трясти, трясти пока не вытрясешь из него все горе, пока разум не вернется вновь, пока снова не возникнет человек, чьим имеем пограничники Тореля пугали своих новобранцев.

Но Гасс знал, что он не вернется. Что помешательство пройдет лишь когда сын командира встанет плечом к плечу с отцом или же ляжет завернутый в саван к его ногам.

«Не позволяй мне!» - кричали белые от слез глаза старика.

«Не смей отказать!» - вопило обезумевшее от страха тело.

Гасс задумался. Да, он сумеет выстроить укрепления сам, распределить людей по периметру, снарядить отряды до вон того, бьющего с другой стороны склона ключа с пресной водой, сможет решить, кого поставить в первую атакующую линию, кого непременно сомнут, чтобы у остальных было больше времени. Ему хватит стойкости приказать магам использовать для своих заклятий жизнь, по капли вытекающую из раненных тел тех воинов, кого может спасти лишь полный покой и время, кого так или иначе придется бросить здесь случись им снова отступать... Но он не сможет руководить обороной, не хватит ни опыта ни умений, он не сможет разгадать планы врага или утихомирить бойцов вздумай они сомкнуть круг рогами вовнутрь, а не наружу...

А капитан Дариан может.

- Хорошо. – Гасс едва узнал свой собственный голос. – Я позабочусь.

Удель.

День перед *прозрением* всегда был особенно тяжел. Портилось настроение и самочувствие, оживали недолеченные болячки и старые обиды. Звери прятались по дырам и норам как перед бурей, бесились в гнездах птицы. В городах гасли огни и звуки, останавливалось движение на улицах, люди спешили по домам, чтобы видение грядущего не застало их вне родных стен, начинала портиться даже погода.

И на одну ночь мир замирал.

В этом году ночь *прозрения* пришлось на первую половину ноября и погода, и так не шибко балующая теплом, испортилась окончательно. Небо укуталось тяжелыми низкими облаками как шубами, затих ветер, ритмично качавший голые древесные стволы, ударили бесснежные заморозки, тонкой коркой покрыв стены Удельского монастыря. Невидимая, но ощутимая серость олова разливалась в воздухе откуда-то из другого пространства, ползла по земле, забиралась в череп, от чего так и хотелось взять голову обеими руками и давить до тех пор, пока тяжелая серость гнойником не прорвется наружу, освобождая место мыслям.

А мыслить было необходимо. Хотя бы для того, чтобы не уподобляться собственным подопечным, не говоря уже о том, что врачам не позволительно болеть ни духом, ни телом.

- Как вы себя чувствуете мистер Луд?

Мне пришлось повторить вопрос еще дважды, прежде чем Ирвин Луд перевел взгляд от небольшой деревяшки в руках на меня. Он не был ни стар, ни глуп, ни уродлив, обычный мужчина пятидесяти шести, которому просто сильно не повезло.

Пока мистер Луд фокусировал на мне взгляд, справа пронзительно взвизгнули, и я лениво поднял туда глаза. Карли бился в руках санитаров надсадно визжа, молотил по полу ногами, выгибался в дугу, выплевывал со слюной слова.

- Я позабочусь!.. Я позабочусь!.. – Его истошные вопли могли бы разбудить и Руана – древнего покровителя боли и несчастий, но за двадцать лет жизни ребенка и врачи, и пациенты так привыкли к подобным воплям, что даже мистер Коран, нервничавший сегодня больше, чем обычно не повернул голову в его сторону.

Привычка – страшная вещь. В такие дни, как сегодня, наблюдая за движениями, со временем ставшими механическими, заглядывая в лишенные всякого воображения картины, в глаза детей, в которых не осталось удивления я понимал это особенно остро. Привычка сделала нас равнодушными к крикам, превратила в актеров, вызубривших свои роли, но

дала взамен некоторую стабильность, неизменную величину, чувство контроля.

И от *прозрения до прозрения* мы спокойно живем со знанием о предстоящем горе или исполнении желаний, спокойно отодвигая страх неизвестности, очарование тайны, радость неожиданных встреч, горечь ошибок. Мы так привыкли, что теперь отсутствие этого знания убивает и, если повезет – убивает быстро.

Мы стали зависимы от привычки знать наперед, хрупки настолько, что в полной неизвестности сходим с ума. Все возможные психозы и расстройства, помешательства, навязчивые идеи, буйства, бунтарства, безразличие... Порой я думаю, каким был бы наш мир, не зная мы собственного будущего?

И все это разнообразие собранно в Уделе как в гигантской кунсткамере. Где вместо банок со спиртом уроды были заперты в комнатухах с мягкими белыми стенами. Мы не можем им помочь: вдохнуть в них *дар* не в нашей власти, нам не вылечить их безумие, не спасти от страха неизвестности, в наших силах лишь облегчить их страдания и уберечь от самих себя, пусть даже для этого и приходится завязывать рукава рубах за их спинами.

Среди врачей и санитаров существует поговорка «все двери Уделя открываются в небо» и это чистая правда. И дело даже не в том, что Удельский монастырь стоит высоко в горах, откуда до неба и впрямь всего несколько шагов, а в том, что отсюда невозможно уйти, и какую бы форму в этих стенах не принимало безумие, путь на волю был лишь один – наверх, в теплые ладони Творца. Говорят, это место проклято.

Мистер Луд задумчиво катал в ладонях небольшую деревянную щепку, любясь игрой теней в ее углублениях, после чего поставил ее на кончики пальцев обеих рук и так, чтобы я мог рассмотреть его творение, протянул мне.

И то, что я принял было за простой обломок дерева, оказалось фигуркой, похожей на древнего идола, какого-нибудь молодого племени. Небольшой, уродливый. Горбатый, с разинутым ртом, маленькой головой, выколотыми глазами. Конечно, эти дыры на месте глаз, едва не пробивавшие череп насквозь могли означать что угодно, но почему-то я был уверен, что не ошибся.

- Очень красиво Ирвин! Ты сам это сделал?

Интересно, как он это вырезал? Или он это нашел или у мистера Луда и впрямь был нож... Последнее было бы очень скверно. Я хорошо помнил, как два года назад старая Сара воткнула припрятанную вилку в руку одного из санитаров, после того как вынула ее из шеи своего доктора.

Я повертел фигурку в руках, пройдясь пальцами по иссеченной глубокими бороздами спине, разинутому рту и выдавив улыбку, протянул обратно – от уродца в руках становилось не по себе. Но мистер Луд лишь качнул головой, не делая попыток забрать вещь с протянутой ладони.

- Возьми, все равно он станет твоим, так что считай, это подарком.

- Можно узнать по какому случаю?
 - Хотел сказать спасибо, пока еще есть время.
 - Бросьте Ирвин, у нас с вами еще много времени.
 - Всегда знал, что это ложь, - он пожал плечами, сплетая вместе пальцы.
- Ну, когда ты кормил меня таблетками, привязывал к кровати и говорил, что эта ночь все изменит. Что в этот раз дар *прозрения* обязательно вернется, и я увижу на много лет вперед. А когда ничего не происходило, ты возвращался и рассказывал, что в собственном сне видел меня и что все было хорошо, потому что там я не отказывался от супа и принимал лекарства. Ты говорил, что это прерогатива врачей — видеть за тех, кто не может.
- И что же изменилось?
 - Эта ночь. Она действительно все изменит.
 - Что же заставляет вас так думать?

Мистер Луд смотрел поверх собственных рук куда-то сквозь меня. Мне не нравился этот новый взгляд — было в нем предвкушение, какая-то новая осмысленность, от которой делалось не по себе и блеск, очень напоминавший мне веселье старой Сары.

- Сегодня все... иначе. Ты много раз рассказывал, как мир меняется в преддверии этого дня, говорил, что если я буду внимательней, то обязательно это замечу. И сегодня — все не так, все на своем месте, но... выглядит по-другому, говорит по-другому. — Ирвин Луд замолчал, впервые за время нашего знакомства, заглядывая мне в глаза. — И, если ты не врал, ты должен чувствовать это лучше меня.

- Разумеется, мистер Луд. — Я помолчал, мысленно отмечая внезапный переход на «ты» и протянул руку. — Идемте, вам нужно собраться.

Монтеро.

Дариан проснулся от удара сердца, полностью и сразу, будто кто-то неведанный щелкнул пальцами, изымая из мира такую вещь как сон. Проснулся и некоторое время просто дышал, наблюдая, как дыхание срывается с губ бесформенными белыми клубами. Плясавший на полу ветер, протискиваясь сквозь щели в старой каменной кладке, причудливо кряхтел, от чего стылый храм словно бы дышал. В углу крохотным сердцем бился на дровах костер, с котла на нем тянуло чем-то крепким, травяным и было даже уютно. Его красные блики гоняли по стенам серый зимний свет, врывавшийся сюда через огромные окна с покосившимися, ржавыми, но все еще крепкими решетками, черкавшими по полу и противоположной стене длинные темные полосы.

В правом углу бойцы спали на найденных в здании слежавшихся матрасах, плотно сгрудившись в кучу и натянув рукава рубах на ладони, но все равно мерзли. Их оружие лежало в отдалении, но так чтобы в случае чего

оказаться под рукой. Слева тихо стонали раненые, они старались молчать и не будить спящих, но боль была сильнее. Рядом с ними мальчишка из команды Гасса аккуратно рвал на полосы лежащий у его ног ворох плащей, передавал их соседу, тот скручивал их в тугие валики и относил куда-то в другую комнату, третий из них осторожно протирал тряпичей мокрые от лихорадочного пота и грязи лица раненных. От мальчишек неприятно пахло мазями, кровью и гноем. «Наверное, помощники Ридина». – Подумал Дариан. Вообще-то Ридин был магом, но осенью, когда вместе с увядающим листом из мира уходила *магия*, он всегда брал на себя обязанности лекаря. И надо сказать, что справлялся он с ними отменно.

За стеной, о которую облокачивался Дариан, стучали по дереву мечи и всхлипывали точильные камни. Капитан поморщился, но за неимением топоров хлипкие деревья для баррикад приходилось рубить мечами, потом затачивать затупившиеся лезвия и снова рубить, нещадно убивая превосходное железо. Но выбирать не приходилось. Раздался предостерегающий окрик, и что-то тяжелое грохнулось о землю, и покатилося понукаемое строителями. Кто-то вскрикнул, нервно заржал, кто-то прикрикнул сердито:

- Осторожней криворукие ублюдки!..

Капитан поднялся, сильнее кутаясь в плащ. Было холодно, голова гудела, думалось туго. Как же всего одно «да» смогло привести к такому?..

- Ты уверен, что это хорошая мысль? – Берг тревожно оглянулся вглубь шатра, который Дариан мерил широкими шагами. Его тяжелый полог он придерживал рукой, и сквозь образовавшийся вход можно было наблюдать царившее в лагере недовольное оживление. Повертел в другой руке давно потухшую трубку, хотел было сунуть в карман, но передумал и зажал между зубами. – Люди волнуются.

- Я не уверен. – Капитан с трудом унял нервные шаги, остановился, провел ладонью по лицу. – Нет. Нет, но так будет правильно.

Бег кивнул и опустил полог, отрезая от него лагерь, где дезертир из какого-то Торельского полка не обращая внимания на насмешки и оскорбления грузил на мула выделенную Дарианом провизию.

- Ты уже получил ответ?

- Я все еще жду, а они специально тянут время пока мне это надоест, и я возьму всю ответственность на себя!.. Тугоухие свиньи! Проклятые бумагомаратели! Трусливые шакалы! Жирные!..

- И как скоро тебе надоест ждать? – Берг похлопал по карманам в поисках табака, не обращая внимания на очередную вспышку раздражения. Дариан метнул в него свирепый взгляд, но Берг не повел даже бровью. Первый раз что ли?.. Когда его капитан накалялся до предела, Берг всегда был

рядом, чтобы проколоть крохотную дырочку и выпустить излишки пара до того, как Дариан на кого-нибудь сорвется.

- Мы выступаем завтра.

- Ты спятил. – Дымное колечко взвилось и плавно ухнуло вверх, мастер меча любовался им до тех пор, пока оно не растворилось под куполом шатра. Хотя и надеялся в тайне, что дымное облако упадет камнем вниз, игнорируя все земные законы, тогда он убедится, что этот мир просто перевернулся с ног на голову и теперь в том, чтобы раздавать врагам провизию и защищать их на пути к собственной столице нет больше ничего странного.

Крепко запахло табаком.

- Я видел их лагерь!! И там нет врагов, только голодные беззащитные оборванцы!..

Дариан вновь понесся по шатру, запнулся обо что-то, рыча, пнул беспомощный предмет, поднял с пола еще один, запустил что было сил, жалея, что о стену командирского шатра нельзя ничего разбить. Может попросить магов исправить это недоразумение?..

...Устав бушевать опустил на циновку, устало прикрыл глаза. Почувствовал, как Берг опускается рядом, взял предложенную другом трубку. Поморщился, он не любил табак, но его крепость определенно успокаивала, унимая дрожь, расслабляла туго затянувшийся на груди корсет боевых мышц, мешавший движению, дыханию, проясняла голову, позволяла, наконец, просто отвлечься.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, потому что мне бы не хотелось вернуться домой в кандалах.

- Я видел их лагерь Берг, там действительно немного воинов.

- Они дезертиры. – Берг сделал ударение на этом слове, выждал паузу. – Которые бегут из страны и тащат за собой гражданских.

- И они действительно на грани, измучены, выжаты до капли и терять им больше нечего. А уж ты-то должен быть в курсе на что способны загнанные в угол крысы... К тому же, сколько еще ты сможешь сечь мечом напуганных детей, лезущих с той стороны границ?

- Я понимаю, почему тебе их жаль. – Берг забрал назад рубку, затянулся глубоко и удовольствием. Он никогда особо не вглядывался в лица своих противников, может быть и стоило?.. – Я помню, какой голод случился в Полее, и что случилось потом, тоже помню, мы тогда были не старше их, но они нам враги, понимаешь? И эти взявшиеся за мечи мальчишки, и люди, которых они тащат с собой. Жаль? Безусловно. Но так уж вышло.

- Враги... Самое интересное, что они не разу не называли нас так. Ублюдками, трусами, мучителями – да, но не врагами. Берг, то, что я чувствую это не жалость, скорее... восхищение.

- Что-то новенькое.

Дариан повернулся к нему, взгляделся в лицо, пытаясь увидеть недоверие, презрение, гнев, но лицо друга было непроницаемо. Так всегда бывало, когда Берг был ошарашен до предела. И точно такое же выражение лица Дариан наблюдал, когда первый мечник отряда несколько лет назад казнил перебежчика.

- Берг, они очень нуждались в помощи, но разве они роптали, когда в ответ Монтеро закрыл свои границы?

- Ты считаешь, что у нас не было на это причин?

Дарин вздохнул:

- Причины были.

В Тореле случился мор. Дикий, страшный, неконтролируемый совершенно. Пятую часть населения скосило в первые три недели, еще часть погибла несколько позднее, медленнее, мучительнее. Остальные бежали, пытаясь сдержать болезнь – жгли целые города, кипятили питьевую воду, дышали через маскарадные маски, жрали ядовитый колокольчик, траву, по слухам убивающую даже смерть, но лишь травились до кровавой рвоты. Пока разобрались, и худо-бедно взяли мор под контроль – бежать стало некуда. Мор был всюду, где-то больше, где-то меньше, но все же всюду.

Последнее время Дариану снились кошмары о том, как Торелю удавалось держать его в своих границах.

Да, они быстро нашли лекарство, но ссыпав его в грунтовые воды, чтобы донести до каждого колодца, добились не многого. Попробовали пролить с дождями, но долетав до земли, вода теряла лечебные свойства. Тогда решили преобразовать его в *туман* и пустить дымные лапы по стране, укутывая ими землю чуть выше колена.

Это было лучше, чем ничего: *туман* немного отчищал воздух и оттягивал конец зараженных на несколько месяцев, но вместе с тем он душил растительность: злаки, деревья, сорняки гнили прямо в земле. Но между возможным голодом и неминуемой смертью, люди выбрали голод.

И лишь потом окончательно уверились: единственный выход – дать лекарство каждому в чистом виде, заставить съесть, не запивая и не заедая ничем. Задача более чем нереальная, но все же были снаряжены тяжелые обозы. *Сизая крупа* раздавалась всем без исключения с единственным условием: один человек – одна горсть.

Конечно, нашлись недовольные и тогда по Торелю прокатилась волна мятежей. Обреченные сбивались в пьяные от страха и крови орды, грабили, убивали, насиловали, разоряли обоз за обозом, жрали *крупу* до распухших в гортани языков, до лопнувших животов. И армия взялась за мечи. Когда железо сделало то, что не довела до конца болезнь, огонь спалил ее остатки. Мор схлынул в конце июня, в октябре пошел первый снег, а спустя еще месяц вместе с морозами последствия *тумана* ударили особенно сильно.

И тогда выжившие пошли на штурм границ. Казалось бы, что может сделать едва живая от голода толпа? Оказалось – многое.

Но все же стоило отдать им должное – они очень пытались остаться людьми. Ровно до тех пор, пока кто-то не вспорол глотку местному королю, и вчерашняя стража принялась рвать друг друга, пытаясь подобраться ближе к подножью еще не сдохшего от голода трона или же стараясь не подпустить к нему других.

Мальчик Гасс был одним из тех немногих, кто отказался выбирать себе хозяина, кто не направил свой меч ни на тех, ни на других.

- Это тебя так восхищает? – Лицо Берга немного разгладилось.

- Мы недооценили их. Во время мора мы не рассчитывали, что кто-нибудь из них вообще останется жив, но они выжили и даже были в состоянии дать нам отпор. Мы недооценили их, когда они полезли на наши границы и может быть, сейчас совершаем ту же ошибку.

- Возможно. Но я не готов видеть дезертиров чумного Тореля рядом с собой. И другие тоже.

- Все?

- Не все, но большинство.

Дариан потрянул головой, отгоняя воспоминания, подошел к костру, вытянул к огню руки. Райнет бросил на капитана усталый, почти пустой взгляд, молча подал миску, глубоким половником влил в нее травяное варево. «Все-таки я это сделал...» - от этой мысли затошнило. Дариан присел рядом, принял угощение, но сделать глоток не смог.

- Ты один?

- Да.

- Прости.

Райнет смолчал.

- Почему ты не отказался? Я бы не смог заставить тебя идти.

- Этим пришлось заниматься не тебе. – Райнет попытался выдавить улыбку, но губы скривились в преддверии стоны. – Или может, ты думаешь, что Орук был единственным, за кем мы отправились вниз по склону?

В словах война не было упрека, но Дариан все равно его услышал. Захотелось застонать и вновь закрыть лицо ладонями, вот только в этот раз рядом не было никого, кто вылил бы на голову воды. «Как же я мог забыть об этом? Как же позволил одной смерти затмить другие?» – миска в руке задрожала, и Дариан поспешно поставил ее на пол, заставил себя проглотить дрожь, сесть ровно, посмотреть в пустые глаза Райнета.

И спросить тихо, почти обыденно:

- Что я пропустил?

Нож Райнета на миг замер над вытаскиваемой фигуркой и заскользил по ней вновь.

- Это для него, командир.

Удель.

Было холодно, камни резали спину так больно, что казалось, будто я лежу на них голой спиной. Мышцы – в полной одеревенелости, словно я бежал без остановки целую вечность, остановившись лишь за шаг от черты, переступив которую обычно падают замертво. Я уже не дрожал – сил не было. Холодный воздух наваливался сверху, придавливал к земле, тяжелой плитой падало на лицо что-то еще. Уложенные на груди руки свело от долгой неподвижности. Я попробовал пошевелить ими, но руки не слушались, попытался открыть глаза и не смог, и тут вдруг понял, что не дышу. Сердце моментально ухнуло вниз, забилося в ушах, подскочило к самому горлу и тут же бросилось вон из груди, увлекая за собой.

И я рванулся за ним всем телом вверх, ударился взглядом о закрытые двери век, криком – о плотный кирпич губ... Не знаю сколько я бился так о самого себя раздирая в стороны руки, ломая позвоночник в попытках согнуть, стискивая переплетенные пальцы чтобы боль поскорее вернула им чувствительность, но тело не двигалось. Если бы не режущие спину камни и нехватка воздуха я подумал бы, что просто заперт в камне без возможности взгляда, движений, без необходимости дыхания.

В какой-то момент кто-то влил в легкие кипятком, в ответ на него горло ощетинилось ежовыми иглами, и вместе с болью пришел Вдох. Постепенно плещущийся в груди огонь остыл, иглы в горле немного пообломались и спустя вечность, когда слезы размыли границу между веками настолько, что я смог открыть глаза вернулся мир.

В нем были людские голоса и стук топоров, там пахло зимой. Плачущий ветер шевелил упавший на лицо полог, слепил лившийся сверху свет. Рядом что-то вонзилось в мерзлую землю. Камни противно шаркнули о железо и этот звук отозвался болью в зубах. Я скосил глаза в сторону, и стоящая с той стороны покрывала тень замерла на мгновенье, вытирая со лба пот. Колыхнулась вновь, налегла на короткий черенок, напряглась поднимая на плоском основании черенка пласт земли.

Так потянулись минуты. Снова и снова вонзалась в землю короткая лопата, все глубже становилась яма, иногда тень останавливалась и надолго замирала, глядя в полог поверх моего лица. Словно ждала сигнала, знака.

Я здесь! Я слышу, я вижу, подойди и ты узнаешь!..

Я звал, молил, но тень снова и снова возвращалась к работе.

Когда выкопанная яма достигла тени до колена, она выбралась и присела рядом. Протянула руки, и я почувствовал, как отрываюсь от земли. Деревянные ладони упали с груди, голова запрокинулась, съехал с лица полог, и я уставился в холодное белесое небо. А тень прижала меня к себе, стиснула

в объятиях плечи, забралась пальцами в волосы и принялась ворошить их, чуть раскачиваясь в такт немым рыданиям.

А потом и вовсе подхватила съехавший полог и принялась укутывать в него как в одеяло, туго пеленала босые ноги, вновь складывала на груди безвольные руки, взяла в ладони голову, коснулась горячими губами лба и, подняв на руки, понесла.

От ужаса я очнулся, лишь когда меня осторожно опустили в яму и долго стояли, глядя пристально в лицо, собираясь с духом. Я беззвучно кричал, пока укладывался между сплетенными пальцами крохотный деревянный идол с иссеченной рубцами спиной, пока он поворачивался выколотыми глазами к небу. Пока поправлялся обернутый вокруг меня полог, и пока закрыв рукой мои веки, человек неторопливо засыпал меня землей...

Сон схлынул так же незаметно, как и подкрался. Раскалывалась голова, и цифры лежащего на полу будильника, который я, падая, свалил с тумбы, попадали в поле зрения под интересным углом, частые удары сердца в купе со щелканьем часов полнили комнату причудливым ритмом. И ни звука больше. Я пошевелил руками, и конечности пронзила дикая боль, разогнав по телу тысячи крохотных иголок; опершись дрожащими руками о ковер, с трудом перевернулся на спину.

Ломило все. Я поднес затекшие руки к лицу и тихо-тихо застонал.

Меня похоронят...

Постепенно руки на лице сжались в кулаки и стоны, превратившиеся сначала в хриплый кашель, незаметно для меня перешли в надрывный смех.

Зароют в землю заживо, обернув какой-то тряпкой...

Смеясь как сумасшедший, перевернулся сначала на бок, потом утвердился на четвереньках, и лишь поднявшись на ноги, сумел унять смех, едва удержаться от срыва и смог заглянуть в зеркало.

Пересеченный наискось трещиной в зеркальной поверхности на меня смотрел помятый молодой мужчина с черными синяками под веками и пронзительным взглядом. Он крепко держался побелевшими пальцами за тумбочку у кровати, до которой так и не дошел и плотно сжимал пухлые губы, чтобы не застонать.

Я моргнул, всего на секунду закрыв глаза, а в зеркале уже возник другой человек. Он стоял напротив меня у тумбы в той же самой позе и тем же выражением лица, вот только одна его щека была разодрана до самого уха острым предметом, и сквозь неровную прореху можно было видеть зубы. С грязной руки, плетью опущенной вдоль тела, капала на ковер кровь, белый халат смят и порван, волосы спутались и слиплись от крови.

Я с силой провел ладонью по лицу, и мое изуродованное отражение, размазывая на лице кровь, слюну и грязь, повторило этот жест. Опустил взгляд на совершенно чистую ладонь, тронул порванную щеку и, не ощутив пореза,

снова захихикал – все-таки сорвался. И некоторое время мы с отражением смеялись в унисон, держась за изуродованные раной и нервным срывом половины лица и оторвавшись от тумбы, ушли так же вместе, кивнув друг другу как старым знакомым, я за дверь комнаты, он – за края зеркала.

А Удель равнодушно молчал. Раннее утро расплзлось по его коридорам бестелесным призраком, шуршало в занавесках, оставляло светлые тени между решетками окон, топало по белоснежным холлам, смотрело с потолка в спину, дышало тишиной из-за углов.

На диванчиках в комнатах отдыха, привинченных к полу стульях и кушетках свободных палат, а то и вовсе упав прямо на пол, лежал персонал старого монастыря. Волосы, халаты, бумаги, лекарства окружали спящие тела как крылья, отчего они казались мне неведомыми ангелами, которым никогда не суждено было проснуться. Вещий сон, отключив сознание людей подобно свету в комнате, рассказывал им истории страшные и смешные, соединяя и разводя судьбы, наполняя кого-то надеждой, кого-то – отчаянием, но лица моих коллег были тихи и спокойны, безмятежны.

Постепенно проходила дрожь, оставленная *прозрением*, приходили в порядок и мысли. Перво-наперво я дошел до ближайшего холодильника, и вылакал почти пол литра холодной воды чуть разбавленной лимонным соком, и сразу стало легче.

Итак, я умру. Теперь эта мысль не вызывала такой реакции как в первые мгновенья. Не было ни ужаса, ни паники, сказывалась многолетняя привычка смирения перед неотвратимостью предсказанного. Я замотал головой. Нет, рано! Главное шевелиться, действовать, заставить себя делать хоть что-то, чтобы не успеть заранее привыкнуть к собственной смерти!..

Снова начало трясти, и я поспешно зажал рот горлышком бутылки. Меня убьют здесь, в Уделе и скоро. Я видел часть башни, укрывшей в себе почти двести лет не звонивший колокол монастыря и небо, мало чем отличающееся от вчерашнего. Оно было почти белым, очень светлым, и очень холодным – это зимнее небо и что более важно: я знал человека, рывшего мне могилу. Он тоже был здесь.

Тихо застонал Илар, уронив голову на сложенные на столе руки. Он единственный из всех моих знакомых предпочитал ловить дар *прозрения* именно в этой позе. Скоро очнется. Я покатал во рту глоток воды и, поставив бутылку с водой рядом с ним, решительно вышел из комнаты. Я не знал, когда сбудется мое видение, но определенно не собирался ждать его сложа руки.

Труднее всего дался первый, сделанный, словно против течения, шаг, на втором я пошатнулся и едва не упал, зато потом тело вошло в привычный ритм движения, и я вышел на улицу даже не потрудившись закрыть за собой двери Уделя, сошел с крыльца, быстрым шагом пересек двор, и уже свернув в хилую рожицу, бросился дальше бегом. Быстрее, еще быстрее, не останавливаясь, туда, к одноэтажному неухоженному зданию, где дворник,

такой же древний, как и его сторожка, хранил садовую утварь. Подлетел к запертой двери и, не давая себе времени на вдох, что было сил толкнул ее от себя. Оглушительно в утренней тишине грохнули железные створки, сведенные вместе тяжелым висячим замком. Выругался, потянул за замок, отошел на шаг врубился в двери плечом раз, другой, третий. Когда от ударов распухло под одеждой плечо, ушел в подлесок, отыскал среди жухлых листьев, покрытых тонким слоем снега палку, метнулся обратно, вставил ее между замком и душкой, налег на рычаг.

- Эй, Анат!..

Я обернулся на звук, как на выстрел и уставился на Илара, который потирая виски ладонью, с зажатой в ней почти допитой бутылкой стоял в полудюжине шагов позади. Бледное осунувшееся лицо с легшими на нем складками от рукава, на котором он уснул, было серьезным, а всегда лукаво прищуренные глаза сейчас казались злыми и уставшими.

- Помоги мне.

И несколько минут мы стояли друг напротив друга и смотрели, как безумный черный блеск зрачков одного отражается в глазах другого. И больше слов не потребовалось. Илар осторожно опустил бутылку на землю, поднял первый же попавшийся камень и, зажав в кулаке, замахнулся на замок.

Мы колотили его не щадя рук, в полную силу, срывая злость, страх, ощущая невиданный прежде азарт, даже не вспомнив, что у заведующего есть ключи от всех замков в Уделе. Илар бросал в дверь короткие проклятия, словно она была его личным врагом, а я смеялся высоко и громко, с наслаждением отбирая у судьбы собственную гибель. Стал бы наш мир лучше, не знай мы наперед грядущего? Что ж, теперь я точно знал ответ.

Спустя час Илар шипел сквозь зубы, кое-как сгребая руками с негнушимися пальцами сразу несколько высоких лопат. Потащил к выходу, понял, что не донесет и бросил на землю, подкатил трехногую тачку, начал сгружать инструмент на нее. Я тоже же сложил на нее свою ношу, немного подумал и бросил в нее же сорванный замок, стоивший нам разбитых в кровь рук и выбитых пальцев.

Мы нагрузили ее полностью, освободив сарай от садовых лопат, лопат для снега, цветов, походного инвентаря, детских совочков и бог еще знает чего. Мы взяли все! И не сговариваясь, покатали тачку к задней части монастыря. Там два месяца назад сломанное бураном дерево упало, проломив секцию забора. Его, конечно, убрали, наспех заколотили дыру досками, но починить забор как следует у нас так и не дошли руки.

- Погоди.

Илар вышел вперед и, прижимая к груди распухшую руку, выбил ударом ноги доски, отошел в сторону, прочь от набирающей скорость телеги. Я толкнул свою ношу в пропасть, едва затормозил и вцепился в друга, чтобы не

упасть вслед за ней самому. Ударившись о камни скалы, телега перевернулась, ее груз разлетелся в стороны и, грохоча, устремился вниз. Мы стояли и смотрели как лопаты, одной из которых должны были вырыть мне могилу, ударяясь о камни, летят вниз по склону, и почему-то совсем не думали о том, послало ли кому-нибудь нынешнее *прозрение* видение о несущейся с неба смерти?

Монтеро.

Дариан обернулся на грохот, но не найдя поблизости его источника вновь устался перед собой.

«Что же это я...» - перевел взгляд на руку, еще помнившую сухое, шершавое дерево идола тления, неизменного проводника в мир мертвых и неестественный холод человеческого тела. На пальцах, которыми он касался щеки Орука, осталась влага.

Дариан поднес ее ко рту и долго стоял, не решаясь коснуться губами. Словно было в этом действии что-то неправильное, постыдное, противоестественное. И, вдруг испугавшись, что его остановят, сунул палец в рот.

«Наверное, это моя... — провел по нему языком, прислушался к соли, с едва заметной нотой горечи. — Ведь не может же мертвец плакать?.. Надо идти!»

И продолжил стоять, тупо пялясь на хорошо заметный холм потревоженной земли. Семь лет назад он несколько часов стоял так и молчал, смотрел на земляной холм, которым засыпали тело его жены, и все никак не мог поверить, что этого человека с ясными, строгими глазами больше нет. А теперь точно в такой же холм лег и ее сын.

И Дариан снова стоял перед ним в одиночку, и все никак не мог отвернуться. Засыпанный землей мертвец словно вцепился в него руками, не отпускал, шептал из-за плеча «смотри на меня... смотри...». И Дариан смотрел и изо всех сил пытаясь увидеть лицо сына таким, каким всегда привык его видеть — юным, нежным, чуть красным, от схваченного с лихвой солнца. Или хотя бы таким, каким вдруг увидел его пару дней назад: тяжелым, угрюмым, неожиданно взрослым. Но перед внутренним взором стоял лишь мраморно бледный, загнанный до смерти мужчина с порванной до уха щекой и живыми, неправдоподобно живыми глазами.

«Он мертв, мертв уже больше суток... Я же не смотря на раны, проверял! Я вопреки всему убедился, что его больше нет!.. Но от чего же мне тогда кажется, что в мертвых остекленевших глазах я видел ужас? Почему же почти слышал крик истерзанного тела? Откуда взялась на его щеке эта неприметная слеза? И волосы... кажется, они были короче...»

Дариан почти сделал шаг вперед, еще не понимая, чего именно намерен сделать, как вдруг мертвец разжал объятия, разочарованно уполз обратно в могилу. Упала с плеч пригибающая к земле тяжесть, хлынул в легкие воздух, и Дариан обнаружил, что все это время задерживал дыхание, вдыхая сквозь сжатые зубы едва-едва. С удивлением вынул изо рта руку и сердито вытер о рубашку, отвернулся.

Наверное, все дело в месте.

- Нам нельзя туда, командир!

- У тебя есть другие варианты?

И Ридин сжав побелевшие губы, вцепился в Дариана глазами.

- Пещеры в четырех днях дальше, или заброшенные штольни – мы проходили их вчера, согласен даже на болота *ра'дов*, но только не туда.

- Тебе напомнить, что с сунувшихся на болото в прошлый раз, *ра'ды* срезали лица и натянули себе на морды?.. Из штолен нас вытравят как лис из нор, а до пещер мы не дотянем, слишком устали, слишком много раненых, не говоря уже о том, что те пещеры – чертов лабиринт, а я не намерен подыхать, застряв в какой-нибудь тесной темной норе.

- Ты не понимаешь командир!..

- Я понимаю, что там каменные стены. – Отрезал Дариан, он начинал злиться, а Ридин не замечал этого словно специально. – Что добраться туда можно по одной единственной дороге, по которой весьма проблематично протащить тяжелые орудия, а значит, мне не придется ждать удара в тыл или бояться ядер. А еще я понимаю, что это последнее место, где нас не будут искать.

- На Оси очень легко заблудиться Дариан, стоит лишь свернуть не туда, бросить взгляд не в ту сторону и можно не найти дорогу назад. Там все пропитано... – он замолчал, морщась, пытаясь подобрать правильные слова, – *магией*...

- Сможешь ее использовать?

- Нет! Нет, это не наша сила, она чужая и принадлежит только этому месту, я не сумею управиться с ней.

- Насколько она опасна?

- А насколько может быть опасна крошечная тьма командир?.. Никто не знает.

- Ты бывал там?

- Нет.

- Расспрашивал вернувшихся?

- Никто не возвращался.

- Тогда что именно тебя так пугает? Может быть зло этого места – всего лишь слух.

- Я ничего не говорил о Зле. – Ридин заерзал на месте, глубже засовывая руки в рукава расшитого рунами халата.

Помолчали.

- Ты помнишь, как выглядят ножницы, Дариан?.. Два лезвия, два кольца и гвоздь. Он всего один, очень мал, но, если его убрать никаких ножниц не будет. А теперь представь ножницы, где колец и лезвий – великое множество. Что они отличаются по размеру, форме, цвету, металлу, остроте, предназначению, но на все – лишь один гвоздь. Так же и этот храм. Маги зовут его Осью, потому что, сколько бы ни было миров, чтобы в них не происходило, сколько бы там ни множилось наших с тобой отражений этот Храм – один на всех, он проходит сквозь миры как тот гвоздь, как стержень, ось. Он один, в любом времени и всегда на одном и том же месте.

Маг перевел дыхание:

- Там нет Зла командир, но порой туда приходит *безумие*, поэтому поверь мне, лучше уж в болота *ра'дов*.

Дариан поднялся, с силой стискивая ладони,дохнул на онемевшие пальцы. Было холодно, камни покрылись сверкающей под звездами изморозью, холодный туман скатывался с горы к ее подножью, накрывал лагерь с головой, от чего измотанные последним боем люди казались неуспокоинными призраками. Прошел чуть вперед и едва не наступил на бойца, зашипел сквозь зубы, пригляделся, узнал Гасса. Сжавшись в комок, мальчишка сидел на корточках, привалившись плечом к валуну. Несмотря ни на что Дариан улыбнулся, и словно почувствовав его, ребенок зашевелился.

Он уже прошел мимо, но вернулся и, сняв плащ, накрыл мальчика, бросил взгляд назад, туда, где в холодном мороке плясали крохотные оранжевые пятна. За последние пару часов огни костров преследователей сделались еще ближе, они то расходились длинными вереницами, то вновь собирались в кучу. Проклятые шакалы не прекращали поиски даже ночью!

Скоро придется сниматься и идти дальше, а на вопрос «куда?» еще только предстояло ответить. Бывшему капитану не нравился ни один из предложенных Ридином вариантов, да и от собственной идеи он был не в восторге, но чем больше смотрел на – теперь уже своих, – людей, тем яснее понимал, что иного выхода нет. Ни пещеры, ни штольни, а тем более болота не могли дать отряду то, что в чем люди сейчас нуждались больше всего – покоя. Крепких стен за спиной, чувства безопасности, пусть хоть на день, на час, возможности без опасения закрыть глаза.

Дариан сплюнул в иней под ногами. Ему до ужаса хотелось развести огонь и протянуть к нему руки, но сейчас Скрытность была их единственной госпожой, и о том, чтобы обидеть ее костром не могло быть и речи.

- Ты потерял плащ?

Неразличимый на фоне камней Орук шевельнулся, позволяя отцу найти себя глазами и снова застыл, разглядывая мелькавшие внизу костры. Дариан поравнялся с ним, с удивлением отмечая, что сын давно догнал его в росте.

- Я не замерз.

И Орук хрипло рассмеялся, даже не делая вид, что поверил откровенной лжи.

- Ридин не прав. По крайней мере в том, что из Храма никто не возвращался.

- Почему ты так решил?

- Я видел одного. В первое лето моего назначения, еще под командованием Хорана, нас отправили по следу двоих дезертиров, и он завел нас к этому месту. Мы никак не могли их нагнать, следы путались, менялись, кони нервничали, от земли тянуло холодом и ноги мерзли, капитану всюду мерещился запах крови... В один из дней ближе к полдню мы заметили белую фигуру в складках скалы, через несколько часов она показалась на тропе намного левее, к вечеру спустилась еще ниже. Быстро, так быстро как не удалось бы ни единому человеку. Никому из нас не хотелось идти за ней, но Хоран уперся – говорил, это может быть один из беглецов, и мы полезли наверх.

Орук развернулся, задрав голову, едва не поскользнулся, замахал руками, удерживая равновесие, жестом велел Дариану обернуться.

- Видишь тот гребень, прямо под звездой Ноиро? Мы нашли наших пропавших там, с изуродованными лицами в очень неглубокой могиле. А над ними человека в белом – обломанные под корень ногти в засохшей крови, волосы прилипли ко лбу, на шее шнурок с обрезком *Руана* и взгляд, такой безумный, что пробирал до костей. Мы напали первыми, изрубили его на куски, без суда и следствия. Но клянусь тебе, сколько бы мы не рубили его пальцы не переставали шевелиться, куски легкого продолжали двигаться вверх-вниз, его голова, соединенная с шеей только куском кожи продолжала моргать и открывать рот!..

Голос Орука окреп, набрал силу и Дариан скорее сдвигал руками дрожащие локти сына, помогая тому подавить крик.

- А после мы просто ушли, сбежали вниз по склону и никогда больше не возвращались. Мы не вырыли ему могилу, даже камнями не засыпали, так и оставили на скале безмолвной грудой мяса. И он это запомнил. Я это точно знаю. Я чувствую ногами тот же холод, что чувствовал тогда, чувствую его взгляд, когда поворачиваюсь к горе спиной... Поэтому прости, командир, но туда я не пойду, ни за что – слишком хорошо помню, какими возвращает людей это место.

И Дариан остался один, наблюдая, как в холодном тумане растворяются двенадцать крепких фигур и как огни преследователей вдруг снимаются с

места и несутся в сторону, все дальше отдаляясь от основного отряда, как спустя еще какое-то время туман неохотно доносит до него лязг мечей...

Орук готов был погибнуть, лишь бы не переступить порог Храма, но все же был ответ в нем. Дариан лишь надеялся, что когда они встретятся вновь, сын сумеет простить его.

Когда что-то вокруг начало меняться, Дариан погруженный в свои мысли, не сразу заметил это. В какой-то момент остановился, прислушался, почувствовав неладное. Услышал, как вытирает о землю клюв ворон, чуть различимый скрип колеса, чье-то едва ощутимое присутствие, хруст снега за спиной. Осторожно пошел дальше, и друг понял, чего не слышит – собственных шагов. Огляделся, прислушался, топнул ногой, пнул попавший под ногу камень и тот беззвучно поскакал по земле, наталкиваясь на преграды и перекувыркиваясь.

Пронзительно закричала впереди женщина, и ее голос утонул в пришедшем со спины шорохе. Круто обернувшись Дариан схватился за нож, что-то пронеслось мимо ударив в плечо и командир в ответ рубанул ножом по воздуху. И в следующую секунду мир взорвался шепотом взволнованных голосов, короткими вскриками, командами, топотом ног, шуршанием одежды...

Звук лился отовсюду, окружал, толкал, теснил вперед, грозя опрокинуть на спину, не позволяя уйти в сторону, снова и снова Дариан пытался достать ножом обидчиков, прежде чем рвануть в одном с ними направлении до разрушенной стены, прижаться к ней спиной не опуская ножа, приготовиться к драке.

Но голоса не напали, стояли рядом, шуршали, шептались, не решаясь переступить одним им видимую черту. Дариан затаился, перевел дух, услышал скрип, тут же обернулся на звук и замер снова. Немногим выше, в глубоком провале частично обвалившейся стены, словно высвеченный белой, неуместной среди развалин одеждой покачивался в петле мертвец. Его ноги не доставали до пола чуть больше полуметра и ветер тихонько раскачивал человека то скрывая за стеной, то вновь являя свету, шевелил накинутый на плечи белый камзол.

Ни у одного из людей капитана такой одежды не было. Кто это – мираж? бред? жертва обитавшего в этих стенах безумия? один из тех, кто ушел в Храм и не вернулся?..

Понимая, что ни за что не пойдет сквозь плотный невидимый строй Дариан осторожно полез к дыре, хватаясь за сколы и выступы, поднимаясь выше, ежесекундно оглядываясь на шепчущую пустоту за спиной, он поравнялся с коленями повешенного, и тронул его рукой, освобождая себе путь внутрь. Дариан давно не боялся мертвецов – справиться с ними было ничуть не сложнее, чем с живыми, а вот бороться с тем, чего не видишь...

Качнулось от движения тело, и, скрипя темной полосой кожи, оставившей на мраморной шее алый, еще не начавший синеть след, медленно повернулось к нему мутными глазами. И командир дернулся назад, не удержался на выступе, нелепо взмахнул руками, и, потеряв равновесие, полетел вниз к причитающим голосам.

Невидимые тела смягчили падение, а их цепкие руки, подхватив у самой земли, вновь вытолкнули вперед, к скалящемуся мертвецу. Короткие волосы, темные глаза, закрытые бледным стеклянным бельмом, вымазанные в чем-то синем пальцы, начертившие на стене одно единственное слово. И улыбка. Эта улыбка, счастливая в безумном наитии, застывшая на мертвых губах пугала больше чем сам повешенный.

Дариан закричал, и не услышал собственный крик, ударил ножом, отмахиваясь от одинокого во внезапной тишине злорадного смеха, высвобождаясь из рук, и бросился прочь, сквозь притихших невидимок; мимо свежей могилы и мечом срубленных деревьев, по безмолвным дорожкам к разграбленной сторожке, с давно провалившейся крышей; по припорошенному снегом безлюдному двору, сквозь трещины в черном камне которого пробивались одинокие сухие травинки, споткнулся и вдруг вылетел за пределы тишины. Полный звуков мир оглушил, выбил дух, ударил по коленям.

- Правее! Правее!..
- Да нет же, выше надо!..
- Да не залезет он выше, слишком там круто...
- У тебя откуда руки растут, малой?..
- Идете к черту, у него все отлично выходит!..
- Эх, надо было пса рисовать...
- Молодцом парень! Вот так, крепи! Давай!..
- Правее же!.. Мне что, самому туда подняться?!..
- Что ты помешался на своем псе?..

Люди, толпой стоящие у наспех сооруженных баррикад, у вкопанных в землю кольев, еще утром едва шевелившиеся от усталости, живо галдели, перекрикиваясь друг с другом, ржали, тыча пальцами вверх, советовали, ругали, спорили...

А наверху, раз и навсегда ломая возведенную между ними стену, мальчишка Гасс прилаживал между камнями длинную палку с намотанной на ней тряпкой. И люди вовсю глядя на свой новый флаг, слишком напоминающий пеструю юбку, словно стряхивали сковавшее их оцепенение и чуждость, оживали, вставляли плечом к плечу, будто бы и не было никогда Торельских дезертиров и пограничников Монтеро, а был Отряд, единый и дружный.

- Ты где попадал командир? Мы тебя часа четыре искали.

Четыре часа? «Так долго?.. Но я же был совсем рядом, как же они могли не увидеть меня? Неужели никто не слышал моего крика?..» – Дариан тяжело дыша, сжал голову руками.

Нам нельзя туда, командир! Стоит лишь сделать шаг не в ту сторону и можно не найти дорогу назад...

- Я вернулся, я все-таки вернулся обратно...

- Эй, ты чего? – Только что скалившийся из петли мертвец бухнулся на землю рядом, толкнул в плечо, тревожно заглянул в глаза. – Все нормально? Ты как будто привидение увидел...

- Скажи мне Берг, – Дариан встретился с ним глазами, произнес тихо, прекрасно понимая, как дико это звучит. – Если бы ты предал меня, хватило бы у тебя духу сунуть голову в петлю?

Удель.

- Так, давайте все успокоимся! – Лей выставил ладони вперед, после чего свел их вместе, нервно заломил. – Ведь должна же быть какая-то причина...

- Успокоимся?! – Взревели в ответ. – Причина?!!

Попытались броситься на врача с кулаками, но не добежали – подкосились ноги. И Эльза оказалась на полу, подтянула к себе ушибленные колени, не обращая внимания на задрывшуюся юбку, давясь и захлебываясь короткими всхлипами, закрыла лицо, завывала с новой силой.

- Да ради Бога заткните же ее!

Шумно сопя в дверях показался Давин. Поводил из-под бровей голубыми, почти прозрачными глазами и присел рядом с девушкой. Рядом с ней он казался великаном – высокий лоб, широченные плечи, ладони, тяжелая выдвинутая вперед челюсть...

- У него не было причины... не было... у него была я... я...

Осторожно убрав от лица руки, санитар поднес к дрожащим губам стакан воды, заставил выпить его до дна, позволил схватить себя за рубаху и, перехватив одной рукой за спину, без усилий поднял девушку с пола, уволок из комнаты.

- Должна быть чертова причина... – Гнул свое Лей, коснулся блестящего от пота лба, но тут же отнял руку, с отвращением посмотрел на собственную ладонь.

Когда тело главного врача Удельского монастыря сегодня утром вынимали из петли, Лей случайно коснулся руки покойника и оставшиеся на ней чернила тут же ввелись в кожу, каждую минуту теперь напоминая о неестественной улыбке мистера Колина.

- Теория?... Слух?... Да хоть что-нибудь!

Мы молчали. Никому не хотелось произносить вслух то, о чем, тем не менее, думал каждый. Дар *прозрения* бывал порой жесток, он показывал нам будущее, никогда не открывая того самого переломного момента, после которого будущее становилось настоящим. Иногда не в состоянии смириться с грядущим люди предпочитали не ждать его вовсе. Но я никогда не думал, что это случится с одним из нас.

- Прежде чем строить теории, надо для начала разобраться с этим. – Гордон не расплетая скрещенные на груди руки, мрачно указал взглядом на стену и мы, не сговариваясь, посмотрели туда же.

Конечно же она была пустой и чистой, но перед глазами так и стояло слово «предатель», которое мистер Колин выписал на стене собственного кабинета пальцами, окунув их в антикварную чернильницу.

- Наверное, его видение было гораздо хуже твоего. – Мой приятель легко ткнул меня в плечо, но я лишь сморщился. – Не вижу другой причины, почему смерть так обрадовала его.

- О чем ты, Илар?

- Помолчи!..

- Ой, да брось! – Илар раздраженно отмахнулся от меня. – Он большими буквами вывел на стене «предатель» и повесился на собственном ремне, с ухмылкой от уха до уха... все еще думаешь, что нет ничего страшнее, чем быть похороненным заживо?

Я обругал его говорливым ослом, пока собравшиеся в комнате врачи и санитары пялились на меня и взгляды их разнились от удивленно-пораженных, до раздраженно-недоверчивых.

Удель проснулся несколько часов назад. Ровно столько времени понадобилось полусотни людей для того, чтобы придти в себя и подобно паломникам подтянуться к заранее заготовленной в холодильнике воде, и по идеи нужно было еще столько же, чтобы осознать свое предсказание, вспомнить детально, прокрутить в голове еще раз и приступить, наконец, к работе.

- Это... это правда?

- Ну, я же не буду тебе врать?

- Я не с тобой разговариваю! - Илар недовольно прошипел в ответ что-то не очень лестное и отвернулся. С самого утра Лей рычал и срывался на него без повода.

Я кивнул, по спине снова пробежал холодок – она помнила каждый камень промерзшей земли. Я старался твердить себе, что этого не случится, что я выбросил все, чем можно было вскопать мерзлую землю, но успокоения это приносило мало. В голове то и дело ворочалась подленькая мыслишка, что эту проблему можно окончательно решить, убрав и землекопа...

- Ладно, – заместитель главврача с силой потер чистой рукой нахмуренный лоб. – Ладно! Смерть Эрана Колина это, конечно, ужасно, но,

мы не должны забывать, что здесь есть люди, за которых мы в ответе. Наши больные проснуться через четыре часа и к этому времени мы должны взять себя в руки. У Эрана было не много пациентов, их разделят между собой Сандес, Рана и Фари. Сохраняйте спокойствие, и, если кто будет спрашивать – мистер Колин выехал домой по семейным обстоятельствам. Утром я пытался вызвать помощь, но особых успехов не добился.

Помимо жуткого *прозрения* связь была еще одной странностью. Удель хоть и находился на краю мира, но в изоляции мы все же не были: у наших людей были сотовые телефонные аппараты, на всякий случай механик поддерживал в рабочем состоянии и старенькое радио, в общих комнатах была пара телевизоров, а с прошлого года появились компьютеры с выходом в мировую сеть.

Но сегодня экраны сотовых телефонов не загорались, словно сгорели все разом. Кто-то заикнулся о севшей батарее, но упорная подзарядка тоже ничего не дала. В трубках проводных аппаратов царила тишина, словно расставленные по всему склону вышки связи одновременно приказали долго жить. На экранах телевизоров – «белый шум», отсутствовало подключение к сети, а радио вообще не ловило ни один из общепринятых каналов экстренной связи.

- Это значит, что кому-то придется взять машину и отправиться в город. Илар – эта задача на тебе.

- Я не против убраться отсюда, но как ты сам сказал, здесь есть люди, которые не обойдутся без моей помощи.

- У тебя всего два сложных случая, они достанутся Анату, об остальных позаботится Россен.

- Россен? У него недостаточно опыта, чтобы управиться со всеми.

- Если ему не поручать таких задач, опыта у него и не появится. Я дал тебе задание. – В голосе Лея прибавилось стали. – Постарайся выдвинуться до темноты.

- Проклятье, Лей!

- Я отстраняю тебя от работы, если ты этого еще не понял.

- Да что на тебя нашло?! – взорвался Илар и схватил Лея за ворот помятого халата, встряхнул так, что зубы последнего лязгнули друг от друга. – Ведешь себя как!..

- Пусти!

- Какого черта ублюдок?!

Мы с Дагом бросились к ним, но растащить драчунов оказалось не так-то просто. Илар не ослабляя хватки, толкнул противника к стене и Даг, очутившийся у него за спиной не выдержал напора и сделал шаг назад. Я оказался рядом, схватил друга за руку пытаясь разжать его пальцы, Лей замахнулся, его острый локоть пришелся мне в грудь и нечаянный удар выбил дух. Откуда только у них взялись такие силы?..

- Ты отхватил мне ногу!!

Лей с остервенением сбросил с себя чужие руки и отошел на шаг, тяжело дыша, сжал кулаки, с трудом удерживаясь от того, чтобы не снова пустить их в ход. Илар застыл в наших руках, сглотнул, напряг плечи, словно ожидая удара, мрачно воззрился на него:

- Ты же знаешь, что я этого не сделаю.

- Так ты тоже видел... — И Лей нервно рассмеялся. — Когда это *прозрение* лгало, приятель? Тем более, когда его видели обе стороны?

- У меня могут быть причины...

- Ты отрубил ее *мечом*! Чертовой наточенной железякой! Без наркоза и обезболивающего! Чертов мясник...

- Лей!

- ...а, по крайней мере, двое из твоих чертовых пациентов прижимали меня к земле, чтобы я не шевелился!.. Будь мы в любом другом месте я бы не задумываясь выставил тебя за дверь, но вокруг лишь горы и только поэтому у тебя есть выбор — либо ты берешь машину и едешь за помощью, либо я запрु тебя в одной из свободных палат, а твоим подручным выпишу столько снотворного, что они проспят до пришествия *Руана*!

- Ты спятил? Это недопустимо, Лей, не смей на них срываться! Мы все исправим, мы что-нибудь придумаем...

- А меня убило арбалетным болтом.

Не знаю, подействовал бы ли ушат ледяной воды лучше. Застыл хватая ртом воздух Лей и Даг, попытавшийся закрыть его собой, обернулся вновь рванувшийся вперед Илар.

- Вот сюда, — прошептал Александр, бережно касаясь пальцами собственной груди, на два пальца ниже сердца. — Больно.

Он нерешительно распахнул полы халата, задрал рубаху. Кто-то за моей спиной тихо выругался, вплетаясь пальцами в волосы — на груди санитара красовался синяк. Сиреневое, почти черное пятно расплылось на левой стороне груди, оставив в своем центре небольшое светлое пятно.

- Отсюда древко торчало... — Пояснил он, поднимая глаза. — Я видел серое оперение, чувствовал, как течет кровь.

- Бред...

На некоторое время стало тихо.

- А я пропитывал мазью самодельные бинты.

- Я уснул в карауле...

- Я вкапывал перед Уделем колья...

- Я был там с тобой — пытался остановить его кровь...

- А я позволил заковать себя в кандалы...

- Мне перерезали горло...

- Меня нагнали в тумане...

- Я сломал ногу, и вы ушли без меня...

- Я пытался спастись бегством...
- Я рисовал на флаге птицу...
- Я выстругал идола...
- Что?

Виктор моргнул. Уставился на меня.

- Повтори. — Голос сел и я откашлялся. *Не его, не его, пусть это будет что угодно другое!..*

- Я выстругал деревянного идола. Маленького... жуткого.

- Его?.. — избитые руки дрожали, отчего подарок Ирвина Луда заметно покачивало из стороны в сторону. — Это он?

Виктор не ответил, но так впился в деревяшку глазами, что ответа, в общем-то, и не требовалось. Я засмеялся, крохотный уродец выпал из пальцев и звонко покатился по полу. Замутило, и я против воли навалился на Илара, который бережно опустил меня на пол, то ли потому что был слишком внимателен, то ли потому что не мог стоять сам.

- Я должен был начать ночью и только утром... я еще даже не выбрал дерево, откуда... где ты его взял?

Он все равно станет твоим, так что считай это подарком...

- Ты понимаешь, что это значит?

Руки Илара до боли сжались на моих плечах.

- Он пока даже не вырезал ее, а проклятая фигурка еще до *прозрения* оказалась у человека, похоронившего меня заживо... И ни черта мы с тобой не изменили! Я задохнусь землей в собственной могиле. Ты отрубишь Лею ногу мечом. Он умрет от арбалетного болта. А этот уснет в карауле!..

Я покачал головой, стискивая ее руками, не в силах прекратить хохот и мой смех в потрясенной тишине прозвучал страшно, как приговор.

Вдруг входная дверь открылась и так хлопнула о стену, будто ей хорошенько наподдали ногой, вслед за ударом послышалось глухое ругательство. Появившийся в проходе Натан, потрясенный и всклокоченный, бросил в комнату один быстрый шальной взгляд:

- Ты должен это видеть!! — И, не уточняя, кого именно имеет в виду, скрылся в коридоре.

Первым за ним неуверенно вышел Лей. Потянулся следом Тод, Даг, Александр... и каждый следующий человек покидал комнату все быстрее и суетливее, словно передавая по цепочке все нарастающее беспокойство и тревогу, поэтому я почти не удивился, обнаружив себя почти бегущим по коридору. Я вылетел во двор через по-прежнему распахнутую дверь и оказавшиеся там раньше меня люди замерли на крыльце, тщетно пытаясь согреть друг о друга руки. Я сошел с крыльца, то и дело наталкиваясь на них, но ни один из моих коллег даже не пошевелился, чтобы облегчить мне продвижение, словно выгнавшее нас на улицу беспокойство внезапно крикнуло «замри!».

- Погодите, сейчас... — Натан щурил подслеповатые глаза, отчаянно кутаясь в халат. — Я видел их несколько минут назад.

Мятые складки окружающих нас гор складывались в морщинистые лица и смотрели хмуро, сердито. Серое небо гнало тяжелые облака, пытаюсь закрыть лица паранджой, но лишь подчеркивало их недовольство. Ветра не было, но холодный воздух стремительно поднимался по единственной ведущей к Удельскому монастырю дороге. Он наливался ледяной белизной и неправдоподобно густел, словно бы к нам поднималась беззвучная белая океанская волна. Я выдохнул, и теплое, влажное дыхание застыло перед лицом чудным призраком. Протянув руку, осторожно коснулся вычурной фигуры, и под моими пальцами наваждение дрогнуло, расплзлось в воздухе паром.

А затем в белесой пелене возникло движение — скупая тень. Возникла и тут же исчезла. Мы напряженно ждали ее еще несколько минут, в тайне надеясь, что она всего лишь плод нашего воображения. Но этим надеждам не суждено было сбыться: следом за первой тенью появилась вторая. Затем еще одна и вместе с грохотом несколько десятков подкованных сапог взметнулось в тумане знамя.

На нас двигалось войско.

Монтеро.

«Мерзавец. *Фрагов* сын!..» — Берг свалил бесчувственное тело с плеча и тут же вцепился в него ладонью, разминая. Последний из сваленных на земле солдат тихонько застонал. Берг беспомощно оглянулся на него, сморщился: «Ну почему ты? Ну почему сейчас?..» И принялся снимать с него пояс, намереваясь сцепить этим руки пленника.

- Не так.

Он резко обернулся на голос, одной рукой вскидывая кинжал, смыкая другую на рукояти меча. Говоривший медленно вышел из-за дерева, поднял вверх раскрытые ладони, поджатые губы дрогнули, открывая зубы и чуть помедлив, человек сбросил скрывающий лицо капюшон на спину.

- Он не угроза, мы можем вместе...

- Заканчивай. — Лицо вышедшего к нему человека сухое и острое, и угроза в бесцветном голосе пробирает до мурашек. — Тебе ведь не нужны свидетели?

- Мне и ты был не особенно-то нужен. — Проворчал Берг, но рука крепче сдавила рукоять кинжала. Корил застонал вновь, когда Берг перевернул его на живот и пристроился со спины, подняв за волосы голову.

- О, — Сухой, словно кашель, звук, вырвавшийся из приоткрытых губ, заставил лицо Сеида пойти складками. Берг не сразу понял, что тот смеется. — Это не так.

Кожа на незащитной шее Корила болезненно натянулась. Берг глубоко вдохнул, успокаивая дыхание и зажмурившись привычным движением прошелся по горлу. Под подбородком лопнуло, алое брызнуло на снег, потекло по вороту, потерялось в одежде, и Берг, осторожно опустив голову мертвеца на землю и поспешно отступил, чтобы не испачкаться в крови человека, которого последние четыре года учил читать следы.

- Я очень надеюсь, что это того стоило Сеид.

- Честь дается нам легко, когда она ничего не стоит. – Сеид пожал плечом. – Ты остался верен Монтеро, Дариан – предпочел Торельских дезертиров. Они или мы, по мне так все просто.

- Все просто Берг.

- Просто?! Да ты хоть понимаешь, *что* натворил? – Берг срывается на крик и скулит не в силах наблюдать, как лучший друг шарит окровавленными руками по карманам убитого. – Прекрати... пожалуйста, перестань.

- Я сдержал слово. Сделал то, что нужно. Что было правильно. И ты был со мной.

Берг стонет: Дариан действительно сдержал слово. Дезертиры влились в их отряд к вечеру следующего дня и уже на утро они двинулись в путь. Все вместе. Шли по проторенным, сотни раз хоженным дорогам, но не встретили никого: ни одну из застав, которую должны были, ни одного торгового каравана, ни даже какого-нибудь захудалого путника. Они плелись по пустым дорогам со скоростью раненной в голову черепахи потому, что измученные голодом и бойней в родной стране четыре десятка Торельских дезертиров не выдерживали взятый пограничниками темп, хоть и очень старались не быть обузой. И как следствие даже спустя две недели они не приблизились к столице и наполовину.

И поэтому очень удивились, когда на пути внезапно вырос вооруженный до зубов отряд. Сеид приветливо улыбался с седла не спеша делать знак убрать направленные на них копыя. Берг видел, как цепенеют Торельцы, как хмурятся его товарищи, за две недели успевшие привыкнуть к своим попутчикам, как опасно багровеет лицо Дариана. Как он щерится, словно пес и подается вперед готовый наброситься на спесивого наглеца и как ладонь Гасса ложиться на его плечо удерживая на месте. «Все в порядке, капитан. – Мальчишка очень серьезен, но его костлявая ладонь дрожит, ногти белеют от напряжения. Он слишком хорошо понимает, что здесь делает этот улыбчивый человек, что случится, позволь он Дариану закрыть своей спиной его людей и точно знает, что надо делать. Как ему поступить правильно. – Все хорошо. Вы подарили нам четырнадцать дней доверия и сытости. А ты не в состоянии представить насколько это много. Мы не забудем». И выходя вперед, просто протягивает руки. Берг видит, как вслед за ним из строя выходят и остальные,

как на руках каждого выходца с той стороны границы затягиваются кандалы и нацеленные в грудь копья, наконец, опускаются к земле.

Берг до боли сдавливает голову руками. На них кровь и впервые за сорок лет эта кровь принадлежит соратникам. Видит небо, он мирился с тем, что ведет врагов по своей земле, мирился, что Дариан объявлял привал раза в два чаще, чем это требовалось на самом деле, он сжимал зубы и молчал, когда Торельцы садились к общему костру, худые и бледные как призраки. Мирился, потому что верил – Дариан знает, что делает, но это...

- Я обещал довести их до столицы.

Дариан ослушался данного Сеидом приказа вернуться на свой пост, и его люди без колебаний встали рядом с ним. Потому что так привыкли, потому что, *фраг* их, знали, как им поступить правильно. Они догнали забравший Торельцев отряд этой же ночью и напали. Каждый из них был закаленным в боях мастером, каждый умел передвигаться бесшумно и умел убивать. А в том, чтобы бить в спину и душить спящих вообще не было ничего сложного. И они перебили всех. Кто-то просыпаясь кричал, кто-то пытался поднять тревогу или бежать, отбивался и, умирая тащил за собой в могилу своего противника, но в конечном итоге не осталось никого.

- И если это не будет столица Монтеро, значит, будет какая-нибудь еще.

Голос Дариана хриплый, надломленный, он смотрит на ключи от кандалов в своих руках, словно не до конца верит, что это не сон, но упавшие с рук цепи и смрад сжигаемых в огне трупов ясно говорит – это реальность. Он почти улыбается вновь свободному Гассу, еще не зная, что командир уничтоженного отряда ушел от ножа Берга и что осталось не долго.

- Когда же мы успели превратиться в убийц, капитан? – Тихий шепот бьет по ушам сильнее крика и Дариан срывается.

- Мы всего лишь перебили шакалов, которые видят врагов в каждом! Бояться оголодавших детей так, что заковывают их в цепи! Готовы добиваться своего, позабыв о чести и совести, и не смей говорить мне, что тебе жаль!!..

Берг действительно жалеет, но совсем не об этом. Он смотрит на кровь на своих пальцах и понимает, что скоро они окрасятся снова, потому что тогда в шатре он не смог остановить друга, что много позже не воспользовался шансом и оставил в живых капитана, когда тот решил идти против своих. Он смотрит на алые капли, и впервые ненавидит собственный дом, который на проверку оказывается ему дороже дружбы, товарищей, дороже собственного слова и чести.

- Я все сделал. – Берг трясет головой, с трудом возвращаясь в настоящее к кинжалу в своей руке и лицу Сеида. – Я разжег несколько очагов и бросил туда те смеси, которые ты мне дал, я не видел дыма, но сразу почувствовал сон, поэтому ушел.

- Маг Дариана ничего не заподозрил?

- Он что-то понял, что я разобрался с ним прежде, чем Ридин рассказал кому-то о своих подозрениях.

- Хорошо. — Сеид снова накрыл голову капюшоном, защищаясь от стылого ветра. — Что с этими?

- Парни были в патруле, но вернулись раньше, чем я планировал. Я испугался, что они могут наткнуться на спящих или заметить твоих людей...

- Наших. Наших людей Берг, запомни. — Он морщился, кивнув на лежащие в крови тела. — Отряд Торельцев приказано уничтожить полностью, вместе с людьми Дариана. Мне удалось убедить Орден в том, что ты изначально работал на меня, но если ты позволишь себе подобную оговорку в присутствии одного из его людей — можешь забыть о возвращении домой.

- Я понял. Прости.

- Хорошо. Мы подойдем к Храму к вечеру, когда смеси окончательно прогорят, и когда мы войдем в здание, убедись, что ты ворвался в него вместе с нами, а не остался по ту сторону дверей.

Берг кивает, и лишь отдалившись от места встречи на несколько шагов, оборачивается.

- Постой! — Сеид не отвечает, он лишь чуть поворачивает голову, показывая, что услышал окрик. — Почему ранее маги хотели захватить дезертиров живыми?

- На них нет следов *сизой крупы*, но они пережили чуму. Нам было интересно как.

И Берг холодеет от сказанного между срок. Внезапно он понимает, почему мор разлетелся по Торелю в такие рекордные сроки, почему обошел Монтеро, стоявший так близко к зараженной территории, почему так скоро закрыли границы и почему тогда сборный отряд никого не встретил на своем пути в столицу...

На минуту ему становится страшно от осознания того, кому он продался, но этот страх лишь усиливается, когда он представляет себя на месте Дариана. Что ни говори, а таких врагов лучше избегать и в том, чтобы встать на их сторону нет трусости, лишь здравомыслие.

- ... здравомыслие. Все верно. Только здравомыслие. — Берг идет торопливо, словно боясь не успеть, его плечи сведены тупой болью, тело бьет едва приметная дрожь. Он шепчет, натягивая на лицо платок. В нем душно и дышать не очень удобно, но теперь сонный дурман, что разожжен по всему Храму его не коснется. — Только здравомыслие.

И замирает, обнаруживая сидящего на земле человека. Услышал? Нет?.. Кажется, нет. Хмурится: «Еще один? Но часовых всего было четверо... И что это он там делает в земле?», но достает кинжал, крадучись приближаясь к сгорбленной фигуре.

Человек на земле не реагирует. Его не волнует хруст снега и нацеленный в его спину нож, с лезвия которого еще не успела сойти кровь предыдущей жертвы, он целиком поглощен своим занятием – он роет.

Сосредоточенно.

Отчаянно.

Так, словно во всем мире ничего не может быть занятия важнее.

И отчего-то ложками. У его ног уже лежит приличная куча сломанных и погнутых инструментов, он рыхлит ими землю, периодически откладывая их и погружая в нее руки. Они давно черны и от холода плохо слушаются, но человек не останавливается. Он странно одет: не маг и не воин. Он молчит: не ругается, ни молится, ни пыхтит от натуги или жалуется на холод. Молчит, когда ломается очередная ложка, молчит, когда снова погружает руки в мерзлую землю. Молчит, когда избитые пальцы кровоточат от порезов о камни.

Берг наблюдает за ним несколько минут, и лишь подобравшись ближе, решается окликнуть. И встречает в ответ тишину, нарушаемую только шорохом потревоженной земли. Его кинжал опускается сам собой: от фигуры перед ним несет злым отчаянием, таким резким, таким горьким и Берг против воли тихонько касается его плеча, чтобы успокоить. Привычный человеческий жест. Пальцы тут же обжигает холодом, и он отнимает ладонь, шипит, разглядывая раскопанную могилу.

- Мы прокляты, это место проклято... Оно говорило нам об этом годами, но мы не слушали.

Человек рассматривает свои трясущиеся руки и Берг отшатывается, когда тот поднимает к нему свое лицо. Он видел его сотни раз, видел, как оно росло, менялось, но сейчас оно кажется далеким, чужим – он никогда бы не подумал, что человеку могут идти раны.

- Они не проснулись, мы будили их много часов подряд, но... У нас ведь ничего не получится, да? – Берга мутит от безнадёжности во взгляде Орука, когда тот снова отворачивается к собственной могиле. – Они так и будут лежать и смотреть бесконечные сны о чуме, костре на камнях и вывешенных из наших окон флагов. Мы будем заботиться о них, пока хватит еды и лекарств, но в итоге все равно зароем в землю. Вот тут, рядом с самими собой. Ты поэтому решил, что с тебя хватит?

Берг пятится, глотая ртом воздух, пытаясь молиться *Руану* – великому защитнику, но от ужаса слова не складываются в знакомые с детства сроки и выходит лишь «*Руан... Руан... Руан...*».

Он спотыкается и падает, когда Орук закрывает лицо грязными ладонями и смеется громко, страшно, с надрывом. Это падение рвет напополам имя его бога одной лишь мыслью: «бежать». И Берг разворачивается прямо на земле, рвется вперед с колен к узкой дорожке, проложенной кем-то по двору, мимо старой сторожки с провалившейся

крышей, вкопанных в землю хлипких кольев, припорошенных снегом неподвижных тел, вниз по склону, забывая о коварно прячущихся в снегу камнях, о необходимости дышать. Прочь, прочь отсюда!

Он останавливается только тогда, когда холодный морок полностью поглощает мир, завернув его влажными полотенцем, оставив лишь узкую щель – тропинку, уводящую его вперед. Растворяет в белой пелене горький хохот Орука и сотню теней Саида, шелест белых одежд Ридина, которые он щедро выпачкал кровью и бушующего в гневе Дариана, без остатка сожрав даже неясный силуэт уснувшей на вершине горы громады. И оставшись в одиночестве, Берг падает на колени и, обхватив себя поперек живота вопит.

Но холод гасит и это.

Удель.

Солнце упало за вершину Орака в полной тишине и огня не осталось. Зола сыпала сверху под косым углом, мешая белое с серым, липла на стены, волосы, губы. Земля вокруг Уделя цвела черными пятнами следов, старый храм чадил, тонкие струи, извиваясь, текли из решетчатых окон и распахнутых дверей, наплевав на направление ветра, прятали небо. Шептали покой, а старался не дышать.

Пестрая юбка Эльзы сорвалась с крючка на третьем этаже, и неторопливо сбежала до земли, и на минуту мне показалось, что в расплывшемся по ней кровавом пятне я и правда вижу птицу. Сама Эльза тоже стала ею: пока мы смотрели на войско, шедшее на нас из густого белого киселя, она, расправив руки, училась летать стоя на кончиках пальцев на самом краю колокольни.

Следующим сломался Александр – мы нашли его в одной из кабинок туалета, и горсть таблеток шла из его горла пеной. Люди, в чьей заботе мы клялись, лежали без движения, огромными сломанными куклами. Мы в панике волокли их по коридорам, прикладывали к едва бившимся сердцам электрический ток, вливали разрешенные яды в вены, щедро мазали нашатырь над губами, но стеклянные глаза по-прежнему слепо таращились в потолок, а из приоткрытых ртов не доносилось ни звука.

К исходу второго дня, аккуратно повесив на спинку стула халат, Лей неторопливо прошел по залитым гвалтом коридорам Уделя и вошел в гараж. Без вещей и попутчиков завел мотор и рванул вперед, но не вышло – машина слетела с тропы недалеко от монастыря и покатила к подножью горы иной дорогой.

- Мы прокляты, это место проклято... мы как части двух разных мозаик... Ты играл в мозаику в детстве, Анат?.. Я обожаю складывать пазлы... Любил высыпать кусочки от разных картинок в одну коробку и совмещать края. Они ломались, стоило только ткнуть их пальцем, но меня завораживали

получавшиеся картины, соединенные линии... – Илар засмеялся, сплевывая на грудь густую кровавую слюну, и я крепче прижал к нему руки. Семнадцать ножевых горели на его груди и животе, обжигая пальцы. – Вот бы найти того, кто ткнул в нас пальцем, а?

И я кивал ему до тех пор, пока сердце под моей ладонью не перестало биться. И остался один, красный от крови, серый от пепла, черный от грязи, охрипший от крика. Могила передо мной была полна, ее мертвец смотрел моими глазами, его камни оставляли следы на моей спине, и мне казалось, что в ней мой единственный путь пока чьи-то пальцы не коснулись моего плеча.

Тонкие губы Эрана Колина шептали слова, полные ужаса, сытый от крови нож дрожал в ладони. Он оставил его мне, сорвавшись с места, медленно, словно в патоке, каждым движением преодолевая колоссальное сопротивление окружающего нас пространства, мучительно трудно, разрывая грудью границы мозаики, открывая мне путь на другую ее сторону. Туда, где небо пылало желтым, а в жарком воздухе танцевали призраки. Где бледный ручей терялся в камнях, пели в сухой траве насекомые, и пыль под ногами пахла пряностями.

Я шел по тропинке вниз, неся за собой тишину и иней, и две деревянные щепки с лицом *Руана* – вырезанная другом и вынутая из могилы, вели меня вперед, стремясь обрести хозяев. Я нашел их ближе к полудню, распластанных на горячих камнях: пыльные одежды, напряженные спины, колющий страх в заросших лицах. Они выглядели, как бегущий от рокового *прозрения* Лей и мне вдруг стало ужасно интересно, что же они видели сегодня во сне?

Арсен Ленски

Озеро

Поздней осенью, когда небо скрыто сплошной серой пеленою и льют бесконечные холодные дожди, озеро и его окрестности становятся идеальными декорациями...

Озеро пряталось в лесу, в самой чаще. Нижние ветви деревьев росших на обрывистом берегу почти касались воды. Кое-где берег обвалился, обнажив причудливо извитые черные корни. Летом сюда частенько наведывались жители поселка и туристы. Одни приезжали собирать грибы и ягоды. Кому то нравилось охотиться. Были и любители поплавать. Многие, просто, отдыхали, шумными компаниями устраивая веселые оргии. Но поздней осенью никто не посещал эти места, и нескончаемые дожди легко смывали следы летних пикников. Дождь и ветер царствовали здесь. Пожелтевшая листва слетала с мокрых берез, постепенно застилая берег пестрым влажным покрывалом. Листья, упавшие в воду, плавали возле берега, сбиваясь в кучи, походившие на крошечные островки. Зимой же сюда и вовсе не было никакой возможности добраться. Так было всегда. Так было и в первых числах октября.

Усиливающийся ветер, подвивая, все сильнее раскачивал ветви огромных деревьев. По крутым склонам вниз с шумом устремились многочисленные ручейки. Черные тучи отражались в мутной воде, отчего озеро, как и окружающая его тайга, имели мрачный вид. Вдруг к шумному многоголосью ненастья присоединились, чьи то голоса. Из леса, по тропинке, ведущей к озеру, вышли трое. Все были одеты в куртки с капюшонами, спортивные шапочки и серые брюки, заправленные в резиновые сапоги. Высокий мужчина, шедший впереди, нес лопату. За плечами у него висел, тощий рюкзак. Остальные путешествовали налегке. Это были женщины. Одна — безвкусно покрашенная полная блондинка - с круглым, немного одутловатым лицом, с мелкими сеточками морщин и мешками под глазами, кое-как покрытыми неумело подобранной пудрой. Она была намного ниже своих спутников и говорила низким, хриплым голосом, выдававшим в ней заядлую курильщицу. Другую женщину, которая была намного моложе, отличали бледное худое лицо, и бегающий взгляд испуганных голубых глаз.

- Это здесь? — робко спросила она, обращаясь к мужчине.

Тот остановился, неуверенно огляделся и пробормотал. - Вроде тут.

- Ты бы хоть, метку, какую, оставил. Будем теперь полдня искать. Идиот! - со злостью в голосе сказала та, что была постарше.

- Если ты такая умная, почему сама-то не пошла!? Вот пошла б, да и понаставила меток, дура! — оскалившись резко ответил мужчина, сверкнув золотым зубом. Почему дома отсиживалась, умная? Теперь, если что, будешь

врать, что не при чем, а? А ведь это ты все затеяла! - прокричал он и двинулся к ней.

Та испуганно попятилась.

- Перестаньте! – молодая женщина сжала кулаки. Голос ее задрожал. - Сейчас не время выяснять отношения! Давайте сделаем то, зачем пришли и уйдем отсюда! Она с трудом заставила себя отвести глаза от черной воды.

Они сосредоточились на осмотре берега. Мужчина направился в одну сторону, а женщины побрели в противоположном направлении, переходя от одного дерева, росшего у самой воды, к другому. Останавливались, осматривали влажные стволы и шли к следующему дереву. Между тем, ветер усилился и принялся яростно разбрасывать в разные стороны листья и землю. На воде образовалась легкая рябь. Тучи сгустились, стало темнее. Изменения погоды, очевидно, сказывались на настроении молодой женщины, бледность которой стала еще заметнее. Нервно покусывая губы, она то и дело поправляла светлые пряди, выбивавшиеся, из под шапочки. Удалившись на приличное расстояние от своей медлительной спутницы, женщина, вскоре, скрылась из вида. Та же, оставшись одна, огляделась и присела на ствол, лежащего на берегу дерева. Хлебнув из фляги, спрятанной на поясе, под курткой, она попыталась закурить. Однако это оказалось непростым делом, так как пламя зажигалки то и дело гасил ветер.

По воде побежали первые круги, вызванные падением крупных капель, число которых стремительно увеличивалось. Дождь набирал силу и, вскоре, превратился в настоящий ливень. Мужчина, который в это время пытался заглянуть под массивную корягу, мысленно выругался, но, не оставил своего занятия.

«Если бы мы вовремя заставили ее сделать аборт, то ничего бы не произошло, – размышлял он, - а если бы дурочка не спуталась с сумасшедшим, мне не пришлось бы сейчас мокнуть под этим проклятым дождем в этом проклятом месте. И месяца ведь не прошло. Все же, интересно, кто настучал в прокуратуру?». Какая-то мысль шевельнулась у него в голове. Он задумался, на мгновение, но дождь, хлестнувший по лицу очень некстати, заставил его отступить от воды и сосредоточиться на том, чтобы не промокнуть насквозь. Выругавшись, мужчина торопливо вскарабкался вверх по обрывистому склону и укрылся под большим деревом, ветви которого немного спасали от дождя. Он позвал спутниц, но звучное завывание ветра и шум ливня заглушили его крики. Несколько попыток закурить также оказались безуспешными. Тогда он извлек из рюкзака большую бутылку, без этикетки, вытащил пробку и начал пить прямо из горлышка. Постепенно паузы, между глотками, становились все короче, а выражение глаз все бессмысленнее. И наконец, посиневшие губы расплылись в беззаботной, пьяной ухмылке.

Женщина постарше вновь медленно брела по берегу, лениво обходя торчащие пни, и, с неохотой перешагивая через большие гладкие коряги. Тушь и помаду давно смыло, отчего ее некрасивое лицо казалось усталым и злым как никогда.

«Ничего, - думала она, - вы у меня еще все попляшите. Письмо, наверняка, старуха соседка настрочила. В последнее время так и путается под ногами. Все выпытывает. – «А где же ваш ребеночек? Ах, как хочется на него посмотреть. Малышу уже второй месяц пошел». – А даже если не она, то того и гляди, заявит, ведьма. Говорила идиоту – уезжать надо. А теперь просто так не сбежишь, сразу догадаются».

Она со злостью плюнула в воду. Висевшая низко ветка больно ударила по лицу. Женщина прикрыла одной рукой ушибленное место, а другой – схватилась за ветку. Сделав еще шаг, она вдруг запнулась обо что-то твердое, и некоторое время нелепо балансировала, пытаясь сохранить равновесие, но все же не удержалась и упала. Лицо ее при этом угодило в шевелящуюся грязную кучу. По лицу и рукам сразу забегали десятки насекомых. Охая, женщина резво вскочила, энергично стряхивая с себя насекомых, и пытаясь рассмотреть предмет, ставший причиной ее падения. Им оказался наполовину засыпанный землей небольшой ящик, сколоченный из узких реек и перетянутый двумя металлическими полосками. Она сразу узнала его, но растерявшись, почему то подумала о жуках.

Интересно, чего это они не спрятались от дождя? – пробормотала она, уставившись на копошащихся насекомых.

Сзади послышался легкий шум. Женщина быстро обернулась, и в тот же миг получила сильный удар по голове. Теряя сознание, она взмахнула руками и упала в озеро, лицом вверх. Последним, что увидел убийца, было удивленное лицо с широко распахнутыми глазами, медленно исчезающее под толщей воды.

Неизвестный встал на колени и, не обращая внимания на погоду, принялся осторожно откапывать ящик, очищая его от грязи и жуков. Освободив ящик, он положил его в рюкзак и посмотрел по сторонам. На берегу никого не было. Отступив в глубину леса, мужчина стал наблюдать, притаившись за деревом.

Молодая женщина задумавшись, сидела на влажном стволе, прислонившись к единственной уцелевшей ветке. Дождь слабел. Далеко, на границе неба и земли, за холмами, появилась тонкая полоса яркого света. Очнувшись от горестных размышлений, она со вздохом сняла лыжную шапочку, позволив ветру поиграть с волосами, встала и пошла назад, опустив голову. Солнце, выглянув из-за туч, осветило озеро и лес, заново перекрасив их. На землю легла чья-то тень. Женщина прищурилась и прикрыла глаза ладонью, чтобы лучше рассмотреть стоящего перед ней человека. Узнав его, она закричала, но последовавший секундой позже удар оборвал ее крик.

Рухнув на землю, она скатилась в озеро по крутому берегу и исчезла под водой. Убийца с силой воткнул лопату в землю, потом промыл ее в ближайшей луже и зашагал по берегу. Вскоре, он нашел и мужчину, сидящего под сосной с закрытыми глазами и напевавшего что-то себе под нос. Рядом лежала пустая бутылка, красноречивое свидетельство того, что тот был пьян. Услыхав, приближающиеся шаги, мужчина поднял голову, тщетно пытаясь сфокусировать мутный взгляд. Палач терпеливо дождался, когда будет узнан и только после этого завершил задуманное. Повалившись на бок, жертва затихла.

Человек, совершивший тройное убийство, казалось, не испытывал при этом ни радости, ни раскаяния. Буднично положив оружие своих преступлений на плечо, он повернулся к озеру спиной и неторопливо зашагал по тропинке.

До поселка было немногим больше шести километров. Дорога петляла по тайге, огибая сопки и древнее кладбище. Когда он открывал калитку, старые петли пронзительно скрипели. Человек отыскал нужную могилу. С фотографии на памятнике, из-за треснувшего грязного стекла, смотрело доброе, пожилое, лицо.

- Прости, - прошептал он, раскапывая просевший могильный холм. Спустя несколько минут образовалась неглубокая яма, куда был положен ящик, бережно извлеченный из рюкзака. Засыпав его землей и постояв, недолго у могилы, мужчина пошел прочь.

Лес все еще прятался кое, где в тени туч, местами закрывавших небо, но озеро опять изменилось. Теперь оно было небесно голубым и в нем, как в зеркале отражалось послеполуденное солнце. Ветер еще не успокоился, но уже не так резво разбрасывал листву. С наступлением ночи, вода, у самого берега покрылась льдом. А потом появились снежинки, укрывшие землю богатым белым покрывалом.

Бурлака Владимир

Вдалеке сиял маяк

Писать не было ни сил, ни вдохновения. Муза отлучилась не известно насколько и не известно куда. Осталась лишь душная пустота.

Он сидел, откинувшись в мягком кресле, одетый в мятый и небрежно завязанный пояском домашний халат. Перед ним, на письменном столике, лежала открытая тетрадь. Страницы сверкали девственной белизной в ожидании порочащих надписей. Вопреки их желаниям, ручка не танцевала свой грязный танец, а тихо лежала поперек тетради, предусмотрительно закрытая колпачком. Рядом стоит чашка, в которой ещё десять минут назад был крепкий черный индийский чай, заваренный в маленьком чайнике, а теперь она пуста.

В комнате ярко светила люстра. Тени от предметов разбежались в разные стороны. Дверь на балкон открыта, прозрачная штора трепещет от легкого ночного ветерка. «Глупая штора! Почему она дрожит? Разве ветер такой грозный? Разве может он что-то ей сделать? Глупая штора!».

Мир за окном лежит в холодных объятиях ночи. Одинокие звездочки печально сияют на темном небе. Луна стыдливо спрятала своё милое личико за пробежавшим мимо облаком.

Все вокруг источало приятную прохладу, так необходимую для вдохновения ему - писателю, сидевшему в кресле и не знающему, что писать. Но не писалось. Одного вдохновения мало. Для того, чтобы творить нужна идея, а её как раз и не было.

Воистину это печальная сцена! Человек, добровольно легший на алтарь искусства, загнан в ловушку творческого штиля. А когда-то этот путь представлялся гладкой полосой из шелка, которая взмывала ввысь, уходя все дальше в бесконечный горизонт. Жизнь оказалась, как ни иронично, прозаична.

Вдохнув, Писатель встал, прошелся по комнате от двери к окну, остановился. Ветерок нежно щекотал ноги, заманивая наружу. «Ну, раз приглашаешь». Выйдя на балкон, он закрыл глаза и медленно вдохнул прохладный воздух.

Ему нравилось жить здесь, в этой квартире на окраине города. Далеко от суеты, но близко к культуре и людям. Из окна открывается прекрасный вид на огромное озеро, которое сейчас скрыто непроглядной пеленой ночного мрака. С одного его берега большой город, с другого, противоположного, гигантский лес. Вокруг озера раскинулись домики и лодочные станции, многие люди покупают маленькие парусные лодочки и, теплыми тихими деньками, бороздят скромные водные просторы.

Сейчас, ночью никто не решался отплыть от берега. Суеверный страх, а может благоразумие.

Тишина. Все замерло.

На дальнем берегу, прорезая темноту, блеснул огонек. Потом ещё и ещё. Он весело мигал сквозь ночь, молча оживляя ночную печаль, снимая сонное оцепенение. На него нельзя не обратить внимание. Ярko вспыхнул, ещё и ещё, погас, загорелся, снова и снова, и вновь.

Писатель заворожено наблюдал за огоньком, набивая пальцами в такт подобию мелодии. Мысли застыли.

Вдруг, пришло озарение: «Идея! Точно! Я знаю!». Он кинулся к тетради, схватил ручку и восторженно вывел в первой строке: «Вдалеке сиял маяк...».

Вдалеке, на другом берегу озера, на втором этаже дома в полной темноте дрожал у окна человек. Он судорожно сжимал слабыми пальцами большой фонарь, нажимая на кнопку в определенном темпе: три короткие вспышки, три длинные, три короткие. Хоть кто-то должен увидеть этот сигнал! Увидеть и понять, что нужна помощь!

Внизу раздались зловещие шаги, а леденящее душу дыхание прозвучало так близко, что на мгновение человек застыл, прекратив подавать спасительный сигнал. Шаги медленно поднимались, приближаясь к забаррикадированной двери.

Все ближе и ближе.

Человек уже понял - на его сигнал никто не придет. Лишь слабая надежда заставлял бессмысленно щелкать кнопкой на фонаре: три короткие вспышки, три длинные, три короткие и снова три короткие, три длин...

Банан

- Все эти люди – ничтожные создания, глупые обезьяны! – он ходил по кухне туда-сюда, лихорадочно содрогаюсь и заламывая руки. – Ни свободной мысли, ни индивидуальности! Как так можно? Обезьяны! Самые настоящие макаки!

- Да, ты прав, – поддакивал я, сидя за столом с чашкой превосходного индийского чая и вкусным клубничным мороженым.

Он бегал по кухне, словно зверек в клетке. Все повторяя тираду о ничтожности человека.

- Безумие! Мерзость! Идиотизм!

Резко повернувшись к столу, он, не сомневаясь ни секунды, схватил лежащий на блюде с фруктами банан. Резко, почти одним движением, вскрыл его и с наслаждением откусил кусок.

- Не понимаю? – возмущения возобновились, - Как можно быть таким глупым? Человек – вершина эволюции с безграничным интеллектуальным и физическим потенциалом, а ведет себя как примитивная, глупая обезьяна!

- Да, есть такое, - мороженое заканчивалось, а жаль, это такой чудесный десерт – можно забыть обо всем на свете.

Он снова зажевал банан и, не успев, как следует, проглотить кусок, опять заговорил:

- Чего же не хватает людям? Что нужно им для то, чтобы стать умнее, уникальнее, совершеннее? - он остановился и посмотрел на банан, - А вкусная эта штука – банан! Такой сытный. Обожаю бананы! Хочешь?

- Что? А, банан! Нет, спасибо, я уже наелся.

- Ну как знаешь, - он снова откусил кусок, помолчал и сказал, - И, все таки, люди глупые обезьяны.

- Не сомневаюсь, - поддержал я, не став ему говорить обо всех своих мыслях и догадках. Пускай сам додумается или так и останется в забавном неведении.

Для себя же решил, что в жизни больше не буду есть бананы.

Валерий Лебедев

Февраль, 20-е

или метафизические опыты с убегающим пространством

Стоя на полу, ощущать, под ногами пол, далее? Увидеть себя, стоящим на полу, обеими ногами. Происходит то, что можно назвать осознанием, под ногами пол. Можно изменить ситуацию, слегка. Упереться в пол ногтями. Под ногтями пол. Что это меняет? Пол тот же. Вместо ног — ногти, эти ногти позволяют убедиться еще раз, есть пол, там же, тот же.

Почему ногти?

1.

Ведь есть колени, локти, плечи, бедра, спина. Лоб, наконец. Наиболее востребованы? Локти, спины, лбы. Толкаться. Сгибаться. Разбивать. Или отбиваться. Разгибаться. Иногда встречаются на редкость хрупкие плечи. На редкость узкие спины. И столь же редкие, но мощные лбы. О которые разбиваются аргументы, даже самые сильные аргументы.

Иными словами, есть редкие возможности.

Мы рождены? Неистребимое желание, невозможное сделать возможным.

Как минимум, должно быть это невозможное. Потом желающие. Каждый желающий может пробовать лбом, убедится, ногтями куда проще. На что упорство? Проявить, проявил, уперся лбом. Результат будет тот же. Для пола. Он как был, так и останется, тем же, на том же месте, с той же функцией. Для лба? Должно быть, здесь результат несколько иной. Лобовой результат, если возможна лобовая атака, почему не быть результату. Стоять на ногтях? Попробуйте. На лбу? Лоб — не лоб, но головой иногда пользуются. Голова + ногти, вернее, руки с ногтями, кто-то, наверное, сможет стоять, сколько-то простоит. Потом, вернется в привычное состояние, оно же нормальное. Стоять на голове, вернее, постоять какое-то время, такая возможность, не терять же. Встал, время пошло, не теряться же. Вытянул ноги, высунул их, скажем, из окопа. Тут же шальная пуля, ранение в ногу, поехал в тыл.

Прощайте родные, прощайте друзья, нога заменила голову?

Нет, конечно, голова использовала ногу, воспользовалась. Для того, чтобы сохранить себя, голову. Голова пожертвовала ногой, даже самая маленькая голова, с самым низким лбом способна на подобное. А вот нога, даже самая мощная, пожертвовать головой не способна.

...

На чистом полу — чистые ноги, сюжет, возникавший не раз.

Возникавший? Еще одно неистребимое желание. Возникает нечто вроде отношения. Как его передать, я об отношении, очень примитивно. Что и делается, охотно. Под ногами пол, понятно, на полу ноги. То, что не меняется. А что меняется. Скажем, статная женщина с длинной косой. Ее место может занимать женщина с гантелями. Стоять с гантелями? Поэтому они укладываются, я о гантелях, на газету. Но я отвлекся, от женщины с долгой косой. Она на кухне, занята делами. По ходу дел, в ходе этих дел стоит на полу. Делать такие дела сидя, неудобно, потому стоит. Выпрямившись, опустив руки, а как еще делать дела, не махать же руками. Под ногами у нее чистый пол. Вокруг нее хозяйственные дела. Под ее ногтями? Ну, не может быть пол под ногтями, не безумству же собираемся петь мы песню. До ногтей, я о крупном плане, художники почему-то снисходить не желают. Предпочитают ставить статную женщину на пол. Босыми ногами на чисто вымытый пол. Немалое число женщин, наверное, согласятся стоять босиком на полу, который чисто вымыт. Кем? Рукой художника, конечно. В этой его руке, что-то похожее на половую тряпку? Обычная кисть, а какие чудеса творит эта самая обыкновенная кисть. Прошелся, раз, другой, иногда проходы растягивались, я о числе проходов. Но в конце, статная женщина с правильными чертами лица и долгой косой всегда вставала на чисто вымытый пол. Знать бы еще, я о досках под ногами, кем они вымыты. Незаметный такой переход, был пол, пусть даже чистый. Как вдруг, откуда-то появились доски. А где еще стоять босым женским ногам.

Не на кирпичах же.

А если на ноги — сапоги, на плечи — спецовку, на голову платок, это уже ударница. Женщина из другой эпохи. Она, если и стояла на кухне, в редких случаях, то на коммунальной. Да и на кирпичах она не стояла, с ними она работала.

...

Далее?

Кисть в мешок, мешок в угол, мы же не на картине, поспешно выходим из кухни. Тем и хороша кухня, что из нее можно выйти. Через некоторое время, опять требуется время, ноги станут не слишком чистыми. Таким же, не слишком чистым станет и пол. Если время вмешалось, должно быть начало. Можно согласиться, чистые ноги — то начало, которое будет необходимым. В конце оказывается не слишком чистый пол. Если убрать ноги, или пол из-под красных ног, пол будет всегда чистым. Всегда? возникает что-то, напоминающее бесконечность. Такое состояние можно помыслить, при желании. Есть желание, воображай. Но допустить реально, бесконечность — из чистого желания, не допускаем, даже не пытаемся. Зачем тогда фиксировать такое состояние, скажем, на картине. Чистый пол, босые ноги. Все это на отдельно взятой кухне, где-то в глухой провинции. Чем замечательна эта кухня, она дышит, чем?

Так ли важно,
разве может кухня дышать, не ее это дело.

2.

Но мы заставляем дышать, даже кухню, чем?

Стандартный ответ, ароматами. Источать. Попадаются оригиналы, свежестью раннего утра. Впрочем, не только кухню, какую-нибудь кладовку, лишённую окон и света, заставляем тоже. Поскольку такая возможность есть, почему не сделать ее реальностью? Сделали, что позволяет сотворенная реальность. Нами сотворенная. Значит нам. Оторваться, обрести другую реальность, в которой нет этой вечной уборки.

По своей воле перейти из одной реальности в другую,
стоял на полу, теперь на кирпичах.

На белых досочках. На белых кирпичиках. На разбитом полу. На битых кирпичах. Кто откажется. Кисть приходит в движение, рождается картина. Для рождения картины требуется время, это время нашлось. Теперь? Пусть время обходит, хотя бы эту картину. Время на картине как будто остановилось. Художник, остановивший время, его давно нет, а картина есть. Она перед нами. Она останется после нас. Как это представить, нас нет, а картина есть.

Мы — во времени.

Она — вне времени.

Выйти, встать над временем, хотя бы посредством картины. Кому-то удастся. Еще бы ухитриться, встать над вечной уборкой, уйти на дно, предстать предметом уборки? Прожил жизнь, время выше нас, но так и не узнал, что такое веник, метла, половая тряпка. Швабра, хотя бы пылесос. Как ему удалось.

...

Остановить время, бросить, в сторону, уйди, уйти.

Художник вышел из кухни, на минуту заглянул в кладовку, бросил инструмент, на пол. Ну, может быть не бросил, положил аккуратно, бывают и такие художники. Все одно, оставил след, пусть и самый аккуратный. Оставлять следы, это возможность? Это неизбежность.

Следы могут быть разными.

Кто бы спорил.

...

Классики любили ходить по песчаным пляжам, обожали.

Наверное, не без причины. Море, ему идет рыжий цвет, я о море. Утрирую? Если возможен черный цвет, наверно возможен и рыжий. Взглядом в даль моря, ногами вдоль моря. По песчаному пляжу, пусть ноги тонут в песке. Тонуть необязательно, верно, но пусть тонут. Классик старательно топил ноги. А если это песок глотает. Смеется, будь так, не был бы классиком. Его следы? должны остаться, обязательно. Как ему удастся, выбирает места, посвежее, не затоптанные.

Чистые от следов?

Для того и вышел, чтоб оставить несколько следов, цепочку. Конечно, лучше оставлять следы, чем слезы. И лучше идти вперед, чем назад. Чтобы видеть следы? Нужно оглядываться. Оглянулся, смотри, на собственные следы. Но ведь постоянно глядеть назад не будешь. Пока идешь, приходится оборачиваться, вперед — назад. Когда стоишь, можно повернуться. Для того и придумали остановки, чтобы можно было повернуться назад. Остановиться. Повернуться. Что-то мешает, головной убор? Можно снять.

И смотреть, смотреть.

Снимали, шляпы, надевали фуражки. И смотрели, приняв торжественный вид.

Но ведь постоянно смотреть назад невозможно, почему? Засмотришься. Повернешься. Пойдешь назад. Удобно, идти по собственным следам, путь пройден, известен, ничем не грозит. Напротив, можно обновить. Или поправить. Но ведь лучше идти вперед. Повторение пройденного? Всего лишь возвращение к началу. Там, в начале, сколько там обещаний, вперед! Обычная формула, вперед — в прошлое. Куда бы ни повернули, будем идти вперед. Есть только? Завтра, конечно, светлое. Встать и стоять, перед завтрашним светлым днем. Здесь как раз требуется торжественный вид. Чтобы прийти туда? стоять нельзя, нужно встать и шагать. Уйти, выйти из вчера, вышли. Теперь из настоящего, шагнуть, широко.

И шагать, шагать.

...

Еще раз. Шагать по песку, днем или ночью, неважно, оставлять следы.

По сухому песку, на сухом песке, сухие следы.

Или по мокрому, на мокром песке, влажные следы.

А разве могут быть, сухие следы. Или влажные. Или все следы сначала влажные, потом сухие. Сначала грязные, мокрая грязь. Потом, сухая грязь? Грязь останется сама собой, грязью, не важно, мокрая она будет или сухая. Еще не застывшая. Уже засохшая.

Не хотите, увидеть,
свои же следы?

А зачем человеку видеть свои же следы, разве он не знает, где прошел. Зачем ему, его же прошлые следы, ему ведь гораздо проще оставить еще несколько следов, цепочку следов, одну, другую. Все, что требуется, встать, пойти, пройти. По песку. Или по гравию. Оставлять следы, не здесь ли суть цивилизации. Кто-то берет выше, по сцене. Кого-то интересуют руки, берет руками, вернее, в руки. Есть такая возможность, взять в руки, что? Можно кисть, на полотне. Но можно ручку, на листе. Цепочки следов, как их увидеть.

3.

Нетрудно, надо только оглянуться, оглянулся, увидел.

Но вот оглянуться? Далеко не каждый захочет оглянуться. Посмотреть на свои следы. Если бы шагать, и не оставлять следов. Оглядывались бы, наверно, гораздо чаще. Не получается, я о следах на песке. Заменить песок полом. Вот тогда можно шагать и не оставлять следов. Если ноги чистые. Если до чистоты им далеко, на чистом полу будут оставаться следы. Сухие следы? Как ни грустно, следы наших не слишком чистых ног. И тот же вопрос, какие следы мы оставляем. Не оставить следы нельзя, нет такой возможности. Есть следы, которые мы видим. Значит, есть другая возможность. Оставить такие следы, которые не видно. Их никто не видит. Не видит, не ценит.

Напротив, оставить следы.

Которые все будут видеть и ценить, посредством не нормативной лексики.

Все как будто согласны. Но тот же вопрос, какие это следы? Какие могут быть сомнения, достойные следы. И даже так, чистые следы. Как это звучит? Чистые следы, неужели есть такие следы, которые могут быть чистыми. Допустим. А если сказать так, бесстрашные следы. Наверно? О человеке, лишенном страха. Вот он прошел, бесстрашно. И оставил бесстрашные следы. А куда он шел? На гильотину, в те бурные годы ее только что изобрели.

...

Суммируя, Пространство — это то, из чего мы выйти не можем. Как бы далеко мы ни заходили, мы все равно будем в Пространстве. Не будет нас, будут следы нашего присутствия, в нем. И тогда Время — это то, что не позволяет нам вернуться. Как бы мы ни ломились в свое прошлое, оно все равно будет в прошлом. А теперь по возможности коротко. Пространство — то, что не позволяет выйти за свои пределы, никому. Время — то, что не позволяет себя возвращать, никому. И теперь о метафизике, это?

Метафизика = мы не выйдем + мы не вернемся.

Витлиф Владимир*Подсолнечное масло*

Быть счастливым — это талант! У мамы его не было. Она была симпатичная, статная, с пышными тёмными волосами женщина, но не любила нежностей, разных Сю-Сю. Судьба её, как и многих из предвоенного поколения, была не простой. Война, эвакуация в шестнадцать с небольшим лет из Белоруссии на Урал, потеря жилья, имущества, смерть отца. Затем работа на военном заводе, где жили в недостроенном цехе. Ели пустую похлёбку, а вместо туфель носили деревянные колодки, примотанные тряпками к ногам. Может по этой причине, или по какой-то ещё, характер её был не из лёгких. Она была не склонна к компромиссам, настойчива, не лезла за словом в карман.

Когда я родился, в пятьдесят пятом году, меня, в «кульке», принесли в комнатку на улице «Спартак». Теперь проспект «Ленина». Там уже жили: мама, отец, бабушка и мой брат. Комнатка находилась в подвальном помещении, а проще в подвале дома. Девять квадратных метров, с земляным полом. Да, чуть не забыл кота, без него там было никак. Мама преподавала русский и литературу в школе. Однажды, на классном часе, дети спросили её:

— А, где вы живёте?

Она возьми и скажи:

— В подвале!

Это, каким-то образом, стало известно начальству. Что тут началось!

— Советский учитель не может жить в подвале!

Её таскали по педсоветам, в РАЙОНО, в ГОРОНО. Она, памятуя о недавнем, уже, не в шутку, прислушивалась к подъезжающим к дому автомобилям.

В три года, вместе с семейством, я переехал в новый, только построенный дом. Два этажа, два подъезда, шестнадцать квартир, наша была девятой. Две смежные комнаты, ванной нет, а на кухне плита не электрическая, не газовая, даже не керосинка или примус, а просто дровяная печь. В памяти ухоженные газоны, деревянные в решеточку штакетники, скамейки у подъездов. На них вездесущие бабушки. Жила в нашем доме некая Анастасия Петровна. Она была старше мамы лет на тридцать. Мы, дети, её недолюбливали за склочный характер, меж собой звали просто — Настасья. Как-то, увидев меня гуляющим на улице, она спросила:

— Сколько тебе лет?

Я показал пять пальцев, подкрепив это произнесённым вслух словом:

— Пять.

— Да нет, тебе четыре, — возразила Настасья.

— Мне пять! — не сдавался я.

— Нет-нет, четыре! — задирала меня она.

— Пять! Я уже большой!

— Ты маленький, тебе четыре!

Тогда я сложил в кулак четыре пальца, и просунул сквозь них пятый! Настасья, будучи и так полной женщиной, вмиг раздулась как воздушный шарик!

— Люба, — кричала она, багровея, маме, — твой Вовка показал мне фигу!

— Анастасия Петровна, он же ребёнок... — пыталась объяснить мама. — Я с ним поговорю...

— Поговори, поговори, а не то я к тебе в школу пойду. Расскажу, как ты воспитываешь своих детей! Я член партии с 1935 года, а какой-то сопляк будет мне фиги показывать! — не унималась Настасья. — Если он не извинится, я дойду до райкома партии!

И тут маму «подбросило»:

— Да плевать я хотела на такую партию, в которой такие члены!

Домыслите сами, что маме пришлось из-за этого пережить. В общем, она хлебнула из-за своего языка и характера.

А отношений с мужчиной она просто боялась. Первое и единственное замужество с моим отцом было неудачным. Рождённые оба под знаком скорпиона, с разницей в девять дней, не правда ли, для одной семьи многовато? К тому же, как я потом понял, мама не умела, не знала, как обращаться с этой штукой — замужеством, имела иллюзорное представление о браке. Она с гордостью говорила женщинам на работе, что муж её любит, аргументируя следующим:

— Он меня бережет, не спит со мной.

Как ржали эти тётки! Потом одна из них сказала:

— Ну и дуря ты, Любка!

Отец, меж тем, возвращался вечерами домой в трусах, одетых на изнанку. С ним они прожили двенадцать трудных лет. Последующие лет тридцать она проклинала отца, который оставил, или как говорят "бросил" нас, когда мне было четыре, брату десять, а маме тридцать четыре года и мечтала о замужестве. Она была несчастна, мы с братом, можно сказать, ощущали это на собственной шкуре. Раздражалась, нередко плакала. Как многие мужчины, я не переносил женских слёз. Мне от их созерцания физически плохо. День был счастливым, если проснувшись, я видел солнце на небе, и улыбку на лице мамы. Но в доме не часто было ощущение праздника. Любые события проходили буднично, как-то безрадостно. Конечно, она готовила по особому, праздничному меню: пекла вкуснейшие торты, булочки с корицей. Варила холодец, а мы обсасывали сочные, горячие косточки. Но радости не чувствовалось. Не помню, что бы отмечались наши с братом дни

рождения. Вот, почему-то, сохранившиеся в памяти «самые яркие» впечатления от моего двенадцатого дня рождения:

Пасмурно, октябрь. С утра мама затеяла стирку. Это значит: кипячение белья на газовой плите, в тазу; потом стирка и полоскание в корыте. Если учесть, что ванной комнаты у нас не было, всё проходило на кухне. Помню, мама уставшая, руками по локоть в мыльной воде, смахивает прилипшие от пота ко лбу волосы. Я помогаю — ношу воду в ведре...

Мы понимали её желание устроить свою жизнь, никогда не противодействовали ей в этом. Однажды мы с мамой сели в электричку и поехали. На небольшой станции, возле Чебаркуля, нас в деревенском домике, ждал чей-то знакомый, пожелавший жениться к моей маме, отставной военный, старше её лет на пятнадцать-двадцать.

— Съездим, проветримся, от нас не убудет! — шутила она.

За косогором искрилась лента озера Кисегач. Одиноко стоящие на берегу огромные сосны, режут её на куски. Деревенская изгородь. Лёгкий ветерок треплет высокую траву, запустив в неё свои игривые пальцы.

Мы вошли в дом. Низкий деревянный потолок, крашенный салатной краской. В комнате вдоль стен комод, буфет, на них расставлены многочисленные, домашней выпечки торты. Меня удивило — штуки четыре! Помню, один из них «Наполеон»! Такой аппетитный! Я сел на стул возле буфета, предвкушая сладкое чаепитие.

— Отлично подготовились! — подумал я.

Напротив диван, на нём грузный жених, деревенской наружности. Рядом с мамой — городской, интеллигентной дамой, выглядел не очень. Вокруг хлопочут две бабёшки, толи сёстры, толи тётки. Их настороженный вид вселил в мою душу беспокойство. Они о чём-то поговорили с мамой, но не долго, что-то сразу пошло не так. На том и расстались, даже не выпив чая.

— Вот, чёрт, так торта хотелось! — с нескрываемым сожалением пожалился я маме, закрывая за собой калитку.

— Зато, чистым воздухом подышали, — улыбнулась она.

Мы жили очень скромно. Из бытовой техники имели только холодильник «Юрюзань» и одноканальный приёмник, из которого звучали по утрам «Пионерская зорька», днём «Вести с полей», по вечерам «Театр у микрофона». Кстати, отличные транслировались спектакли. Железные кровати с панцирными сетками. Фанерный шифоньер, с маленьким зеркалом в узкой створке. Круглый раздвижной стол и «венские», с гнутыми спинками, стулья. На двух парней маминой учительской зарплаты и тридцати рублей алиментов хватало только-только. Помню её записки, она их писала нам, уходя ранним-ранним утром на работу: по скрипучему снегу, по мокрому асфальту, просто по раскисшему от дождя бездорожью, примерно следующего содержания:

— Ешьте то-то и то-то, но экономно!

Это «экономно» надолго поселилось в моём сознании.

Однажды вечером она счастливая, с глазами, искрящимися как новогодние игрушки, вернулась домой с мужчиной и сказала:

— Вот, привела!

С тех пор мы стали жить втроём, (брат, в то время, служил в армии). Кем он был мне? Конечно не отцом, не отчимом, даже не другом, а просто Алексеем Ивановичем — мужчиной, который семь лет лежал на диване, читал книги и курил. Я всегда чувствовал неловкость, неудобство в его обществе. Он не пытался сблизиться со мной, даже просто поболтать о чём-либо. Когда нам случалось остаться дома вдвоём, и приходило время обеда, я разогревал на плите, и ставил на стол чёрную, чугунную сковороду, одну на двоих, и мы, молча, тыкали в её содержимое вилками, молча, пережевывали и вновь тыкали... Алексей Иванович был крупным мужчиной, характером не уступчив, не красавец, но с приятными, выразительными чертами лица. Лёгкая хромата, от фронтового ранения, его не портила. Имел комнату в коммуналке с большими окнами, в дробном членении рам, выходившими на проспект Ленина. Из-за них всегда слышался шум автомобилей. Работал на заводе, как будто мастером, зарабатывал, по тому времени, неплохие деньги. Но в бюджет вновь обрётённой семьи вкладываться не спешил, хранил деньги на сберкнижке.

Первый год совместной жизни мамы и Алексея Ивановича можно назвать счастливым. Они не ссорились, съездили вместе в отпуск. Он, даже, купил телевизор, тогда ещё чёрно-белый, а затем и магнитофон «Днепро» в большом деревянном корпусе, с белой пластмассовой решеткой, на длинных черных ножках. Но затем понеслось. Стал почти ежедневно приходиться с работы в подпитии. Начались ссоры, скандалы. Помню, как мне не хотелось после школы возвращаться домой. Я знал, что застану там ругань, крики, слёзы матери. Он просил маму уйти жить к нему в комнату. Она не соглашалась. Переживала за нас, хотя мы уже были довольно взрослые и самостоятельные парни. Действительно, ну какая жизнь в двухкомнатной квартире общей площадью сорок два квадратных метра, со смежными комнатами, которые не разделяла даже дверь. В итоге жизнь становилась для всех невыносимой. Часто Алексей Иванович, в разгар ссоры, находил простой выход: он вставал с дивана, одевался и уходил к себе. Мать же прятала ключи от его квартиры. Кричала:

— Лёша, не пушу!!!

Он ей:

— Люба, отдай!

Он всё равно уходил. На другой день, когда нас не было дома, подгонял машину и увозил телевизор и магнитофон.

Затем тянулись безрадостные дни, мамины потухшие глаза вселяли в мою душу тоску. Спустя время, мама шла на переговоры к нему в коммуналку. Когда она возвращалась, я с радостью отмечал, — её глаза лучились! Через какое-то время на место возвращались телевизор с магнитофоном. В доме ненадолго селилась радость.

Тем временем брат отслужил службу ратную. Год передохнул, а на следующий, поступил в Свердловский юридический. Однажды в зимние каникулы приехал домой, в Челябинск. Его приезд всегда был для нас с мамой праздником! Когда, после трёх, давно условленных звонков, он вошёл в дверь, когда волна первой радости немного утихла, мы обратили внимание, что его брюки обильно политы чем-то жирным.

— Да, мужик — придурок! Сел рядом, на коленях в авоське трёхлитровая банка с подсолнечным маслом. Вроде крышкой была закрыта. — Стал рассказывать брат. — Автобус тряхнуло, банка кувыркнулась, крышка соскочила, и, будьте любезны, окатила меня с ног до головы, вернее до пояса.

Он был сильно расстроен. При нашей бедноте, брюки имел одни! Мама сразу затеяла стирку, замочила их в знаменитом порошке «Новость», в жестяном корыте. В это время Алексей Иванович, оделся и направился к выходу. Мама в удивлении спросила его:

— Лёша, ты куда?

— Сейчас приду, — ответил он.

— Куда? Зачем ты идёшь? — настаивала мама.

— Ну, я сейчас приду. Я не долго.

— Нет, не ходи! Сейчас за стол будем садиться...

— Люба, я быстро, я успею!

— Нет, не ходи!

И... всё понеслось по обычному сценарию! Праздник был испорчен.

Впоследствии узнал, Алексей Иванович, в благородном порыве, хотел снять со сберкнижки деньги на новые брюки для брата.

Во время учёбы в институте, брат женился. Кончив его с красным дипломом, уехал с женой жить на её родину. Я, мама, Алексей Иванович ещё несколько лет жили вместе, жили, как получалось. Однажды, летом я с друзьями отдыхал в Крыму, когда вернулся, застал маму в хорошем настроении.

— А, где Алексей Иванович? — поинтересовался я.

— Я его выгнала!

— Правда, удивился я. — Хотя, в глубине души, было предчувствие, что эта история должна закончится чем-то подобным. — Он напился, —

продолжала мама, — затеял ссору, зачем-то полез в стенной шкаф, весь обсыпался стиральным порошком. Тогда я взяла топор и, потрясая им, сказала: « Если ты не уйдёшь, я тебя ночью зарублю!

На другой день он ушёл.

— Телевизор с магнитофоном не забыл? — спросил я.

— Как можно, — пошутила мама.

— Ну и хорошо, — произнёс я, испытав внутреннее облегчение.

— Ой, слава богу! — сказала мама.

Мы обнялись. Я заметил, что глаза её вновь сверкнули, пусть не большой, но всё-таки радостью. Больше о замужестве она не мечтала.

P.S. Однажды, спустя несколько лет, мы с Алексеем Ивановичем встретились на пешеходном тротуаре лоб-В-лоб. Я сказал:

— Здравствуйте.

Он прошёл, не проронив ни слова, с поднятым высоко подбородком.

Светка

Морской прибой в ночном мраке перекачивал пляжную гальку. На набережной карнавалила жизнь во всей роскоши тел, нарядов, макияжа. Серёга почти два месяца жил в приморском городке. Жил скромно, в маленькой комнатке, деньгами не сорил, так как на заработанные ему жить всю зиму. Спал, купался, загорал, читал книги. Но вечером, как штык, в своём раскладном кресле с мольбертом, в окружении соратников по искусству. — Немного поверните голову. Ещё чуть-чуть... Вот так, нормально. Минуту, он не моргая, прищуренным глазом, как лучом сканера, сверху вниз, обратно вверх и снова вниз, изучал натуру. Затем ткнул карандашом в белую пустоту листа, (как он находил эту точку отсчёта?), и резко, уверенно провёл линию... Ж—ж—ж — загудел сотик, засветившись голубым светом.

— Ну, кого ещё... — раздражённо ругнулся Серёга. Он терпеть не мог, когда отвлекали во время работы.

— Извините, я на минутку. — Сергей отошёл к парапету набережной.

— Слушаю, — прохрипел недовольно в трубку, глядя на моргающий в черноте глаз маяка.

— Привет!... Как поживаешь? — шибанул в ухо игривый голос Светки. Не дожидаясь ответа, она продолжила:

— Я отдыхаю в Крыму, одна.

— Что так? — поинтересовался Серёга.

— А, сбежала от «своего». У него всё работа, да работа, а я хочу жить! — Жить! Знаешь, у меня дома, ну не совсем у меня, короче, висит твоя картина.

— А, что разве её не подарили?

— Я упростила оставить.

— Понятно... Как поживаешь? Как твой рассказ?

— Что-то застопорился. Не понимаю, как его закончить.

— Хм... — хмыкнул Сергей, — начать не фокус, вот закончить?.. Возникла неприятная пауза.

— Ну, а ты как? — быстро нашлась Светка.

— Я тоже... ну, в общем, в Крыму... на заработках.

— Серёжа, можно я к тебе приеду?

Сергей не был готов к такому повороту, какое-то мгновение он боролся сам с собой.

— Ну, что ж, приезжай, заодно и рассказ допишем...

Шестью месяцами раньше.

Теперь почти в каждом городе есть свой «Арбат» — такая мода! В этом он называется «Кировка». Художественная братва загорелая, с обветренными лицами, часто с красными носами, так как в термосы заливают спиртное, а потом, будто чай, дабы не смущать отдыхающих и полицию, заливают его себе «за воротник», таким образом согреваясь и поддерживая творческий кураж. Так вот на ней, в компании уличных художников, Сергей рисовал шаржи. Впрочем, он писал и картины, но кто в наше время думает о вечном, все озабочены сиюминутным. Поэтому кормили, и то не очень сытно, только шаржи. Серёга — художник, мастерская для него и работа, и дом, а потому, понятное дело, беден как церковная мышь. Он деньги видит, большей частью, в чужих руках, через его они проходят, как транзитный пассажир через транзитную станцию.

Замечательный день: сухой, тёплый, к тому, ещё и пятница. Лёгкий ветерок гоняет осеннюю листву как пастух овечью отару. Горожане на скамейках, под уставшим за лето солнцем, пребывают в неге. Но клиентов нет.

Со спины Фортуны Серёга узнавал сразу, а вот лицом не всегда. Но, в этот день, он рассмотрел её хорошо. Она явилась к нему в виде компашки из трёх, не совсем трезвых, хорошо одетых, пахнущих дорогим парфюмом, мужчин!

— Ты, как бы, художник? — обратился к нему один из них.

— Как бы, — ответил Серёга.

— Шаржи рисуешь? А нас сможешь?

— Легко. Вас в розницу или скопом?

— Завтра у нас банкет. Придётся, будешь рисовать шаржи. Да, оденься поприличней.

— На приличней нет бабок.

— Вот и подзаработаешь, — сказал сладкоротый «олигарх» с бегающими глазками. — Позвонишь, скажем куда. Вот визитка.

Банкет был шикарный! Фейерверк из чёрной икры, дорогого вина, дорогих часов, разгорячённых лоснящихся физиономий!

— Это мой «Малевич» от слова малевать! — представлял Серёгу своим приятелям размякший от возлияний хитроглазый, хлопая его по плечу. Слушай, «Малевич», объясни-ка нам, что такого гениального в этом, как его, чёрном, черт бы его побрал, квадрате?... Серёга был в ударе. Да и, надо сказать, типажи отменные! Рожицы получались острохарактерными. Рисунок

— хлёстким и выразительным! Богатый люд, насколько он успел убедиться, деньгами не сорит, он скуповат, но в этот раз, толи так звёзды сошлись, толи выпили больше нормы, но Серёга ушел с банкета, как говорится, «сыт, пьян и нос в табаке!» Для него заработанные деньги — были суммой!!! Летом, как известно, птицы летят на север, а художники на Юг, на курорты Чёрного моря, на заработки! Серёга приберёт эти деньги для поездки.

— Слушай, Серый, ну и рожи ты рисуешь! Совсем не жалеешь клиентов,

— закусывая пресервами из сельди, бурчал не очень трезвый приятель с бордовым, варикозным носом. — Это отход от реальности! — Видишь ли, Сёма, слишком близкое сходство с жизнью убийственно для искусства!

— Вот потому мы и жрём пресервы, а не сёмгу, что ты боишься близости... с жизнью! Давно бы был весь в шоколаде! И Светке бы подарил кольцо не с песчинкой бриллианта, а с большущим камнем.

— Меня от сладкого мутит. А искусство — религия, не я это придумал, оно имеет своих жрецов и своих мучеников. Да, я мученик! Ну так, что с того... А со Светкой мы разберемся! — со свирепым выражением на лице процедил Сергей, выковыривая вилкой пробку застрявшую в глотке бутылки шампанского.

Пробка вылетела как торпеда из пускового аппарата и, орошая не богатую закуску сладкими брызгами, долбанула в потолок, а затем от него, вместе со штукатуркой, прямиком, да не куда-нибудь, а в единственный фужер в разнородном наборе посуды, «сервирующем» стол. Он разлетелся вдребезги!!!

— Так, тихо! — подскочила с места Светка, — читаю из последнего:

У мокрой ручки в туалете...

Удохлой мухи в винегрете...

Всегда своя причина есть.

Причина эта — моя месть!..

Светка огненно-рыжеволосая, энергичная, не без талантная, несколько экзальтированная дама. Ей соврать, или, как она говорит, нафантазировать, что фужер шампанского замахнуть! Для неё жизнь — жизнь на пике, на драйве. Пауз, покоя она не выносит. Светкино поведение, эмоции всегда немного гротескны. Если развернуться и уйти, то развернуться по-гусарски, при этом звонко щелкнуть шпорами и крутануть головой, чтоб рыжая грива хлыстом просвистела в воздухе. Она пробовала заниматься разным:

рисованием, танцами, последний период — литературный. В любовь она проваливается как после горячего укола в процедурном кабинете: сначала лёгкое головокружение, потом пот и опс... в бессознательном. Вот и в Серёгину жизнь, в мастерскую, на скрипучий диван провалилась как в обморок. Она влюбилась во всё: в богемный беспорядок, в разговоры об искусстве и жизни, даже в его друзей — довольно странных, как неопознанные объекты, людей.

Светка во всём этом «ералаше» была не птенцом с разинутым от удивления клювом. Это была её стихия, она в ней купалась. Но как тогда, в процедурном, когда она, словно воздушный пузырьрёк, медленно всплывала в молочном киселе: становились заметны светло-тёмные пятна, они уточнялись и, наконец, обрели резкие, внятные очертания. Она вновь увидела: светлая с кушеткой комната, стеклянный в белом металлическом каркасе шкафчик и медсестричка крепкая телом, держащая её одной рукой и отвешивающая оплеухи другой!

Вот и теперь Светка, вдруг, незамутненным взором обозрела и увидела: неустроенность, безденежье, бесперспективность. А, увидев, просто взяла и, так же как появилась, так и исчезла в неизвестном направлении. Впрочем, Серёга догадывался, как-то к нему в мастерскую приходил «сладкорожий» купить кому-то в подарок картину. Долго торговался и, видимо, с барышей ещё «прикупил» и Светку.

На прощанье Сергею она так и сказала: — Ты не мужик, ты шарж ходячий! — Хлопнула дверью так, что отслоившаяся от протекавшей воды штукатурка, посыпалась с потолка мастерской как новогодний снег!

После Светкиного ухода остались: у Серёги — душа, поскуливающая как бездомная собачонка; в мастерской — немытая посуда, запах духов и общая тетрадь исчёрканная, исписанная её литературными опусами. Старый тополь за окном, на ветру шипел гремучей змеей, брэнча сухими листьями осени. Серёге не спалось. Когда на растерзанном, не совсем свежем ночном ложе он молча крутился с бока на бок, стонал за него диван.

— Разве всё было так плохо... — рассуждал Серёга, — ведь были же у нас и счастливые дни, особенно ночи! И у нас, — по крайней мере, ему так казалось, — неплохо получалось! Деньги редко, но все же иногда бывали. Это чёртово кольцо, пусть маленький, но всё-таки камень.

Сергей снова перевернулся на отдохнувший бок. Диван под ним тяжело вздохнул: — О-о-о-х... Он, вдруг, припомнил, как под Новый год они объелись мандаринами. Затем пристреливали кожуру степлером к издырявленной стене, образуя раму! И под дружный хохот, в середину её, Сергей вдохновенно вписал шарж на Светку.

Вообще, что было между нами в эти полгода? Да ничего особенного. Ну, нам было хорошо вместе, это ни много, ни мало. Обиды нет. Что ж, значит ей так лучше. Но на душе, всё равно, погано.

Сергей уборку делал редко, по большой нужде, когда терпеть грязь и бардак не было никакой возможности.

— Что за тетрадь? А... это Светкина! — О тетради он забыл, да и не до неё было.

— Чего она там понаписала? Интересно... — Беседовал сам с собой Серёга, вглядываясь в рваные, быстрые, как её жизнь и поступки, куски текста.

— О художнике пишет... Во как!

«Он наивен, обмануть его не стоит труда. Инфантилен, не смотря на достаточно взрослый возраст, безденежье — его обитель!» — Надо же, как с меня написано. — «Он весь в своем искусстве, а когда возникают проблемы иного рода, он сильно раздражается...» — Вот зараза, точно с меня!

Это тоже интересно:

«Его друзья всегда полу: полу трезвые — полу вменяемые; полу болтуны — полу философы; полу бездари — полу художники, полу живут — полу бредят... Сам он полу в этом мире, полу в нереальном — своём! Мне же нужно не полу, а всё!» — Неплохо она нас, а... Вот тут уже, видимо, о «своём» новом:

«...Леонард уж точно не полу, а на все сто: обеспечен, ухожен, одет, на все сто живущий в реальности! На все сто мужчина!? Хотя, конечно, если б не пивной животик... Щедр, тут должна признать, на половину. Кстати, художник, при своей нищете, щедр на все сто! Может промотать последнее! Хотя, что там проматывать...» — Зараза, одно слово!

— Слушай, Серый, до меня Лёха докопался. Говорит: «Формалист ты, Сёма, а где содержание?»

— Глупый он человек. Содержание, эмоция есть в любой форме, даже в её отсутствии, в пустоте. Вот, например, запри его в тёмной пустой комнате?! Другое дело, что безобразная форма рождает безобразные эмоции! — Он, чуть помолчав, вдруг продолжил:

—Туда приду я белою дорогой, там загляну я в желтые глаза, они затоплены зелёною тоскою... — продекламировал задумчиво Серёга, улетаая куда-то, в другое измерение... — Слушай, Сёма, а может мы правда — полу...

— Что полу?

— Ну, полу художники, полу придурки...

— Ну, это, смотря кто. Вон, Лёха, — тот полный... Серый, а что это такое ты сейчас буровил?

— А... это из Светкиных виршей...

— Ну, ты меня напугал...

—Знаешь, дружище, она недавно звонила.

— Да-ты-чё? И чего?

— Да так, ... вокруг и около... Рассказ пишет.

— О чём? — Округлил глаза Сёма.

— О чём, о чём? О любви...

Полгода спустя.

Утренний луч южного солнца как воришка крался по маленькой комнатке: по стене в дешевых обоях, по единственной тумбочке, ощупал угол, в котором стоял этюдник, папки с бумагой, где валялись пастель, уголь и всякая художественная ерунда. Он добрался до кровати, до заросшей Серёгиной физиономии, а когда «засветил» ему в глаз — Сергей, чуть вздрогнув, проснулся... Он достал из тайника заработанные деньги, пересчитал, почесал затылок, а затем резко отстегнул треть купюр, — засунул их в карман.

Тень от кипариса стрелкой компаса легла на яркую вывеску «Золото Маккены». — О, то, что нужно! — Витрины искрились, лучились, сверкали. — Покажите-ка мне вот это, да, это-это, с большим камнем. Серёга покрутил кольцо в руках.

— Хау мач? — Блеснул он английским, почесав подбородок, успевший зарости бородой. — Беру, и, пожалуйста, в эту коробочку... Кафе «Белый квадрат». Сергей посмотрел на часы: — Фу ты, чёрт! Опоздал! Хорошо, что Светки ещё нет, — подумал он, осмотревшись вокруг. Подождав какое-то время, Серёга стал беспокоиться, затем подошёл, к стойке бара. — Извините, вы не видели здесь девушку, такую рыжеволосую... — Видели, она просила передать — бармен протянул Серёге свёрнутую вчетверо салфетку. Развернув её, он прочёл:

— Теперь я знаю, как закончить рассказ. Извини.

Сергей был ошарашен!

— А что произошло? Где она? — недоумевал Серёга. — Она стояла здесь у входа. Остановился кабриолет, из него вышел какой-то качёк. Они поговорили, она села в машину, и... уехали.

На дальнем берегу загорался и гас свет маяка. Серёга смотрел в пустоту ночи, в которой, по-прежнему, море катало гальку, а пена прибоя мыла подошвы его кроссовок.

— Да, пустота имеет содержание. Ещё какое содержание! — Он опустил руку в сумку, на ощупь нашёл маленькую, полукруглую, шершавую коробочку. Достал её и пару раз, как бы взвешивая, покачал в ладони.

— И почему стервы так цепляют мужиков? — Подумал он. Вдруг, неожиданно для него самого, как слабый освежающий в жару ручеёк, протёк в его душу смех. Сначала слабый, потом всё сильнее, затем он просто хохотал, давя кроссовками морскую воду, словно виноград в бочке, а рукой придерживал футболку на животе, боясь потерять, как будто, нечто ценное. — Какой же я, нет, не полу, полный придурок! — чуть успокоившись, изрёк он.

Затем размахнулся и, со всей дури, швырнул кольцо...

Этуды. Уральский вариант

Я поймал и плюхнул на перрон последний рюкзак. Володя – джентльмен поддержал, прыгнувшую вслед за ним, Ленку. Уже горел зелёный свет светофора. Стальные двери, лязгнув, закрылись. Хвост состава пролетел мимо нас с ветром и грохотом, оставив после себя полный звёзд небосвод, звенящую тишину ночного полустанка и убегающий вдаль стон рельсов.

— Какой воздух! Обалдеть! До рассвета ещё часа два, переждём в станционном домике.

Стоял прекрасный тёплый, сухой сентябрь! Кроны деревьев ещё удерживали свои пышные формы, они не разлетелись по земле лоскутами, оголив кости берёз и осин. Мы выжидали момент, когда осень-художник возьмет самые насыщенные краски, распалит до предела жёлто-оранжевый огонь. Байдарка, рюкзаки, этюдники, давно собранные, дожидались своего часа. И он настал! Как сказал вождь – сегодня рано, завтра будет поздно! Ночным поездом – решили мы, – пора!

Мы шагали в мареве рассвета, оставив без сожаления комнату с холодными деревянными скамейками, с таксофоном 1939 года выпуска, металлическим, громадным, будто извлечённым из бронепоезда. Уже обозначились очертания прибрежных скал, из-за которых доносился шум текущей воды. Миновали маленький железнодорожный мост с полосатой будкой охранника, спустились к реке. Утреннее солнце хорошо освещало окрестности. Неширокую, в мелких перекатах, уральскую речку Юрюзань. Скалы с каменюгами красно-коричневого, зеленоватого, золотистого оттенков. Паутину железнодорожных проводов и стальных опор, удивительным образом усиливающих уральский колорит. Смешанный осенний лес с тёмными пиками елей. Косогоры со срубам из могучих стволов, с тёмными полосами перекопанных огородов, убегающих вниз к обрыву.

— Какая красота! – Воскликнул Володя-лирик. – Перефразируя поэта, хочется сказать – руки просятся к кисти, кисть к бумаге...

— Уж не мало ли взяли бумаги? – Подхватил я.

— Хочу заметить, сегодня не тот день, что был вчера. Что-то зябко! – Добавила Лена.

Действительно, заметно похолодало. Но цель была поставлена, конечный пункт сплава определён. Собрали байдарку, вёсла, уложили в неё вещи.

Байдарка, подгоняемая течением, легко скользила. Я сидел на корме, Лена в среднем отделении, Володя-шкипер впереди, то и дело выкрикивая команды: левый борт – табань, правый – греби!.. Так как мы не завтракали, то вскоре кому-то из нас пришла идея причалить и перекусить. Прошло не так

много времени, и уплыли мы не очень далеко. Увидев подходящее местечко, решили пришвартоваться. Когда до берега оставалось не больше двух метров, а каменистое дно хорошо просматривалось, Володя-ловкач сиганул из лодки. Я, вроде, сделал то же самое, но что-то пошло не так. Плюхнулся в воду, успев опереться на левую руку. В этот же момент увидел – на месте, где только что над байдаркой возвышался торс Лены, теперь горбатым китом голубело дно лодки. Вертикально под ним, касаясь дна головой, – Ленка! Надо отдать себе должное: вскочив на ноги, поймав уплывающую лодку, быстро вернул художницу в исходное положение. Она была похожа на рыбу, оказавшуюся на суше, – открывала рот, «шевелила жабрами». Вид – ошалевший! Вытащив на берег подругу, лодку, стали ловить катившиеся по дну, в потоке воды, консервные банки, какие-то вещи, брошенные на днище байдарки.

Оказавшись на берегу, шкурой ощутили – сильно похолодало! Девуцу колотило! На ней не было сухой нитки! В её рюкзаке промокло всё, включая спальник!

Наши вещи, упакованные в мешки из клеенки, уцелели. Опыт — великая сила! Переодели Лену во что пришлось. Затем, как цирковую лошадку, заставили бегать по кругу, пока не согрется.

– Я... я... – задыхался от смеха Володя-весельчак, – только отвернулся, глядь, а Лена, как... как... водяной! Ой, не могу! – Размякнув от тепла костра, мы хохотали до икоты. Над ним на верёвках курились паром вещи, спальники. На палках, вокруг огня, излучая амбре палёной резины, сушились сапоги. Рядом этюдники, подрамники. Не стоянка — цыганский табор! Пляска костра то и дело рифмовалась хлопками и выбрасыванием снопов искр в, и без них, полное звёзд ночное небо. Свет от него, пробивая мрак, раскатывал длинные полосы теней от нас, предметов, деревьев. Огонь поджаривал лицо, грел грудь, в то время как спину пробирал холод. Для туриста прекрасный способ согреться – на ночь выпить кружку горячего чая с налитой в него столовой ложкой спирта. В этот вечер их было выпито немало.

– Всё-таки этюдник очень полезная вещь, – приговаривал Володя, разливая очередную порцию чая по кружкам, стоящим на нём, как на столике.

– Да, – подхватил я тему, – как-то, это было очень давно, пришёл на этюды в детский парк. Забрался в заросший дальний уголок. Раскрыл этюдник, стал выкладывать краски. Откуда не возьмись мужичок, видимо, парковый рабочий. Подходит, и давай меня, литературно выражаясь, бранить! Ничего не мог понять. Оказалось, он принял ящик на ножках за мобильный бар, решил, что я пришёл выпить и закусить!!!

– А мой знакомый, -- продолжил Володя — матёрый турист, подбрасывая в огонь ветки, -- отправившись в поход по Алтаю, взял с собой не такой маленький, – он кивнул в сторону этюдника, – а большой. Но долго не протянул, оставил его прибитым к сосне!

— Вона как! Да, для такого инструмента нужен оруженосец! Санчо Панса!!! — Прихлебнув из кружки, передёрнув озябшими плечами, я продолжил:

— Вспомнил Володю Сафронова, был истинный художник, одержимый живописью. Ходил на этюды и летом, и зимой. Как-то, рассказывал он, в лютый холод, пошёл писать. Жена, преданная ему безмерно, с ним. Масляные краски на холоде застывают в тубах, невозможно выдавить! Так супруга, что бы этого не случилось, засунула их туда, куда женщины обычно прячут деньги. Согревала их всё время, пока он писал!

— Вот тебе не только Санчо, но и Панса!!! — изумилась Лена.

Ночь была холодной. В темноте, совсем рядом, шумела Юрюзань. Ткань палатки отсырела и провисла. Когда утром, на негнущихся, замёрзших ногах, скрюченной от холода рукой откинул входную створку палатки, в глаза ударил ослепительный свет!!! Догоняя скорость света, пришло осознание — выпал снег! Не просто выпал — навалил сугробы, сантиметров двадцать, двадцать пять!

— Вот это да! — Протирая глаза, изумился впечатлительный Володя.

— Ой, мамочки! — подхватила Лена.

Согревая руки чаем, вскипяченным прямо из чистейшего снега, не переставали восхищаться, взирая на перемены. Каким великолепием рассыпались и увязли в белом оранжево-золотые цвета осени, гранитное разноцветье уральских скал и даже стальные конструкции железных дорог! Обалдеть какая красотища!

— Как хочется писать! — с этими словами Лена грустно посмотрела в сторону занесённых снегом этюdnиков.

— Об одном жалею — мало взяли холстов! — Лукаво произнёс Володя-шутник.

Было ясно — надо возвращаться. Сначала решили упаковать байдарку. Тщетно! Она, скованная льдом, не поддавалась. С большим трудом удалось разорвать её на какие-то части. С хрустом сложили, запихнули как попало обшивку в мешок. Далее — палатку и прочее барахло. Всё было отсыревшим, обледелым и от того очень тяжёлым. Возвращаться пришлось по снежной целине, никем ещё не тронутой. Ноги проваливались в снег, идти было трудно. Через полчаса ходьбы мы уже хорошенько согрелись. Через час нам было жарко!

— Друзья мои, — переводя дух, провозгласил Володя, — сейчас смело могу заявить — нам здорово подфартило перевернуться здесь, недалеко, а не где-нибудь километров за двадцать!

Вагон поезда был почти пуст. В титане булькал кипяток, за его дверцей плясали красные огоньки и потрескивал уголь. С комфортом расположились в тёплом купе. Проводница принесла горячий чай. Мы достали неизрасходованный многочисленный провиант, включая те самые,

катившиеся по дну рыбные консервы. Сайра в масле! Ничего вкусней ни раньше, ни тем более позже я не ел!

В вагонном окне мелькали зимние уральские пейзажи — сосны, березы, скалы, станционные домики, столбы и провода, как морские волны, плясали то вверх, то вниз!

Забравшись с ногами на нижние полки, прихлёбывая вкуснейший чай из стаканов в серебристых, с чёрной патиной, подстаканниках, мы были абсолютно счастливы. Блаженно улыбаясь, то и дело поглядывали на верхнюю полку, на которой тряслись первозданно белые, как первый снег, холсты...

Галина Вольская

Возьми, сынок!

Сынок! Прости, что удержала тебя здесь. Ты мог жить в другом городе, иметь более высоко оплачиваемую работу. Твои дети учились бы в престижных школах, институтах, имели бы больше возможностей.

Это для меня мой город такой любимый и неповторимый, единственное место, где я могу чувствовать себя дома. Для многих не так. Для многих не только этот город, но и вся наша страна лишь место, где можно набить карманы и уехать. Уехать туда, где лучше, слаще, комфортнее, что им до тех, кто остается.

А я продолжаю любить этот маленький, никому не нужный городок. Я рву сердце, наблюдая, как разрушаются прекрасные старинные здания. Как корчуются высокие, тенистые деревья, заменяются редкими, общипанными кустарниками. С больших деревьев падает слишком много листьев, лишний мусор. И так же, как лишний мусор, выметают проживающих здесь свои дни стариков. Их тоже слишком много. Нам говорят: «Умирайте, молча!»

Мне ничего больше не надо в этой жизни. Прости, что я почти ничего не смогла дать тебе, кроме этого города. Я его любила. Возьми его, сынок! Полюби его так же, как любила его я, это же твой родной город. Он все еще красив, посмотри. Сбереги его, сынок!

Инструменты Создателя. Вода.

Много ли мы знаем о воде, без которой не может существовать ничто живое? Лишь слегка прикасаемся к ее тайне, какая у нее структура, как она может хранить информацию, смывать негативные эмоции. А относимся к ней как бездумные потребители. Меня, кстати, всегда удивляла часто встречающаяся поразительная неряшливость именно у медиков. То есть у тех, кто прекрасно знает о болезнетворных микробах, говорит нам о гигиене, о необходимости мыть руки. И сами об этом совершенно не заботятся, вроде как свои ребята, не тронут.

И мы, зная, что наш организм в значительной части состоит из воды, без нее мы не проживем, легко загрязняем все водоемы, водой из которых пользуемся. А вода не всегда добрая и ласковая, поднимается, затопляет наши дома, подмывает берега, обрушивая значительные участки суши. Стоит

Земле совсем не на много отклониться от своей оси, и гигантская волна пройдет по ее поверхности, смывая и уничтожая все, живущее на ней.

Ну вот, высказалась, и все сразу помчались мыть руки и убирать мусор с берегов рек. Счасть! Те, кто это читает, и без того, наверняка, это делает. А другие не прочтут. И мы еще долго будем страдать от наводнений, засух, сильнейших ливней. Пока Земля не повернется.

Инструменты Создателя. Воздух.

Одна из лекций на физическом факультете называлась «Почему небо голубое, а заря алая». Такое красивое, поэтическое название, а объясняется все преломлением и рассеиванием солнечных лучей в атмосфере Земли. И если заря становится багровой, значит в воздухе много частичек пыли, это предвещает сильный ветер.

Воздух такой чистый высоко в горах и пропыленный, задымленный, загазованный в городах. Про наш городок цементников рассказывали анекдот: «Вольчанин приезжает на курорт, но долго там не выдерживает, собирается домой.

- Но что вам здесь не нравится? Такой чистый, целебный воздух.

- Я привык видеть то, что я вдыхаю».

Сейчас, кстати, цементной пыли почти нет, но нет и работы для молодежи.

А воздух тоже не всегда ласков, не говоря о запыленности и загазованности. Все чаще проносятся ураганы, срывающие крыши, вырывающие с корнями деревья, обрывающие линии электропередач. Еще одно предупреждение, которое мы не хотим слышать и видеть. Рвем воздух пулями, снарядами, бомбами, отравляем всем, чем можем. И уже говорим об опасном утончении защитного озонового слоя, но только говорим.

*«И все страшнее год от году
Кричат сквозь непогодь и мрак
Душа душе, народ народу:
Зачем ты так? Зачем ты так?»
(Евгений Евтушенко)*

Инструменты Создателя. Свет.

В детстве я и мои троюродные сестра и брат любили забраться в укромный уголок их сада и смотреть на звездное небо. По звездам можно даже определить время. Для этого надо провести воображаемую линию по дну ковша Большой Медведицы, опустить на эту линию перпендикуляр от Полярной Звезды. Посчитать сколько раз укладывается на линии до перпендикуляра длина дна ковша Большой Медведицы, и отнять это число от 12. Получится время, конечно, до 12 ночи.

Оптика была моим любимым разделом физики, хотя и заставляла остро ощущать ограниченность возможностей человека. Разве можем мы, привыкшие всегда оперировать конечными величинами, представить, что такое бесконечность и вечность?

Давно нет того сада, казавшегося мне таким большим, а на самом деле совсем маленького. Стали чужими брат и сестра, благодаря их отцу, бывшему следователю КГБ. А звезды все также горят своим далеким, холодным светом, ясные и недоступные. Природу этого света невозможно представить. Это и волна, и частица, к тому же поляризованная самым немыслимым образом. Математические формулы, с помощью которых попытаются описать это движение, займут несколько листов тетради, как при фокусировке электронных пучков.

Мы ничего не знаем сами. Можем только прислушаться и услышать то, что нам хотят сообщить. Слышат немногие. Мы называем гениями тех, кто умеет слушать. Но сами часто не слушаем то, что они говорят нам. Самодовольные и упрямые в своем невежестве, самонадеянно называющие себя царями природы. Но разве мы в состоянии создать хотя бы мельчайшую мошку? Летающую, снабжающую себя энергией, воспроизводящую саму себя. Наши искусственные сооружения неуклюжи, громоздки и уж точно не воспроизведут самих себя. Зато мы хорошо научились уничтожать созданное не нами, в том числе и себе подобных. Изобретаем все новые и новые орудия уничтожения.

Вот и пришли к этой мысли, о которой упорно кричит в своих произведениях Михаил Веллер. Человек создан для уничтожения своей галактики. Но Эрнст Мулдашев, много путешествовавший и общавшийся со многими тибетскими мудрецами, говорит совсем о другом. Он пишет о великой силе Любви. Любви не только к подобным себе, но ко всему живущему, созданному Творцом. Он слушал, он слышал и научился возвращать людям отнятый у них свет.

А говорит с нами не только Бог, но и Дьявол. И каждый решает для себя кого он хочет слушать. Я хочу слушать Мулдашева, а не Веллера. Мне больше нравится свет, а не тьма.

Разумеется Бог не дедушка с бородой на облачке, а Дьявол не козлик с длинным хвостом и рожками. Это непостижимо для нас, но можно обозначить как Свет и Тьма.

О картошке и президентах

О политике мы с Сашей редко говорим. Тем более в деревенском доме, там дел всегда хватает: огурцы полить, помидоры собрать, картошку выкопать. Да и машину помыть давно пора, так запылилась внутри при езде по деревенским дорогам, дышать уже нечем.

А тут Украиной все уши прожужжали: санкции, беженцы, газ, Крым взяли.

- Да не брала я никакого Крыма, даже не была там ни разу! И за газ плачу больше, чем украинцы и все остальные. Ко мне-то какие претензии?

- Путин наших олигархов распустил.

- А какую систему управления ты считаешь правильной?

- Монархию. Должен быть умный царь.

- Умный? Так ведь у них власть по наследству передается. А если следующий дурак? Пусть диктатура, но кто должен этого диктатора выдвигать?

- Сами пусть выдвигаются.

- Сами? Вон у тебя на полке Григорий Климов стоит. Что он говорит о тех, кто имеет наибольшее влияние на людей? Даже формулу власти вывел, что туда входит? Часто физические недостатки, отсюда стремление доказать свое превосходство; склонность к садизму и у многих сексуальные отклонения.

- А демократия – выбор большинства, большинство же, обычно, не очень умные люди.

И вдруг меня посетила «гениальная» мысль. Пусть президенты выбираются всенародно, но пусть каждый, кто претендует на это звание, сдает что-нибудь вроде экзамена. Почему для управления автомобилем нужны водительские права, а для управления огромной страной никаких особых знаний не надо? Кто будет принимать эти экзамены? Ну, мало ли умных людей в стране: академики, юристы, экономисты, социологи. Не исключен, конечно, возможный подкуп при создании комиссии и списка

кандидатов, но хотя бы какие-то барьеры будут. А то ведь совсем не знаешь, куда понесет страну в очередной раз, когда уйдет один президент и придет другой. То ли кукурузу будем сажать, то ли на луну летать, то ли просто проповать Курильские острова и что-нибудь еще. Никто, конечно, к таким мыслям испокон веков не прислушивается. Но почему бы не рассказать о ней, вдруг кому-то понравится.

Пусть правят, но пусть нам не будет стыдно за своих президентов.

О сокровенном

Я уже признавалась в своей любви к писателю Максиму Горькому, только не к его наиболее известным «Мать», «Песня о буревестнике». Хотя и эти произведения, несомненно, великие. Их боятся те, кто сумел нагло присвоить себе все завоевания революции и социализма, и продолжают набивать свои карманы, обирая миллионы людей. Это была утопия, но она была. Ее не забыть, не вычеркнуть. Ради нее погибло столько честных и чистых людей. Остались подлецы, но это не значит, что только они будут всегда. Может быть, не получилось потому, что начали с материальной базы, а не с людей и уничтожили церкви. Души людей важнее всего.

Но был еще один. Блестящий, светлый романтик француз Ромен Роллан. Он поверил в 1936 году в нашу революцию, но предупредил:

«Никогда не удовлетворяйтесь победой нынешнего дня! И особенно не почивайте на достигнутых успехах! Нельзя победить один раз навсегда, надо побеждать каждый день. Надо каждое утро начинать сначала или продолжать битву, начатую накануне. Жизнь человечества никогда не останавливается. Тот, кто останавливается, скоро остается позади. Надо идти вперед, всегда идти вперед, надо всегда одерживать все больше и больше побед заблуждением, над несправедливостью, над смертью».

Великий Гете сказал:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой»

Все помнят, что было потом.

Но я не об этом. Меня не очень интересовала в молодости политика. Да и сейчас только по необходимости, должна же когда-нибудь закончиться эта война! Меня поразила «Очарованная душа». Читала, выписывала понравившиеся отрывки, цитаты, но никак не думала, что мне предстоит пройти путь, похожий на путь Аннеты Ривьер.

«To strive, to seek, not to find, and not to yield.
Стремиться, искать, не находить, но и не сдаваться»
Каверин позднее переделал этот лозунг. Ну не наоборот же!

Когда удостоверилась, поняла, что это так, хотела уйти из жизни. Это была моя единственная попытка. Не отпустил отец.

«Жана-Кристофа» я открывала для себя в больнице, где лежала после этой попытки. Вот моя любимая цитата из этого романа:

«Почитай каждый встающий день. Не думай о том, что будет через год, через десять лет. Думай о сегодняшнем дне. Брось все свои теории. Видишь ли, все теории – даже теории добра – все одинаково скверные и глупые, потому что причиняют зло. Не насилуй живую жизнь. Живи сегодняшним днем. Почитай каждый новый день. Люби его, уважай, не губи его зря, а главное, не мешай ему расцвести. Люби его, если даже он сер и печален, как нынче. Не тревожься. Взгляни-ка. Сейчас зима. Все спит. Но добрая земля проснется. А значит, будь, как эта земля, добрым и терпеливым. Верь. Жди. Если ты сам добр, все пойдет хорошо. Если же ты не добр, если слаб, если тебе не повезло, ничего не поделаешь, все равно будь счастлив. Значит, большего сделать ты не можешь. Так зачем желать большего? Зачем убиваться, что не можешь большего? Надо делать то, что можешь... Als ich kann (Так, как я могу)»

«Кола-Брюньоном» восторгался мой жених, который так и не стал мужем, художник Толя. Мое стихотворение той поры:

Взвиться б в небо стремительной ласочкой,
Прозвенеть своей песней отчаянно:
Ты зачем меня выдумал Ласочкой!
Я ведь даже не Таня Ларина!

Знаешь, почему у тебя не получился мой портрет, Толя? Меня надо было писать с ребенком на руках.

Почему я пишу это сейчас? Да так, предчувствия какие-то. Скоро 30 лет, как нет моего любимого отца, и я устала плакать по ночам по нему. Я хочу к тебе, папа. Мои дети уже взрослые, они в состоянии постоять за себя сами. Моя жизнь похожа на «Болеро» Равеля, последний громовой аккорд уже близко. Может быть, это и не так, конечно, я буду идти. «И пусть я упаду на пути, лишь бы упасть на своем пути». Павлик, помни, что я тебе сказала.

И еще одна цитата, на этот раз моего любимого поэта Евгения Евтушенко:

«Нельзя заменить на прекрасные лица все рыла, нельзя научить палачей возлюбить своих жертв, нельзя переделать все страшное то, что, к несчастью, было, но можно еще переделать грядущего страшный сюжет. И надо пытаться связать всех людей своей кровью, как ниткой, чтоб стал человек человеку действительно брат, и если окажется жизнь лишь великой попыткой, то все-таки это – великий уже результат. Нельзя озлобляться, но если хотят растерзать ее тело, то клацнуть зубами имеет моральное право овца. Нельзя довести до конца бесконечное дело, но все-таки надо его довести до конца».

У меня никогда не будет денег

Оглянувшись назад, проанализировала свои поступки в разные годы и периоды моей жизни и поняла, что деньги у меня могли бы быть. Но для этого надо было:

- отказаться от ребенка, который был не нужен его отцу, так же, как и я;
- стать стукачом, получая хорошие должности и всевозможные премии от политотдела;
- предать мать, оставив ее с сильно пьющим братом, отгородившись от них стеной равнодушия;
- уйти на хорошо оплачиваемую должность, бросив незавершенные программы и оставив без зарплаты (пусть и не выплачиваемой вовремя) несколько городских предприятий;
- подать на алименты на отца второго сына, хотя я прекрасно знала, что он никогда не будет вместе со мной, у него есть двое других детей, но закон будет на моей стороне, поскольку сына он признавал, это было легко доказать;
- предложить учиться на вечернем или заочном отделении старшему сыну;
- предоставить попавшему в жуткую историю восемнадцатилетнему младшему сыну выпутываться из нее самому и, возможно, оказаться в тюрьме.

Ну и множество таких же, подобных, более мелких выборов. И поскольку я каждый раз с неизменным тупым упрямством делала выбор не в пользу денег и с годами ничуть не поумнела, отсюда закономерный вывод. Денег у меня не будет никогда! Ну и пусть.

Не хочу воровать и врать

Как и когда я приобрела эту невероятную для нашего общества патологию, сама не знаю. Все-таки в раннем детстве, хотя росла не в религиозной семье, ни о каких там «ни убий, ни укради» не слышала, моральному кодексу строителей коммунизма меня еще не учили. Может быть детские книжки, которые я очень рано научилась читать, виноваты. Всякие ведь попадались: сказки всех народов, притчи Льва Толстого, басни, рассказы.

Порой и на то, что еще не могла понять по возрасту, замахивалась. Откладывала, ощущая почти зрительно темноту своего разума, но что-то, видно, оставалось.

Не то, чтобы я никогда не брала чужого и никого не обманывала. Такое для прожившей достаточно долгую жизнь в нашей стране, пожалуй, вообще невозможно. А вот не хочу и все! Что-то подобное я услышала от моего младшего сына, когда я тщетно пыталась его уговорить встать в хоровод у елки:

- Ну, смотри, все же детки в хороводе!
- Все пусть, а я не хочу!

Одно из ярких воспоминаний детства – автобус, на котором мы ехали с родителями со своего садового участка. За человека нужно было платить 6 копеек, а за ведро с вишней 10 копеек. За вишню родители не платили, и я стояла, вжимаясь в заднюю стенку автобуса, со страхом ожидая окрика тетки кондукторши. Мне почему-то было невообразимо стыдно. И в зрелом возрасте я наблюдала, как беззастенчиво государство обворовывает и обманывает своих граждан, видела, как растаскиваются предприятия, заводы и не хотела принимать в этом участие. В советское время даже воровство с предприятий называли не воровством, а «умением жить», все это поощрялось и приветствовалось, но вот, поди же ты! Правда, я и не работала на таких предприятиях, где можно было много воровать, но наш человек везде лазейки находил. Хоть рулон бумаги, карандаш, ручку да утащит. А мы на свои деньги покупали нужную для работы литературу. Стоила она достаточно дорого, к тому же не так просто было ее найти. Какой трагедией обернулся пожар в корпусе, когда сгорели все эти многолетние приобретения!

Подруга врач с легкостью объясняла прием подношений от больных:

- Если бы у нас была достойная зарплата!
- А у кого она была достойная?

У кого-то все-таки была. У тех, кто, несмотря на это, воровал в особенно крупных размерах. И тоже с легкостью объясняли свои действия:

- Ну, ведь все же воруют!

Старшему сыну, когда он после окончания механико-математического факультета университета захотел пойти в предприниматели, я долго объясняла, что воровать, надо учиться с детства. Я его этому не научила. Не пошел.

Так вот и живем.

- Все пусть, а я не хочу!

Хорошо ли, плохо ли. Мне себя уже не изменить.

Долгова Татьяна***Подруге.***

Когда ты впервые заговорила со мной, я почувствовала тепло. Тепло, разливающееся по всему моему телу и способное согреть сердце.

Общение с тобой было для меня выходом из зоны комфорта. Но тем выходом, которого я ждала долгие годы. Словно все это время я была заперта в картонной коробке общественного мнения. Общаясь с людьми, я всегда вынуждена была надевать маску веселой, вечно смеющейся девушки. Я смеялась, когда мне хотелось умереть. Потому что никто не хотел видеть меня грустной, никому не нужно было мое отчаяние. Никто не хотел принять меня такой, какая я есть. Но ты приняла. Ты разделила со мной мою боль. Ты беспокоилась обо мне, когда больше никто не беспокоился. Только ты воспринимала меня с моими проблемами всерьез. И я благодарна тебе за это от всей души.

С тобой я всегда находила слова. С тобой я всегда знала, что ответить. С тобой мы могли разговаривать всю ночь напролет, не замечая, как быстро пролетело время. Мы говорили о самых разных вещах, но все эти разговоры объединяло одно: во время них я чувствовала, что взлетаю все выше к небесам, а не то, что меня тянет на дно.

Я ощущала твою боль, как свою собственную. Твои слезы – это мои слезы, а порезы на твоих руках – порезы на моем сердце. И если бы я могла загадать лишь одно желание, я бы загадала, чтобы твоя боль прекратилась. И тогда вместе с ней прекратилась бы и моя боль.

Я еще не знаю точно, как называется то чувство, которое я испытываю к тебе. Но это что-то новое, возвышенное и одухотворяющее. И если это и есть то чувство, которое испытывают друг к другу настоящие друзья, то самое чувство эмоциональной близости, которое мне так ново, то я искренне не понимаю, почему не это чувство воспевают в песнях и почему не о нем пишут стихи.

Денис Гарипов*Леший***1**

Осень, пора расставания со знойным летом: с цветущими полями и лужайками, с ароматом распустившегося цветка, с постоянным пением птиц, голосащих как что-то неземное, с рано встающим солнцем, светящим, как миллиард лампочек в дневное время, и палящим так изнурительно, что некуда деться; расставание с тихим ветерком, веющим прохладой, которой, порой, дожидаясь, скрипя зубами и шевеля скулами от нетерпения – поскорей освежиться, находясь далеко от воды, или просто развеяться от этого райского дуновения, сидя под деревцем, щипая травку пальцами, словно гусь или дикая утка.

Осень – какое прекрасное имя для королевы, купающейся в разноцветных нарядах своего творения. Часть леса, состоящая полностью из лиственных пород деревьев, была разноцветно красива. Цвета переливались от жёлтого до красного, от полузелёного до какого-то непонятного серого. Оттенки поистине привлекали внимание. Некоторые деревья были уже полуголые, а какие-то деревья совсем простились с листвой, подарив свой наряд земле в качестве лесной подстилки, по которой рыскали мелкие зверьки, пытаясь найти что-нибудь съестное. Листья, опадая, подхватывалась ветром и пускалась в полёт, как будто кочуя по воздуху, как какие-то странники, сорвавшись с деревьев, летели в разные стороны и тихо ложились на землю, будто им было сказано не шуметь и своим падением никого не тревожить. Ветер, дующий то с севера, то с юга, разгонял листья в разные стороны, то наоборот сгонял их в кучу, порой, поднимал их снова в воздух и нёс куда-то вдаль.

Кругом сырость и слякоть, лужи после дождя разбрелись по низинам, по дорогам, где-то перемешавшись с грязью. Последние клинья птиц летели на юг велением того, что им было заложено природой. Ворона сидела на давно мёртвом дереве и каркала себе в удовольствие, не желая взлетать, как будто вросла лапами в высохшую ветвь, смотря по сторонам, словно кого-то караулила не первую минуту, и с нетерпением ожидая встречу непонятно с кем. «У-у-у!» – кричала сова, сидя на старом рыхлом пне, вертя своей головой, словно флюгером, поворачивала в разные стороны и моргала своими завораживающими глазами, будто гипнотизировала. Где-то рядом с дерева на дерево прыгала маленькая, совсем уже не рыжая, белочка, цепляясь очень сильно своими когтями за кору деревьев. Она всё ещё собирала упавшие шишки, чтобы сделать как можно больше запасов на долгую и суровую зиму.

Сова с лёгким шумом вспорхнула с пня и полетела на шум, который раздавался где-то в невысокой травке. Это была маленькая лесная мышь.

Видимо, она тоже искала, чем покормиться. Сова пролетела над травкой, но мышь уже успела удрать в свою норку, оказавшуюся совсем рядом...

2

В этом лесу была небольшая ветхая избушка, стоявшая там, по-видимому, уже давно и напоминавшая большой муравейник тем, что вся избёнка давно уже поросла густым серым мхом, и вся её крыша была усеяна хвоей, которая временами падала с кедров и сосен, стоящих рядом.

В этой избёнке жил один старик, который не желал жить ни в одном городе и с некоторых пор почему-то даже и в деревне. По каким-то причинам ему свойственно стало одиночество. Он уже доживал седьмой десяток лет и никогда серьёзно не болел ничем, разве что пару раз слегка простывал, но тут же моментально поправлялся с помощью настоев, сделанных по рецептам его деда, дожившего в свою очередь до ста с лишним лет. Жить на природе в лесу, по мнению старика, – благодать; постоянно вдыхать свежий воздух, а не так, как в городе, где он отравлен, да ещё этот постоянный ненужный шум, продукция сплошь из химии и прочая ерунда, не дающая полноценно, без всяких болячек, дожить и до пятидесяти лет. А в лесу, где совершенная благодать, пока ещё, где всё натурально, где звуки природы, утешающие душу и придающие энергию космоса всему телу, чтобы быть нравственным и физически, и духовно; где можно жить с гармонией и для гармонии природы.

Обитая в лесу столько лет, старик научился жить по природе, он мог почувствовать жизнь реальнее, чем любой другой человек, живущий со всеми благами. Он знал, что с каждым годом люди становятся слабее физически и духовно; они становятся всё более зависимыми от своих изобретений и жить на природе уже никогда не смогут. Случись поломка в какой-нибудь из сфер услуг – уже начинаются трудности. Люди зависимы от мелочей жизни. Старик понимал, что самый опасный враг для человека – это он сам, во всём своём сомнительном величии. Поэтому он любил и уважал природу, её дарами он пользовался с умом и расчётливостью, никогда не брал больше, чем ему было необходимо.

Старик изо дня в день ходил по лесу и собирал различные травы, ягоды, грибы и прочую снедь; ходил на речку половить рыбу, и посмотреть, как ветер разгоняет волны, разбивая их о берег.

Звали старика по-старому – Харитон. В лес он ушёл в сорок семь лет, после того как жизнь пошла наперекос. Он моментально пересмотрел все ценности, поменял своё мировоззрение на всё, уже из той жизни, что не давало ему покоя. В той жизни у него остались жена и два сына, изредка приезжающие к нему, чтобы привезти всё самое необходимое; конечно, от кое-чего Харитон наотрез отказывается, принимая от них только соль, какие-то крупы, спички и предметы нужные по хозяйству, и самое необходимое – патроны. Детям с собой в город он передавал ягоды, орехи, какие-то поделки,

сделанные из местных материалов и ничего лишнего. Был у старика пёс по кличке Леший, живший с ним уже добрые семь лет, привезённый однажды его сыновьями. После того они уже оба хозяйничали в лесу. Пёс ни на минуту не покидал Харитона, повсюду бегал за ним, как хвост. Ночью, когда старик ложился спать, пёс прыгал на лежанку к нему рядом, охраняя его покой до рассвета. А с наступлением утра он опять начинал бегать за хозяином по пятам целый день. Питался Леший, как и старик: крупами, рыбой, мясом какого-нибудь убитого зверька.

Была у Харитона в избе печка, которую он топил каждодневно, собирая в лесу сухие ветки, или пилил упавшие деревья и забирал на дрова. Печь, по его мнению, самая удивительная придумка человека, а для него это вообще – самое главное в избе. Без печки было бы невозможно, весь его быт крутился возле неё: обогреться, подсушиться, приготовить еду...

3

Очередной день у Харитона начался как всегда – с ведра воды, вылитой на себя, несмотря на то, что уже было не тепло, по крайней мере, всё вокруг слегка было покрыто инеем.

– Бр-р-р. Хорошо! – Вода чуть не замёрзла на нём. После такой необыкновенной процедуры он зашёл в избу и сел завтракать. Наевшись и накормив пса, он вышел вновь наружу, и за ним Леший. Харитон сел на крыльцо и, наслаждаясь, стал глубоко вдыхать в себя свежий лесной воздух. Пёс лёг рядом и положил свою голову ему на колени, Харитон начал гладить Лешего, шепча слегка что-то вроде: «Ну, что, дружок, не надоело тебе еще бегать за мной? Сегодня опять пойдём по лесу бродить». Пёс, словно понимая, кивнул головой и начал зевал, широко раскрывая пасть, при этом издал какой-то звук, напоминающий «У-а-а-а», и встал, виляя хвостом.

В этот день старик собрался пораньше: надев телогрейку и накинув шапку, он взял старое, но безотказное ружьё, которым пользовался редко (оно ему придавало уверенности); он побрёл тропами, давно натоптанными им же.

В лесу было тихо, лишь только ветер изредка шумел верхушками деревьев, пронося этот плач по всему лесу. Не было слышно ни птичьих голосов, ни шуршания мелких зверьков, будто все ещё спали крепким сном, не желая просыпаться, или, словно, притаились где-то, пережидая опасность.

Харитон шёл, озирая своими глазами всё вокруг, всё то, что не давало ему с равнодушием вздохнуть. Он смотрел на всё широко раскрытыми глазами, как будто в первый раз, словно он этого никогда не видел и загорался новым пламенем любви к этому лесу.

Пёс бегал повсюду, шныряя из одной стороны в другую, обнюхивая каждое дерево, каждую упавшую ветку и даже травинку, показывая свой прирождённый инстинкт охотника. «Леший, ко мне, – подзывал его Харитон

не один раз, хлопая себя по ноге, – что ж ты, Леший, бегаешь по лесу, как леший?» – шутил он. Пёс прыгал на него, вставая на задние лапы, при этом скуля, как маленький щенок, ищущий титьку. «Чего, ну чего скулишь, шкура ты этакая, псина?» Пёс в ответ только лаял и убегал вперёд по тропе, виляя своим хвостом, а Харитон смеялся задорным ребячьим смехом, мотая головой тоже, как маленький ребёнок, словно это его забавляло.

4

День уже просыпался, и вместе с ним всё остальное: от солнечных лучей, проникающих сквозь ветки деревьев, везде таял иней, где он мог растаять от этих первых лучей; мало-мальски начинали голосить лесные птички, стараясь перепеть друг друга, подхватывая мелодию утра и разнося её по всему лесу. Их песня звучала, как мелодия жизни, так прекрасно и чарующе, завораживая слух, как какое-то колдовское заклинание, и это заклинание действовало, словно птицы были мифическими сиренами, привораживающими блуждающих путников; сами того не подозревая, они колдовали своим пением, оживляя всё вокруг, помогая только что проснувшемуся солнцу. Пауки плели свою паутину, барсук блуждал по лесу, маленький зайчик бежал, кушая травку, рядом ещё один, точная копия первого.

Харитон уже было нацелил ружьё на одного из них, но, постояв немного, опустил: «Чёрт с вами. Никогда вас не стрелял... – выдохнув, сплюнул. – Бегите дальше, я и без вас найду себе пропитание. Вы такие жалкие, что и кушать вас жалко, зайчатина...» – поразмыслив, он пошёл дальше, почёсывая свою густую бороду, но внезапно через несколько метров вновь остановился – перед ним появилась куропатка. Харитон шагнул вперёд, снимая ружьё с плеча, но случайно наступил на ветку так, что раздавшийся хруст спугнул дичь – она отлетела на расстояние. Старик поправил шапку и последовал за ней уже аккуратнее, нацеливая ружьё. – «Стоя! – просипел он еле-еле псу, кинувшемуся с лаем на птицу, окончательно спугнув её. – Чёрт тебя поberi... ну что ты на меня смотришь? Всё, улетела она». Харитон посмотрел пристально на пса, прищулив глаза, перекинул ружьё через плечо и пошёл далее, свернув с тропы. Леший рванул вперёд.

Далее путь пролёг по местности, густо заросшей молодняком елей. Ветки, отодвигаемые стариком, изредка хлестали его в лицо, но он не чувствовал сильной боли, поэтому не обращал на это внимания, лишь изредка прищуривал глаза, чтоб отколовшиеся сухие ветки, разламываясь на мелкие кусочки, не попадали туда. Преодолев заросли, он вышел на знакомое место, помеченное лентой на одном из деревьев.

Он подошёл к яме, вырытой им как ловушка для крупной дичи, потревоженной, но пустой. Видать, зверь, угодивший туда, выбрался и дал дёру прочь от этого места. Харитон, разочаровавшись, вспомнил всех чертей,

посмотрел на Лешего, бегающего около ямы, нюхавшего всё вокруг; сморкнулся и полез в яму, чтобы вычистить её от упавшей туда хвои и веток.

Яма была очень глубокой, старик чуть ли не во весь рост туда провалился. Он вынул из неё весь мусор, который маскировал яму и, уже вылезая, обнаружил на одном из краёв ямы капли крови и следы когтей весьма крупного зверя. Харитон уже понял, чьих... «Б-а-а, – прозвучало в его голове, – как я сразу не заметил?» – добавил он и насторожился. Следы были свежие. Значит, зверь оставался неподалёку и мог встретиться, и в этой ситуации уже мало, что сделаешь.

Леший убежал куда-то, почуяв чей-то запах; его отсутствия в страхе не заметил старик.

Лес словно замер, кругом стало тихо, лишь где-то отдалённо слышался стук дятла. Харитон был начеку, он напряженно оглядывался по сторонам, ожидая чего-то непредвиденного, чего-то такого, что в него вселило ужас.

Вдруг раздался внезапный рёв, у Харитона в голове что-то промелькнуло, он встал как вкопанный, на месте, не желая лишний раз шевелиться и издавать какой-либо звук. Его дыхание участилось, сердце стало биться сильнее, а на лбу выступил холодный пот. Он уже держал наготове ружьё, боясь даже моргнуть, чтобы не проглядеть любого движения. Его руки слегка затряслись, но он не обращал на это внимания, лишь бы ружьё не выпало в ответственный момент.

Треск веток неподалёку заставил насторожиться его ещё сильнее, он стал шагать в непонятном для себя направлении, подальше от раздававшегося шума. Но шум будто следовал за ним, не желая его отпускать, уже был совсем рядом и даже как будто со всех сторон окружал Харитона. Он не выдержал; и, не справившись с эмоциями, потихоньку побежал, куда глаза глядели, отдаляясь от шума. Внезапно в его голове промелькнуло: «Чёрт его побери, а где Леший? Куда делась эта шкура...» – не дослушав свои мысли, он упал, запнувшись о крупную ветку.

Так Харитон без движения пролежал несколько минут, он не желал подниматься, думая, что всё происходящее нереально – всё почудилось и ничего вокруг не происходит, это всего лишь воображение, разыгравшееся чересчур сильно на старости лет.

Потихоньку старик поднялся, прислушиваясь во все стороны, – он посмотрел в небо сквозь ветви деревьев и резко выдохнул. Мелкая дрожь пробежала по всему его телу, он будто что-то почувствовал, но не понимал пока что именно, даже подумать о худшем не было желания, думалось, что всё уже обошлось, и на этих мыслях Харитон закрыл на мгновение глаза, глубоко вдохнул и так же выдохнул, медленно открывая глаза и поворачиваясь назад. Он даже не мог себе представить, что увидит перед собой. Медведь! «Медведь!» – пронеслось в его мыслях, как что-то зловещее. Перед ним действительно стоял медведь в метрах пятнадцати, весь

взъерошенный, местами подраненный, с накопившейся пеной у пасти, со стороны виднелось явное беспокойство животного, что даже представить было страшно, что в его голове. «Вот же, как смотрит на меня, сволочь». Харитон осторожно выставил в сторону медведя ружьё, медленно шагая назад. Медведь двинулся за ним. «Стой, тварь!» – проскочило у него в голове.

Харитон так неуклюже пятился назад, что, шагая, он наступил на старую сухую ветку. И этот безобидный хруст стал невольным провокатором дальнейших событий. Медведь кинулся на уже всего грязного и уставшего старика, махая лапами и широко разевая свою зубатую пасть. Харитон сделал, не медля более ни секунды, два выстрела в хаотичном направлении, продолжая отходить назад, чувствуя безысходность – что больше не поступить ни как иначе. И это, пожалуй, его и спасло.

Как шальной ветер, внезапно выбежал, уже было забытый, пёс. Он, как дикое пламя огня, набросился с более диким и свирепым лаем на медведя. Медведь от такой неожиданности попятился в сторону, в ответ издавая только рёв. Пёс продолжал лаять, показывая свой разъярённый оскал. Его преданность хозяину была похвальной.

Харитон лежал на земле: локтём левой руки упираясь в грунт, держа в ней же ружьё, он правой рукой достал из кармана патроны и зарядил ими двустолку. Уже наверняка целясь в медведя, старик выстрелил. Раздался душераздирающий рёв, медведь повалился на бок и начал сопеть. Не медля, Харитон, уже чувствуя эйфорию, выстрелил второй раз, уже наверняка, сказав: «Прости».

5

Спустя какое-то время, уже давно идущие на первые выстрелы, появились два мужика. Они были при полной амуниции, у одного в руках была рация, он поспешно что-то по ней передавал.

Они оба подошли к старику. «Героем будете! – начал один, – Тут два медведя дел в близлежащих деревнях наделали – в огороды полазили, парня покалечили – чудом отбился, – продолжал говорить мужик, вглядываясь в Харитона. «Голодно – бродят, где попало. Одного вы проучили, – продолжил доклад второй, – так что вы и в правду большое дело сделали. Мы уже неделю их выслеживаем...» Но Харитон их даже не слушал, он был погружен во что-то своё, глубокое, и ему не было никакого дела до этих двух мужиков. Он лишь подозвал своего пса и стал его гладить, попутно что-то говоря ему на ухо.

– Вы откуда будете? – назойливо приставал голос первого, но ответа не прозвучало. Харитон лишь несколько раз кивнул головой, отмахнулся рукой и поспешно удалился с псом куда-то в чащу леса, оставив мужиков наедине с тушей медведя, мол, мысленно им сказал: «Будьте вы героями, а мне шума лишнего не надо...»

Пашкевич Макар***Блюз под грозой***

Адам шагал по вечерним улицам, почти не глядя на дорогу, погруженный в свои мысли. Причем даже он сам не знал, о чем думал, то был поток абсолютно несвязанных, спонтанных размышлений. Его мысли явно не занимала работа, друзья или люди, которых он называл приятелями, но видел лишь раз в жизни. Его не волновало, что он будет делать завтра, как позавтракает, он даже не призадумался хоть на минутку, как будет возвращаться назад, домой, и как вообще сюда зашел.

Мужчина шагал по полупустой улице, изредка встречаясь взглядом с куда-то торопящимися людьми. Порой он оборачивался, смотря им вслед, пытаясь понять, куда и зачем они торопятся, но очень быстро ему становилось все равно. Адам полез в карман за последней сигаретой. Он бросил курить на прошлой неделе, или так ему казалось, но сейчас мужчина был уверен: нет и не было более подходящего момента для сигареты.

Шумный центр мегаполиса остался позади. Его небоскребы, точно кривые зубы, возвышались под уходящим солнцем, казалось, что даже до окраин доносился гул автомобилей, звон велосипедов, топот пешеходов, их разговоры. Порой их дыхание становилось нестерпимо громким, и тогда люди сливались в огромные, бесконтрольные, мешающиеся потоки, льющиеся из ниоткуда и в никуда. Автомобили, автобусы, мотоциклы, совсем редкие вертолеты и самолеты – все это перегружало и так переполненные серые города, но все же являясь неотъемлемой их частью, основой.

Окраины же казались вечно спящими. Тут были такие же магазины, но меньше, такие же автомобили, но заглушенные, такие же банки, школы, кафе или рестораны. Здесь все было таким же, только без лишнего пафоса и шума. Даже люди словно уменьшались здесь, передвигаясь в полудреме, забыв о суете, господствующей над хаосом под тенью каменных обелисков. Маленько царство покоя и сна.

Адам слышал, как кто-то стучал бутылками молока, кто-то радостно здоровался. Недалеко жужжала неоновая вывеска – искусственная, холодная звезда, пытающаяся безуспешно согреть тихий уголок.

Вдруг резкий порыв ветра и раскат грома вырвали мужчину из меланхолии. Он обернулся. Солнце почти зашло, оставив тонкую оранжевую полосу возле недостижимого горизонта. В тех кроваво-желтых лучах купалась крупнейшая размером туча. Адам сперва спутал ее с наступающей чернотой ночи, пока ярчайшая вспышка не озарила засыпающий небосвод. Мужчина застыл в небольшом смутении – встречаться с ливнем посреди ночи за несколько километров от дома он точно не хотел. Адам поднял воротник куртки и пошагал, чуть ускорившись, в поисках укрытия. Мощный порыв ветра

взьерошил его волосы, а после он услышал раскат грома, сотрясший вершины небоскребов в нескольких десятках километров от него.

С каждой секундой небесный монстр подкрадывался все ближе и ближе. Мужчина словно ощущал, как мир тихо трясся под ударами яростного ветра и грома. Прошло не больше получаса, когда туча нависла над ним. Дождь начинал легонько стучать по крышам.

Небо разрежала очередная молния, и раскат сотряс разбуженные окраины. Вскоре маленькие капли слились в единый грохочущий поток, льющийся нескончаемым водопадом из небесной бездны. Адам, недолго думая, запрыгнул в первую же дверь с вывеской “Бар”.

То заведение было самым обыкновенным заведением, какое можно встретить в отдалении центра – маленькое, компактно заставленное, душное. Круглые многочисленные столы располагались плотными неровными рядами, стулья стояли настолько тесно, что произвольно возникал вопрос: как сидящие могли дышать? Напротив двери у противоположной стены растянулась барная, уставленная стаканами, рюмками, с пивопроводом на четыре краника стойка. В дальнем углу по правую руку от входа находилась круглая, довольно тесная сцена с красными, покрытыми черными горелыми пятнами шторами.

В помещении стоял едкий сигаретный запах, и мимо медленно проплывали серые облака дыма. В помещении было безлюдно, если не считать одинокого гитариста, одиноко сидящего прямо посреди трухлеющей сцены. Он был одет во все черное. Старые, черные, потрескавшиеся туфли еле заметно отбивали ритм, черные штанины покачивались от тех движений. На черной рубашке в тусклом свете виднелось мокрое пятно, а из-под расстегнутых трех верхних пуговиц виднелась цепочка с большим крестиком. Его длинные черные волосы свисали до ремня и тихо качались в такт мелодии. Длинные, кривые пальцы ловко бегали по грифу старенькой гитары, извлекая из струн тихий, импровизированный блюз. У него под стулом стояла мутная бутылка бурбона с полустертой этикеткой.

Адам направился к бару, поглядывая на музыканта. Он постучал стаканом по блестящей поверхности стойки, но никакого ответа не последовало.

- Рано еще, - донеслось со сцены, когда Адам вновь поднял руку со стаканом.

Голос мужчины был низким, прокуренно-хриплым. Посетитель, оставив стакан в покое, приблизился к играющему. Гитарист поднял голову, показав один болезненно-красный глаз, другой скрывался за засалившимися волосами. Его лицо было бледным, морщинистым, с короткой, седой щетиной. Он выглядел уставшим, возможно, от жизни. Музыкант держал в уголке рта сигарету. Дым явно раздражал его нос и глаз, но мужчина стойко терпел.

- Вы мне чем-то Килмистера напомнили, - сказал Адам, бегло осмотрев собеседника.

- Ага, только я симпатичней, - улыбнулся тот желтыми зубами. – Рано вы пришли. Да и, если честно, вам сегодня может не понравиться.

- Переживу. Здесь точно лучше, чем снаружи.

- Мда, - прохрипел гитарист. – В это году беря особенно сильна. Всем может даже мест не хватить.

Адама последние слова немного смутили, но он решил не обращать внимания.

- У вас сегодня вечер блюза? – поинтересовался посетитель.

- И его тоже, - кивнул гитарист. Остывший пепел устремился вниз, часть его лежала на полу, а часть – исчезла в волосах. – Присаживайтесь, послушайте, все равно нечего делать.

- Может, вам лучше порепетировать в тишине?

- Мне не нужны репетиции. Если играю, то всегда для кого-то.

- И для кого вы играли, пока я не появился?

- Для Господа, - ответил гитарист, дотронувшись до креста под рубашкой.

- Он же любит джаз, - ухмыльнулся Адам.

- Потому что не знает, на что действительно способна гитара.

Адам вновь ухмыльнулся и расположился за ближайшим столом. Гитарист опять опустил голову, дав волю импровизации. Из-под струн полился насыщенный, неукротимый блюз. Он плавно распространялся по темному накуренному помещению, заполняя щели, смешиваясь с дымом. Атмосфера медленно тяжелела, музыка словно сгущала пространство. Гитарист слегка покачивал головой в такт. Вскоре мужчина запел своим низким, хриплым голосом. Адам, как ни пытался, так и не смог понять, о чем была песня. Однако все же он был восхищен и, когда гитарист закончил, поднял руки, чтобы пару раз хлопнуть.

- О чем она? – поинтересовался он все же.

- Что? – гитарист словно был полностью поглощен игрой.

- О чем песня? Она немного... - Адам пытался подобрать слово. “Непонятна” – оно явно не подходило.

- Абсурдна, - продолжил за него мужчина. – Я бы сказал так. Ровно на столько, насколько история, лежащая в основе.

- Так, о чем же она?

- Хм, - протянул собеседник, поддев струны ногтем. Он призадумался на пару мгновений, а потом снова начал играть, но теперь уже балладу. – Вы наверняка знаете об одном чернокожем, который чертовски хорошо играл блюз, будучи ранее полным олухом в этом деле, что про него стали говорить, будто он сговорился с самим нечистым? Он это сделал, чтоб доказать всем, что он лучший.

- Ага, - кивнул Адам, - только никак не вспомню его имя.

- Это не важно, эта история не о нем. Вернее... не только о нем. Быть может, и не было ничего подобного, быть может, лукавый здесь не при чем. На эту историю нужно смотреть иначе, - гитарист замолчал, ритм мелодии ускорился.

- И как же? – спросив Адам, не дождавшись, пока тот решит продолжить.

- Почему блюз? – спросил вдруг музыкант.

- Я... не знаю...

- Тут кроется главная мысль, - мужчина поднял голову, жутковато улыбнулся, а потом вновь опустил глаза на гриф. – Почему именно импровизация чернокожих, виртуозная, не спорю, играет главную роль?

Быть может, Адам знал ответ, но все равно позволил жутковатому гитаристу продолжить:

- В легенды нужно всматриваться как можно глубже, - сказал тот. Понимаешь, ты можешь сколько угодно протестовать, страдать от неразделенной или утерянной любви, рассказывать о своем несуществующем богатстве. Ты можешь ныть, нажираться у всех на глазах и выпендриваться, но никогда не будешь на равных с теми, кто играл настоящий блюз. Понимаешь?

Адам растерянно кивнул.

- В этом вся суть. Блюз – музыка боли, блюз – музыка грусти, блюз – музыка жизни. И пусть его яркое звучание не обманет тебя. Не правда ли, это великолепно? Чернокожие впервые одевались в смокинги, брали гитары и пели о том, что их волновало не один десяток лет. А один из них решил стать лучшим, во что бы то ни стало. Но главное не то, что он решил, а то, что он стал. Можно долго спорить о цене, но частенько результат бывает важнее методов.

Гитарист ударил по заглушенным струнам и опустил правую руку.

- Но... - смутившись, заговорил Адам.

- Да, да, - опять перебил его мужчина. – О чем именно моя песня я так и не рассказал. Но позволь мне еще кое-что добавить. Блюз – музыка для тех, кто сгорает от желания что-то сказать. Я это понял не сам. Как-то я встретил одного музыканта. Он играл блюз, как я сейчас, он спел мне, и его песня пробрала меня до глубины души. Он сгорал от желания рассказать о своих страданиях. И страдал еще больше от того, что его никто слышал. До меня. Когда я его услышал, то не понял, что он пытался мне рассказать, как и ты сейчас. Но он тогда смог снять с себя эту ношу. Как и я сейчас...

Гитарист вдруг глянул прямо в глаза Адаму, задержав на нем взгляд, отчего тому стало совсем некомфортно. После он аккуратно положил гитару рядом со стулом и спустился со сцены.

- Спасибо тебе, - прохрипел музыкант.

- За что? – удивился Адам.

- За то, что выслушал. Теперь я могу выдохнуть, - он хлопнул собеседника по плечу и направился к выходу.

На улице все еще бушевала гроза, но мужчину это не волновало. С открывшейся дверью в помещение вошел холод. Дождь заливал сухой пол, вмиг создавая небольшие лужицы. Сильный ветер стучал дверью и подхватывал черные волосы музыканта.

Гитарист улыбнулся, когда молния пробежалась по взбесившемуся небосводу, сделал глубокий вдох. Он взглянул на Адама в последний раз, попрощался с ним жестом, напоминающим небрежную армейскую честь, и нырнул в темноту.

Адам остался в тишине и одиночестве. Некоторое время он смотрел на закрывшуюся дверь, переваривая недавнюю беседу. Ему вдруг жутко захотелось выпить. Бармен так и не появился, поэтому Адам, перепрыгнув за стойку, выбрал полную бутылку текилы, бросив рядом с кассой несколько крупных купюр, а потом пошагал к сцене.

Почему-то у него в голове ноты складывались в блюзовую мелодию. Это должно было бы удивить Адама, ведь он ничего не знал не только о блюзе, но и о музыке в целом, однако мужчина позволил мелодии захватить его разум.

Он поднялся на сцену, сел на стул с гитарой, поставив бутылку рядом. Теперь на мелодию накладывались незамысловато рифмованные строки. Но проблема была в том, что он и сам не мог полностью понять их, но точно знал, о чем те строки. С их помощью и с помощью музыки он расскажет обо всех своих проблемах. Осталось лишь найти слушателя.

Пальцы легли на струны, и помещение вновь наполнилось блюзом.

Чернышова Оксана

От ада до рая (16+)

Пролог

Кто-то рождается, чтобы покорить этот мир своим талантом или красотой, глобальным открытием или стать причиной чьего-то вдохновения. Таких не так уж много. Большинство – посредственны, неприметны и настолько не значимы для мира, что, не родись они, ничего бы не изменилось. Никто не почувствовал бы однажды, что чего-то не хватает. Таких большинство; и это нормально. Таков закон – суров, но не изменен. И если Вы персонаж такого же пошива, не печальтесь: прожить свои годы неприметным – не самое ужасное, что может с Вами произойти. Когда остальным настолько на Вас наплевать, что они не видят Вас в упор, - Вы получаете некоторое преимущество: Вы можете быть кем угодно. Вы останетесь невидимкой. И это нормально.

Одним неприятно пасмурным осенним днем одинокий молодой мужчина лет 35-ти возвращался домой из офиса на своем новеньком Мерседесе. Дождь за окном и невероятно длинные и долгие пробки на дорогах погрузили его в некоторое гипнотическое состояние: телом он сидел в кресле, еще пахнувшем кожей, а мысленно был в глубине своего подсознания. На самом деле он просто размышлял кое о чем, иногда ухмыляясь своим идеям и возможностям своего воображения. Накануне герой прочел один занимательный рассказ до этого неизвестного ему автора - Дафны дю Морье. Рассказ о мужчине, решившем, что в его власти – поменять свою жизнь, изменив при этом жизни других. Кардинально. С помощью убийства. Читая, он испытал массу чувств разных оттенков и интенсивности. В конце же его ждало удивление, граничащее с разочарованием. Он предвкушал убийство (или убийства) вместе с главным героем. Тот тщательно продумал свои действия, и все должно было идти по плану. Но он не учел некоторые обстоятельства, которые, кстати сказать, он никак и не мог учесть в силу определенных причин.

И вот уже наш герой думает: а не изменить ли ему свою мало приметную жизнь. Он решает действовать похоже, при этом учтет все ошибки своего предшественника, дополнит несовершенный план важными деталями и докажет всему миру – он великий человек, способный вершить судьбы. Пока герой едет домой, стоит в пробках и снова едет, он перебирает в голове тех, кто мог бы исполнить роль его жертвы. На его взгляд это правильное решение: он не может постучать в любую квартиру (в первую попавшуюся или в квартиру дома №8, как у дю Морье). Подъезжая к дому, он уже имеет

представление, на каком круге лиц следует остановиться. А закрывая дверь гаража, он четко видит перед собой лицо будущей жертвы.

Вы можете подумать: что же это – человек читает рассказ незнакомого ему автора, разочаровывается в концовке и хочет доказать, что герой рассказа недостаточно хорошо продумал свою цель и потому не смог довести дело до конца. Человек цепляется за чужую идею, за свои чувства по отношению к прочитанной истории, и готов пойти на убийство? Ради чего? Неправильный вопрос. И вот, что я Вам скажу: не задавайте лишних вопросов! Прощу Вас. Я пытаюсь рассказать историю, последовательно излагая события и факты. Что привело героя к даже фантазиям изменить свою жизнь именно таким путем, я не знаю. Но вместе с Вами попытаюсь понять.

Дождь все лил и лил. С утра погода не предвещала быть слякотной, потому мужчине ничего не оставалось, как использовать вместо зонта свой черный кожаный портфель. Делая огромные шаги с себя длиной при этом при максимально возможной скорости, он за 20 секунд добежал до подъезда. Стоя под козырьком и пытаясь найти ключи в кармане черного пальто, мужчина почувствовал, что у него за спиной кто-то встал. А когда он уже открывал дверь, послышалось:

- Привет, Костик! – Это поздоровалась с ним главная по подъезду - тетя Ира – женщина преклонного возраста.

- Добрый вечер, - приветливо отозвался Костя и пропустил тетю Иру перед собой. Закрывая дверь, он почувствовал, что с той стороны ее кто-то тянет на себя, и, не обернувшись, пошел по направлению к лестнице.

- Не поедешь? – поинтересовалась женщина, нажимая выжженную кнопку вызова лифта.

- Да что Вы, - был дружелюбен сосед, - мне же на третий.

- Ну, бывай! – закончила диалог тетя Ира, заходя в лифт.

Стоя уже спиной к нему, Костя услышал еще один голос:

- Вам на какой? – спросил юный, даже наверное детский голос.

- На пятый, Исочка.

Двери лифта медленно, будто нехотя, закрывались; мужчина поднялся на один пролет, и последнее, что он услышал, было:

- ... к подруге в гости?

Глава I

Бед не приходит одна

«...в гости» - раздавалось у героя в голове, когда он открывал двери собственной квартиры. Он позабыл, когда в последний раз на ее пороге появлялся кто-то, кроме него. Его порог уже 4 года видел только его ноги. Единственное, что менялось, это обувь – в зависимости от сезона. 4 года назад от него через этот самый порог ушла жена. С чемоданом, сумкой и

ребенком. Его дочери сейчас уже 10 лет; и с того самого дня он ни разу ее не видел.

Что произошло? Он хорошо помнил. Может, потому что не прошло и дня, чтобы он этого не прокручивал у себя в голове. В тот день его уволили с работы. За три недели до этого у его жены был выкидыш. Примерно тогда же умерла его мама. Отца он не знал. И теперь единственными родными людьми оставались дочь и жена. И вот – он похоронил маму, через несколько дней они с женой похоронили недоношенного сына и вместе с этим надежду на большую семью: врачи объявили, что следующая беременность может «навредить» не только ребенку.

- Мы попробуем еще, - сказал Костя в постели в ту ночь.

- Никогда! – громким шепотом ответила ему Настя. – Больше никогда. Она выключила ночник и разместилась на самом краю своей половины кровати. Между супругами образовалось расстояние, показавшееся мужчине непреодолимым. Он пожелал жене доброй ночи и, не дождавшись ответа, вскоре уснул.

Он не знал, что в эту ночь его жена так и не сомкнула глаз. Она и не пыталась. С полночи до рассвета Настя обдумывала те мысли, которые посещали ее еще в период счастливой беременности сыном. С рассветом она поднялась, вышла на балкон в тонкой ночной сорочке, не чувствуя ни ветра, ни мороза. Там она выкурила полпачки сигарет, не переставая обдумывать свое будущее.

Так много она не курила со времен, когда училась в университете и жила в общежитии. В первую свою беременность она не стремилась следовать советам врачей, свекрови и совести: она выкуривала по 2-3 сигареты в день (курение тогда заглушало сильные токсикозы). Несмотря на это, плод развивался без патологий, и родилась здоровая девочка Алена. Но однажды на приеме у педиатра, когда девочке было уже 2 года, совершенно случайно у ребенка были обнаружены проблемы с сердцем.

- Это не страшно, - вполне резонно успокаивал маму доктор. Но механизм самобичевания был запущен. Она считала, что именно ее пагубная привычка и повлияла так на здоровье дочери.

- Не вините себя! – Но больше некого было винить. Девочке были назначены процедуры и лекарства, а Настя с того дня не сделала ни одной затяжки.

Будучи беременной сыном она редко выходила из дома, дабы случайно «не надыхаться гадостью». А в то самое утро она отыскала забытую однажды подругой пачку Marlboro, встретила рассвет и пошла готовить завтрак.

Мысли были в порядке, завтрак готов. Услышав, как у мужа сработал будильник, женщина пошла будить дочь. Алена уже ходила в подготовительный класс и уезжала каждое утро с отцом.

- Доброе утро, мамочка. – Поцелуй дочери прибавил женщине решительности.

- Солнышко, хочешь остаться сегодня дома? – улыбаясь и подмигивая, спросила Настя.

- А можно?

- Сегодня – можно. Сегодня такой хороший день! Алена обняла маму; тем временем Костя уже гремел на кухне. Девочка бодро побежала в ванную, а Настя, собрав все силы, вошла на кухню.

- Семейку подождать не хочешь? – Костя уже доедал яичницу, запивая большими глотками кофе.

- Ни «доброй ночи», ни «доброго утра», зато я – козел отпущения! Прекрасно!

- Прости, - Настя положила руку мужу на плечо, - я знаю: тебе тоже нелегко.

Мужчина поцеловал ладонь жены жирными от завтрака губами и ими же очень мило улыбнулся.

- Ты похож на кота, - улыбаясь в ответ и вытирая ладонь салфеткой, констатировала женщина, - хитрого, škodливого, но любимого. – Она не запнулась ни на одном слове и продолжала улыбаться. Муж в ответ промурчал. Этот день сильно отличался от предыдущих в этом месяце и обещал быть чудесным. И он был. Правда, не для всех.

Весело прискакав на кухню, Алена крепко обняла отца за шею и принялась за свой завтрак. Вставая из-за стола и делая последний глоток кофе, Костя стал поторапливать дочь.

- А я сегодня дома.

Он посмотрел вопросительным взглядом на жену.

- Да, я захотела устроить ей выходной. Приберемся в квартире, походим по магазинам.

- Я о чем-то забыл?

- В смысле? Нет. Просто – девчачий день. А вечером все вместе сходим в Парк у леса.

- Идет. Тогда до вечера, - и он ушел одеваться на работу.

Алена медленно справлялась со своей порцией омлета.

- Можно телек включить?

- Да, только потише, - заговорщически сказала Настя, ставя грязную посуду после мужа в раковину.

- Почему папа не любит телек? – шепотом спросила девочка.

- Не знаю, - Настя не хотела вовлекать ребенка во взрослые проблемы, точнее в «тараканы» ее отца.

- Я ушел! – донеслось из коридора под аккомпанемент каблуков туфель и звона ключей.

- Возьми зонт! – крикнула жена.

- Взял, - он прихватил зонт, хотя был уверен, что «бабье лето» еще пару дней продержится.

- Удачи! — услышал Костя, закрывая двери с обратной стороны. — Прощай, - сказала его жена, когда замок щелкнул второй раз. Она достала из чулана свой коричневый чемодан и покатила его в спальню — в комнату, в которой за 7 лет практически ничего не изменилось. И сейчас она собиралась это исправить. Положив пыльный чемодан на незаправленную постель, Настя медленно открыла замок, так же медленно открыла дверцы шкафа и не спеша стала складывать свои вещи. Не все — самое необходимое на первое время. Было слышно, как Алена сделала звук телевизора громче и еще громче смеялась, смотря «Утиные истории». Отец девочки уже разозлился бы, но он выезжал из гаража и был здесь не властен. Не спеша, но всего за 15 минут Настя собрала свои вещи. Еще за 5 минут она совершила набег на ванную и, продолжая размышлять практично, взяла оттуда предметы первой и особой необходимости для себя и ребенка. Когда она с трудом закрывала молнию на чемодане, в спальню вошла Алена:

- Мам, мы куда-то едем?

- Да, лисенок. Теперь нужно собрать твои вещи.

В чулане она отыскала дорожную сумку, с которой дважды муж привозил ее в роддом, вытряхнула из нее все лишнее (выпали тапочки, пеленки и какие-то бумаги — ничего важного).

- Только нужно собрать все самое нужное.

- Мы едем на море? — входя в свою комнату вслед за мамой, удивленно спросила девочка и сама же ответила, - но там же сейчас холодно. Да ведь?

- Мы поедem не на море, - открывая шкаф дочери, ответила женщина. — Давай, это будет сюрприз?

- А папа? — вполне резонно спросила Алена.

- У папы... работа. Он не сможет.

И больше не было вопросов про папу. Вместе они решали, что лучше взять; Алена не капризничала, когда мама говорила, что что-то брать не стоит. В тот день она повзрослела; ей не было и семи. Игрушек у нее было не много, но и из них можно было взять лишь одну. И как это часто бывает, выбор пал на самую старую, страшную и грязную, как ее называла Настя - «кролика-инвалида».

Из письменного стола девочки Настя достала документы и аккуратно сложила их в маленький голубой рюкзак дочери.

- Теперь одевайся, - наказала мама и ушла в свою спальню. Оделась, нарядилась, завязала волосы в тугой узел. Прошлась взглядом по шкафам, тумбочкам и полу. Пожалела, что одна пара туфель не поместилась в чемодан. Проверила в сумочке все свои документы. И так, все было в порядке. За исключением квартиры, из которой они собирались уйти навсегда: она не помыла посуду, не заправила постели, даже не открыла шторы в спальне.

Настя вынесла все необходимое в коридор и позвала дочь, которая досматривала «Микки Мауса». Открывая дверь на кухню, она сказала:

- Хорошо, досматривай и выходи.

- А телек выключать?

И почему-то даже без колебаний женщина ответила:

- Нет.

Она вернулась теперь уже в последний раз в спальню, взяла пару туфель, которым не нашлось места в чемодане и которые так ненавидел ее муж. Вышла с ними в обнимку и захлопнула дверь их спальни. В своей немаленькой дамской сумочке она нашла место своим любимым туфлям. Женщина улыбнулась своему решению; в этот момент из кухни показалась одна половина дочери и звуки музыки из тиров к мультфильму. - Готова? – В ответ Алена энергично закивала. – Хорошо. Надевай свой рюкзак и бери мою сумку.

Настя погрузила дорожную сумку на чемодан, надела пальто, нащупала там ключи и мысленно попрощалась с квартирой. Она ни о чем не жалела ни тогда, ни через много лет, но с этой квартирой были связаны еще и приятные воспоминания.

Пока Настя замыкала замок, ее дочь побежала вызывать лифт. Двери его с легкостью раскрылись, будто они были рады этому лично, а лифт готов доставить своих пассажиров хоть на Луну.

- Доброго утра, девчонки! – это была тетя Ира. «Девчонки» ответили тем же. Настя нажала кнопку с номером 1. – А вы – в отпуск или как? – показывая головой с ярко рыжими волосами на чемодан, поинтересовалась соседка.

- Да, - коротко ответила Настя, а лифт объявил, что он уже на первом этаже.

- Ну, бывайте! – тетя Ира подходила к доске для объявлений и стала искать место для нового. Пришлось оторвать несколько ярких реклам о круглосуточной доставке еды.

Что за объявление наклеила она в тот день, молодая женщина и ее дочь не узнают никогда: подъездная дверь была уже за их спинами, а в лицо дул приятный ветер с запахом листьев.

Глава 2. Счастливчик

В тот день 4 года назад Костю уволили с работы; он возвращался домой на автобусе (старенький Жигули забарахлил, и его пришлось оставить на парковке) раньше обычного. Сейчас он вспоминает тот день с легкой грустью, а все произошедшее – как новые возможности и шанс, который он умело использовал.

Открывая дверь своего подъезда, он обратил внимание, что на ней приклеено новое объявление, но на его содержание он внимания не обратил.

Но проходя мимо доски объявлений в холле, краем глаза заметил то же и уже не мог не остановиться. Объявление предупреждало быть осторожными и бдительными: на территории их жилого комплекса появился «страшный неадекватный человек». По ночам он убивает уличных животных, а утром дворники находят их на детской площадке и у гаражей. - Капец, - только и мог произнести Костя и, ухмыльнувшись, направился к лестнице.

Поднявшись на один пролет, он услышал, как на первом этаже открылись двери лифта, а через 5 секунд до него донесся звук рвущейся бумаги.

«Наверное, дети бесятся» - подумал он, - «или алкоголик Жорик», который, как Карлесон, живет на крыше, точнее на чердаке. Почему-то нам всегда кажется, что «нормальные» люди на такое не способны. Пока Костя ехал из офиса, он думал, как лучше преподнести жене информацию о его новом статусе – безработного. Он был уверен, что она сильно расстроится, и прокручивал в голове все возможные свои и ее реплики. Он привычно отомкнул замок и привычно же, снимая пальто, крикнул «папа дома». На его оповещение никто не отреагировал, и он стал прислушиваться. В доли секунды он буквально влетел на кухню и крикнул пустоте:

- Гребанный ящик так орет, что не ... - он понял, что договаривать нет смысла. Он нажал кнопку выключения на телевизоре и пнул его взглядом.

- Девчон-ки! Вы спрятались что ли? – настроение стало подниматься, за телевизор он их простил. – Хорошо. Я иду искать.

Сначала отец семейства вошел в детскую и, увидев незаправленную постель и валяющиеся на ней вещи ребенка, стал снова злиться:

- Вы же говорили, что сегодня у вас уборка! – кричал он, заглядывая сначала в раскрытые дверцы шкафа, а затем под кровать.

«Может, они еще из магазина не вернулись» - подумал Костя, входя в спальню. Через закрытые шторы проникало мало света.

- Ну, все. Я сдаюсь! - весело сказал он, проверив и здесь шкаф и пыль под кроватью.

«Хотя... подождите» - он стал медленно подходить к шторам и резко их распахнул. «Странно» - и Костя решил наконец позвонить жене на мобильный. Вызвав абонент «Настя», он пошел на кухню ставить чайник. Там он обратил внимание на грязную посуду, смерил ее осуждающим взглядом и услышал в трубке, что вызываемый абонент временно не доступен.

- Да что за...! – он начинал нервничать все больше. Не то, чтобы беспокоиться и переживать - его просто бесило, что он ничего не может понять. Бесила вся эта ситуация: незаправленные постели, грязная посуда, телевизор опять же, свет в кладовке... Он полностью открыл дверь в маленькое помещение, потянулся было к выключателю и замер: и здесь был

бардак. Костя присел на корточки и стал собирать разбросанные документы: медицинская карта, анализы, УЗИ. Он очень хотел сына. Но жена его не уберегла.

Засвистел чайник. Мужчина положил бумаги на ближайшую полку, щелкнул выключателем и, крикнув чайнику «иду!», медленным шагом вошел на кухню, прокручивая в голове некоторые моменты своей супружеской жизни.

«Она ушла». «Но почему?» - но он понимал, почему. Больше он ей не звонил: ни в этот день, ни через несколько. Не пытался ее найти. Он скучал. Больше, конечно, по дочери. Но как уже было сказано, Костя использовал шанс. Он называл это «подарком судьбы». Начал все заново. В одиночку. Без лишних обязательств и обременяющей ответственности.

Костя быстро нашел новую работу в престижной фирме. Месяц за месяцем поднимался по карьерной лестнице и за год стал начальником отдела по подбору персонала. Купил машину, о которой всегда мечтал. Все вещи жены и дочери пожертвовал в Фонд нуждающихся семей. Наняв бригаду рабочих и дизайнеров, сделал ремонт – первый за все время проживания в этой квартире. В этот период он считал себя самым счастливым человеком. Одиночество было его счастьем.

Первая вещь, которую Костя приобрел на следующий день после ухода жены, - посудомоечная машина. Он терпеть не мог прикасаться руками к немытой посуде, а средство для мытья сушило ему кожу. Он нанял уборщицу, которая приходила к нему раз в неделю по субботам. А сам в это время уходил на несколько часов в место, где его разум расслаблялся и очищался, - в тир.

За 4 года он освоил все возможное в этом месте оружие. А полгода назад решил приобрести свое. Он считал: каждый мужчина должен иметь под рукой средство защиты. Но такое простое средство как, например, нож казалось ему грязным и не практичным. И вот 5 или 6 месяцев назад он оформил лицензию на ношение оружия и приобрел в ближайшей оружейной серебряный Кольт-Браунинг. Ощущая его в своей руке, Костя испытывал невероятное наслаждение, а стреляя из него в тире – чувство, граничащее с оргазмом.

Сейчас герой лежал в ванной, над которой клубился пар, и был сосредоточен на своих мыслях. Как лучше подойти к жертве? Что сказать сначала? Кем представиться? Да, нужно было продумать каждую деталь. Он знал, что он плох в импровизации, поэтому прокручивал каждый штрих, учитывая множество нюансов. И вот, когда он лично одобрил свой план стандартной ухмылкой, стал выбираться из поостывшей ванны. Тщательно вытираясь, он все улыбался себе в зеркало. Он и вправду был счастлив.

Глава 3. Наблюдение

Суббота. Уборщица придет с минуты на минуту. Костя сидел в прихожей на табурете и нервно поглядывал то на наручные, то на настенные часы на кухне. Наконец – звонок в дверь. Он поздоровался и тут же попрощался с женщиной средних лет в желтой униформе клининговой компании. За все 4 года чаще всего к нему отправляли именно этого работника. Она ему нравилась; как и нравилось постоянство. К тому же после нее всегда было чище всего, и абсолютно не к чему придираться.

Оказавшись на улице, Костя с минуту стоял под козырьком, щурясь от солнца и напевая мелодию из какой-то надоедливой рекламы. Даром, что вчера весь день лил дождь, – повсюду было сухо, приятно пахло листьями и какими-то мыльными средствами: соседи мыли ковры и машины. Повсюду носились дети и сновали туда-сюда взрослые с ведрами и шлангами. Навязчивая мелодия затерялась глубоко в подсознании. В голове у героя была приятная пустота. Засунув руки глубже в карманы пальто, он двинулся по направлению к трассе. Постоял 30 секунд на светофоре, перешел длинный пешеходный переход. Его обгоняли мамочки с колясками, подростки на скейтбордах и старички с собачками. Он шел, наслаждаясь прогулкой. В тир он сегодня не собирался. Пока все шло по плану. Главное теперь, чтобы будущая жертва ничего не испортила. «Она не посмеет» – мужчина был уверен.

Он часто думал над тем, как люди доходят в своей жизни до такого, что начинают просить милостыню. Достойны ли эти люди гордого человеческого звания? Насколько милосердно поступают те, кто «не проходит мимо чужого горя»? Он ни разу за свою жизнь не остановился рядом с просящим и не протянул и рубля. Презирал ли он их? Возможно. Он всегда говорил, что от бездомного можно чем-нибудь заразиться, а все те, у кого есть крыша над головой, – поголовно врут о своем несчастье. Жена чаще всего с ним соглашалась, но мимо некоторых людей она пройти не могла. В ближайшем от их дома Универмаге – в который он сейчас и держал путь – они с Настей (а потом уже он один) очень часто видели одну женщину. Если присмотреться, то можно понять, что ей не больше 35, но горе прибавляло ей заметный десяток. Она всегда держала в руках внушительную папку с документами на развороте с распечатанной фотографией. На фото было двое человек: эта самая женщина, выглядевшая моложе или не такая уставшая, и девочка-подросток в инвалидном кресле со взглядом в пустую бездну. Женщина рассказывала о своей трагедии, и всяк, входящий в магазин, мог уловить ту или иную часть ее истории.

Однажды Настя, будучи на пятом месяце беременности сыном, встала, как вкопанная, напротив женщины с намерением услышать всю историю от начала до наших времен. Костя долго ее не отговаривал, вытащил у нее из

сумочки список покупок, пожелал ей удачи и со своей фирменной ухмылкой вошел в зал. Настя внимательно слушала и не задавала вопросов. История была из тех, в которых – как и во многих похожих в нашей стране – виновато государство.

Настя дождалась, пока муж выйдет с покупками, остановила его, вытащила из бумажника почти хрустящую крупную купюру и положила ее в пластиковый стаканчик в руках женщины со словами:

- Используйте с умом, пожалуйста, - и вышла из магазина вслед за мужем.

- И что она тебе наплела? – спросил он, заводя свой старенький автомобиль.

- Хочешь услышать все? – пристегивая ремень, с улыбкой спросила она своего циничного мужа.

- Хотя ладно, - ответил он, выворачивая с парковки, - чего доброго, я заведусь, и мы попадем в аварию, - держа руль одной рукой, другой он погладил живот со своим сыном.

Ехали они к его матери, чтобы забрать дочку с каникул. И в тот день они все же попали в небольшую аварию, заспорив о чем-то важном. Костя испугался. Жена сказала, что все в порядке. А через полтора месяца они похоронили сына.

Сейчас, подходя к магазину, он вспомнил тот день так ярко, что не заметил, как задел кого-то плечом. Наверное, сильно задел, потому что тот кто-то крикнул ему вслед:

- Эй, дядь, смотри, куда прешь!

Костя обернулся, а так и не найдя говорящего взглядом, не сильно расстроился. Говорящий, точнее говорящая добавила: «мудило» и покатила на роликах к пешеходному переходу.

Герой остановился у дверей магазина в некой нерешительности, нервно оглядываясь. В хорошую погоду женщина обычно не заходила вовнутрь, а «работала» на свежем воздухе. Конечно, сегодня мог быть день, когда она решила устроить себе «выходной» или она просто сменила место. Если так, то она очень его разозлит, и когда он найдет ее, ей придется заплатить вдвойне за сорванный план.

«Хорошо» - Костя дал ей полчаса. Если через это время она не появится, он предпримет меры. Он зашел в Универсам – на всякий случай, проверить, не прячется ли она от осеннего солнца. Но и там ее не было. Нужно было как-то скоротать время. Он купил небольшую буханку хлеба: решил покормить голубей; устроился на скамейке напротив магазина (у женщины оставалось 25 минут). Через 10 минут перед Костей сидели все голуби города, и ему это стало надоедать.

Через 5 минут, разгоняя голубей, пронеслась та же (а, может, и другая) девчонка на роликах. Взлетая, птицы подняли столько пыли, что у

подкармливающего их заслезились глаза. Доставая платок из внутреннего кармана пальто, он пропустил тот момент, когда будущая жертва его нездоровой фантазии появилась в поле зрения.

И вот, приведя себя в порядок, он случайно поднимает взгляд и видит ее – ничем не примечательную женщину. Ничем, кроме огромной папки с документами в руках. Она находит удобную позу, разворачивает папку на фотографии, устраивает у себя в руках пластиковый стакан и заводит меланхоличной скороговоркой свою речь. Мужчина не двигается с места: сначала – наблюдение. По ситуации можно будет сменить тактику на более активную, но пока – нужно присмотреться к жертве.

К тому моменту, когда женщина закончила свой рассказ в первый раз, в ее стаканчике появилось не так много монет помощи. Кидали в основном мелочь, но еще чаще – реплики, которые Косте было не расслышать. Но по взглядам кидающих он догадывался, что это были не слова поддержки. Женщина же держалась «профессионально». Она не первый день жила среди людей, в том числе именно в таком статусе, поэтому она никак не реагировала на грубость и в меру щедро благодарила помогающих ей рублем и словом.

Минут 5, а может и больше (Костя уже перестал следить за временем) женщина стояла молча в той же позе. Все это время наблюдающий следил за ней украдкой: периодически он бессмысленно уставлялся в телефон, чтобы не привлекать ни ее, ни чьего бы то ни было внимания.

И вот, шарманка завелась во второй раз. Женщина говорила ровно то же, с той же интонацией, что и до этого. В силу того, что до Кости доносилось одно слово через 10, он мог сложить лишь приблизительную картину ее истории. Но ему и не нужны были все подробности. Наблюдение он включил в свой план с целью понять, какой она человек, какой подход к ней был бы ему на руку. Но после двадцатиминутной слежки он ничего не мог сказать о ней, как о человеке. Но ее профессионализм его восхищал. А еще он понял: если вся эта история – фикция, он с легкостью ее раскусит. Так он предполагал.

Наконец Костя встал, избавился от упаковки из-под хлеба, отряхнулся от крошек и своим особенным прогулочным шагом двинулся по направлению к магазину. Он прошел мимо женщины, кинув на нее небрежный быстрый взгляд; она смотрела куда-то себе под ноги. Герой решил сделать кое-какие покупки. Купил большую буханку хлеба, молоко, яйца и палку копченой колбасы, сложил провизию в зеленый экологичный пакет, любезно предложенный продавщицей и, очистив разум от лишних мыслей, подошел сзади к своей жертве.

Глава 4. Симбиоз

- Девушка, - обратился Костя к женщине. Она не обернулась. Он подошел и встал слева от нее, - девушка, это Вам, - и протянул ей пакет.

- Спасибо, - с неуверенностью в голосе ответила женщина и рук к пакету не протянула, - что это? – она смотрела герою прямо в глаза.

- Это продукты, - сказал он, заглядывая в пакет, - яйца, молоко и еще кое-что, - он улыбался своей кошачьей улыбкой.

- Да? – удивилась женщина. – Это очень ..., - она пыталась подобрать слово.

- Берите-берите, - был настойчив Костя, - это же от чистого сердца. От меня и моей ... жены.

Женщина положила стаканчик в карман куртки, а папку с документами с большим усилием пыталась удержать подмышкой.

- Простите, теперь Вам неудобно все это держать ...

- Все в порядке. Мне в это время как раз нужно собираться домой, да и люди сегодня особенно грубые, - она потупилась, - разве что, кроме Вас.

- А давайте, я провожу Вас? – приступил к активной тактике Костя. – Мне не сложно, правда.

- А как же Ваша жена – не будет волноваться?

- Моя жена ... ушла, - и он, конечно, добавил, - в Другой мир.

- Знаете, я так считаю: Тот мир лучше. Там нет злых людей: их туда не пускают, - с улыбкой и почти шепотом говорила женщина.

- Так что моя жена точно волноваться не будет, - и протянул руки к тяжелой папке.

- Да, - женщина не возражала, - на деле она еще тяжелее, чем кажется, - и герои стали отдаляться от магазина.

Костя рассказал, как сильно он любил жену, как они хотели детей, но «та проклятая авария» забрала у него и жену, и сына в ее утробе.

- Мы за продуктами ходили почти всегда именно в этот магазин и часто Вас здесь видели. А Настя даже однажды выслушала всю Вашу историю, - с некой напускной гордостью говорил Костя.

- Ваша жена определенно заслужила место в Раю, как и Ваше нерожденное дитя.

- Да ... я тоже так считаю, - и пошел в прямое наступление. – Знаете, я ведь совсем недавно схоронил их. Пытаюсь жить дальше, будто и не произошло ничего, но где там: постоянно думаю о ней. Предметы, запахи, звуки вызывают тяжелые воспоминания.

- Очень действенный способ в таких случаях, говорят, - смена обстановки.

- Да? – будто он впервые это слышал.

- Говорят. Психологи разные да и простые люди.

- Я думаю, Вы правы. Но я так привязан к своей квартире. А что, если ... как Вы думаете ... что, если просто временно пожить ... не знаю ... на съемной?

- Ну да, я же и говорю – временно сменить обстановку.

- Очень хорошая идея. Сегодня же и займусь поисками. У Вас ... нет никаких объявлений в подъезде?

- Да я не обращаю на такое внимание. Мы тоже, знаете, в некотором роде, привязаны к своей квартире.

- Ммм... понимаю.

- Ну что же, мы пришли. Вот мой подъезд.

- А с кем остается Ваша дочь?

- Что?

- Ну, пока Вы работаете?

- Работаю? Аа! Вот Вы о чем. Прошу соседку несколько часов в день за ней присматривать. Практически все деньги, которые дает государство, мы выкладываем за лекарства и прочее. Но есть же что-то нужно. Вот я и выхожу, как Вы правильно выразились, «на работу». Других вариантов у меня просто нет.

- Ммм. А что, если ... не знаю, наверное, глупая идея, я не хотел бы Вас смущать, но что если я буду снимать квартиру у Вас? Глупо, да?

- Даже не знаю. Вообще-то после смерти моего ... отца мы с дочерью живем в одной комнате. Так удобнее и ей, и мне. А вторая комната пустует.

- То есть Вы поддерживаете мою идею? Может, Вам хотя бы какое-то время не нужно будет стоять с этой громадной папкой и выслушивать невежд и грубиянов. Простите: я что-то разнервничался.

- Мне кажется эта идея замечательной. Вы прекрасный человек, как и Ваша жена. Может, так мы поможем друг другу... Не подумайте, я много с Вас не возьму.

- Вы тоже не думайте о деньгах. Я хорошо зарабатываю, а тратить мне их практически не на что. Я очень хочу Вам помочь.

- Хорошо. И как же мы поступим?

- Ну, Вы хозяйка дома: распоряжайтесь.

- Мне очень стыдно, но сегодня я не могу Вас пригласить даже в качестве гостя. У нас там ... не просто беспорядок. Мне самой иногда не хочется туда возвращаться.

- Не проблема. Я приду, как Вам только будет удобно.

- Тогда приходите завтра. Не будем откладывать то, чему суждено было случиться. Приходите завтра в полдень сюда же, и я Вас встречу.

Глава 5. Пока он спал

В воскресенье в 9 утра Костя был готов. Он знал, что он убьет и мать, и

дочь. Убить инвалида – он всегда так считал – настоящее милосердие, как по отношению к самому инвалиду, так и к миру. С развитием медицины и общества такая вещь, как естественный отбор, в человеческой среде теряет свой вес. Герой считал, что он своим поступком сделает большую услугу человеческому роду.

Он собрал в небольшую спортивную сумку чисто символический набор вещей и предметов. Напоследок кинул книгу, которую давно хотел прочесть, с целью скоротать время, если его придется коротать. На самом деле Костя не собирался там задерживаться: в понедельник с утра он будет на любимой работе пить кофе и давать указания на планерке.

Задача перед ним стояла не сложная: сначала он убьет мать, а затем ничего не понимающую бедную девочку. «Женщина сама говорила о Лучшем мире. Они достойны, попасть туда без очереди и билета». Так в размышлениях прошел час. Костя уже не мог сидеть без дела. Он вошел на кухню и неожиданно для себя включил телевизор, который даже после ремонта не решился выбросить. На первом попавшемся канале передавали программу новостей. Диктор говорила о том, что два дня назад в таком-то городе без вести пропал мужчина. На экране высветилось его фото из паспорта. Костя попытался запомнить лицо мужчины. «Вдруг бедняга потерял память и скитается два дня по городам, даже не представляя, где он и кто». Быстро потеряв интерес к новостям, Костя стал перебирать каналы со множеством однотипных телепередач и боевиков. Через 5 минут он был готов выбросить телевизор в окно и выключил, поклявшись себе, что такого больше не повторится.

Еще один час он скоротал с кофе на балконе, наслаждаясь теплом, панорамой и шумом улицы. Все-таки даже «бесполезный ящик» не испортил ему настрою на лучший исход событий.

В 11.30 Костя уже стоял у заветной двери подъезда №6. Погода стала меняться. За минуты небо затянулось тяжелыми грязно-серыми облаками, а солнце беспомощно затерялось среди них. С первым раскатом грома дверь подъезда открылась, и герой с надеждой посмотрел на выходящего. Это был седой низкорослый мужчина, а с ним его друг или подруга на длинном поводке – пудель (будто после химической завивки). Герой проводил их взглядом, пока они не скрылись за углом, поднял голову, чтобы оценить уровень угрозы, а потом стал всматриваться в окна и балконы. Солнце на минуту выглянуло из-за самой черной тучи и слепило мужчине глаза. На одном из балконов он увидел, как ему показалось, инвалидное кресло. Присмотрелся и увидел, как ему показалось, девочку в кресле. Он сначала нерешительно, а затем все более энергично стал махать ей рукой. Реакции не последовало. «Ну, этого следовало ожидать».

Медленно, но верно стал накрапывать дождь. Костя решил спрятаться под козырьком над дверью; простоял там пару минут, и дверь вновь

распахнулась. На этот раз она выпустила именно того, кого герой ждал с таким нетерпением.

- Здравствуйте, - женщина пропустила его вперед, - давно ждете?

- Не-е, - дверь с грохотом захлопнулась (а, может, это был гром?), что Костя даже подпрыгнул от неожиданности, - недавно пришел.

- Все нормально? — женщина уже вызывала лифт. А Костя, немного отстав, засмотрелся на доску объявлений. Не то, что ему было это интересно, но некоторые вещи заставляли его нервничать, и он немного потерял над собой контроль. В помещении было настолько тусклое освещение, что так ничего и не увидев на доске, он быстрым шагом и с натянутой нервной улыбкой подошел к лифту.

- Да-да, вполне, - и вновь вздрогнул, когда двери лифта с грохотом распахнулись.

- Да, здесь немного жутковато, - женщина нажала на шестую кнопку, - но и к такому привыкаешь.

- Человек привыкает ко всему.

- Да, в этом его сила и слабость.

Пока хозяйка отмыкала замок, Костя, улыбнувшись своим мыслям, сказал:

- Простите: а как Вас зовут? Мы ведь еще не познакомились. Я — Костя.

Замок поддался, дверь приветственным жестом приглашала войти, а женщина, не обернувшись, ответила:

- Аделаида. Но это слишком длинно. Ада.

- Что? — Костя пытался поймать ее взгляд.

- Ада. Так проще. Да и все меня так зовут.

- Извините, просто впервые слышу.

- Вы разувайтесь, раздевайтесь, - она показала головой на вешалку, - это все отец.

- Ваш отец? ... - Костя не мог уговорить свое сердце. Какие-то мелочи выбивали его из колеи.

- Да. Фантазером был; много читал и где-то вычитал это имечко. Ну а мне — отдувайся. Оставляйте сумку, а я проведу Вам экскурсию, Константин.

- Костя.

- Хорошо. — Аделаида показала ванну, кухню, его временную комнату — небольшую, светлую, оформленную в желтых тонах. — Тут кладовка, - указала она на закрытую дверь с навесным замком, - а здесь у нас зал.

- Гостиная? — Костя зачем-то слегка подергал навесной замок.

- Ну да. А это, - Ада подошла к инвалидному креслу, в котором лицом к распахнутой балконной двери сидела девочка с распущенными запутанными волосами. Женщина развернула кресло так, чтобы лицо девочки было повернуто к гостю, - это Раичка.

- Рая?

Аделаида кивнула ему и погладила дочь по голове.

- А там дальше наша с Раичкой спальня. Вот и все. Я отнесу Ваши вещи в Вашу временную спальню, а Вы пока можете ... осмотреться. Телевизора у нас нет.

- Да, я вижу. Это замечательно. Зато у Вас много книг. И картины, - сказал он, глядя на чей-то портрет.

- Это все – моего отца, - Ада возвратилась и встала у кресла дочери. – А этот портрет ...

- Это он? Ваш отец?

- Нет - мой дед. А вот нарисовал его мой ... папочка, - она немного запнулась. Возможно, помешал ком в горле. – Как и большинство этих картин.

- Ого, - Костя перешел к пейзажу на другой стене. – Простите: а почему бы Вам их не продать?

- Я понимаю Ваш вопрос, - Ада пошла на кухню, выключить чайник. – Я – сейчас.

- Твой дедушка - выдающийся человек, - обратился герой к девочке. Она смотрела сквозь него, а в один момент его передернуло: ему показалось, что у нее капнула слюна. – Жаль, что ты этого никогда уже не поймешь.

- Моего отца звали, как Вас, - Ада вошла в гостиную со сверкающим подносом, - он очень любил, когда его называли Константином.

- Присаживайтесь, - указала она на диван, а сама пододвинула кресло с дочерью ближе к столу и села между ними.

- А я – нет, - с грустью отозвался Костя. – В детстве меня дразнили Констанцией. С тех пор не люблю своего полного имени.

- Вы спросили: почему бы мне не продать эти картины, - Ада добавила молока в свой чай.

- Да, хотя бы несколько. Не портрет, конечно. Это – память.

- Да, но для меня дорого все, что отец оставил после себя. Продать одну из них – предать память о нем. Он был удивительным, чрезвычайно трудолюбивым и увлеченным, но так и не прославился.

- Вы могли бы продать их галерее, тем самым прославив его имя посмертно.

- Возможно. Может, когда-нибудь... Берите печенье. Я сегодня испекла его специально для Вас. Я так люблю печь, но времени на это не хватает, - она посмотрела на дочь. Та была где-то очень далеко.

- Как давно... Ваша дочь... больна?

- Около четырех лет, - спокойно ответила женщина.

- И это ... теперь...

- Навсегда? Да. Врачи в этом уверены.

- Вы очень сильная. Мне кажется, таких не много. У Вас тяжелая судьба.

- Таков мой крест. Я должна его нести. Не знаю, как можно по-другому.

- Я надеюсь, что помогу Вам. Я заплачу сейчас за месяц вперед, - Костя встал за деньгами, - или лучше за два, - решил он, вернувшись с кожаным кошельком.

- Ну что Вы. Успеется.

Костя протянул ей несколько крупных купюр. Пока Ада отпиралась от такой большой суммы, бедная Рая не то закашляла, не то залаяла, и женщине пришлось отвезти ее в спальню.

- Хорошо, - сказала хозяйка, вернувшись. Она взяла все деньги, которые Костя положил на ее половину стола и добавила, - тогда мы обеспечим Вам условия, как в пятизвездочном отеле.

Они улыбнулись друг другу и стали допивать чай. После чая Костя был отправлен в «его комнату» отдыхать. И хотя он еще не успел устать, пару часов в уединении ему все равно не помешали бы. Закрыв дверь, он пожалел, что на ней нет замка. «Хотя Аделаида обещала стучать, если ей что-то понадобится». Он расположился на старой кровати и погрузился в очередное обдумывание плана. И не заметил, как скоро уснул.

Проснулся он, когда за окном уже смеркалось. И, как ему показалось, его разбудил какой-то странный шум. Медленно отходя ото сна, он поправил волосы и рубашку и хотел выйти в прихожую, но дверь, открывшись на сантиметров 10, не поддавалась. Выглянув в щель, он увидел, что дверь кладовой открыта нараспашку. Свет там не горел, как и в прихожей. Только лучи закатного солнца из гостиной обеспечили его информацией, что пока он спал, в доме произошло что-то странное. Но что могло произойти? Хотя... Не зря его сердце сжалось еще тогда, когда он только вошел в подъезд дома №6.

Глава 6. До полуночи

План был идеален. Накануне Костя купил к своему пистолету глушитель. В полночь он подошел бы к спящей Аделаиде и, приставив Браунинг к ее виску, лишил бы эту сильную женщину ее никчемной жизни. А потом так же бесшумно и деликатно избавил бы этот мир от бремени и уродства в виде существа, потеря которого никого — уже — не огорчит. План был прост. Но теперь он усложнился тем, что появились обстоятельства, которые в и без того перекроенный план включены никак не могли быть. Девочка ни такая спокойная, как казалось? Или не такая беспомощная? Почему-то сейчас Косте показалось, что он уже где-то видел ее. Но ему в последнее время слишком многое кажется.

В дверь постучали. Он дернулся и по не понятной даже ему причине молчал.

- Костя, Вы спите? — спросила Аделаида, не открывая дверь.

- Нет, я уже проснулся.

За окном уже совсем стемнело.

- Тогда выходите на ужин, - бодро произнесла женщина, и герой услышал тяжелые удаляющиеся шаги.

Он встал, включил свет, прищурился. Наконец он присмотрелся к окружающему его пространству: эта комната походила на покои писателя или художника XIX века. Тяжелый деревянный письменный стол со множеством ящичков напротив окна, а параллельно кровати во всю стену – книжный шкаф, забитый старинной – Костя присмотрелся - да, только старинной литературой. Сама же кровать занимала треть комнаты, и, казалось, что она вообще из XVIII века. Принюхавшись, Костя понял, что и пахнет тут древностью и ветхостью; открыл окно, выключил свет и вышел – дверь поддалась – в освещенную прихожую.

- Проходите в зал, - крикнула Аделаида, услышав его шаги.

- Добрый вечер, - произнес герой почти шепотом и впервые столкнулся со взглядом девочки. Он в очередной раз дрогнул. Девочка не отвела взгляда; смотрела в одну точку, как и всегда.

- Скажите: а спит она с закрытыми глазами? – серьезно спросил Костя, усаживаясь на диване.

- Как и все люди, - со спокойной улыбкой ответила женщина. – Приятного аппетита.

Ужин состоял из жареной картошки, колбасы и хлеба.

- На десерт будет какао с печеньем. Будете хорошим мальчиком, разрешу Вам выпить его в своей комнате, - Ада странно посмотрела на гостя.

- А если не буду? – с напускной серьезностью спросил Костя.

- Закрою Вас в кладовке и целую неделю буду скормливать Ваше тело Рае.

- У Вас специфическое чувство юмора, - недрогнувшим голосом констатировал герой и кинул взгляд на девочку. Стоит ли говорить, что в ней не дрогнул ни один мускул?

- Он, как и все здесь – от отца, - Ада улыбнулась сначала гостю, потом дочери.

- А как она ест? Простите, если это слишком бестактный вопрос.

- Она ест мало. В основном бульоны и пюре. И витамины. Единственное, что бесплатно положено таким, как она, от нашего чудесного государства.

- Ммм, - Костя не знал, что ответить.

- Но теперь благодаря Вам, у нас есть деньги. Я завтра же схожу в аптеку. То, что я хочу купить, конечно, не исцелит ее, но хотя бы снизит боли.

- Боли?

- Иногда ей бывает очень больно. Она может упасть из коляски и биться в судорогах до потери сознания.

- Хорошо, что Вы прояснили для меня это вопрос.

- То есть? - Ада поправила одеяло на коленях у дочери.

- Дело в том, что когда я проснулся, я не мог выйти из комнаты: что-то мешало...

- Да, наверное, это была коляска.

- Везде было темно. Я слышал какой-то шум. И кладовка...

- Такое случается. Кладовка?

- Она была открыта. Это единственное, что я увидел. Закрыв дверь и вскоре заснул за книгой.

- Простите, что я сразу Вас не предупредила, - Ада виновато смотрела ему прямо «в душу».

- Ничего-ничего, - теперь Костя погладил девочку по коленям, поправляя одеяло. — А что, если не секрет там — в кладовке?

- Да как у всех. Я храню там лекарства. В этот раз понадобилась большая порция успокоительных и обезболивающего.

- А та комната, - герой решил сменить тему, - в ней жил Ваш отец, не так ли?

- В которой обосновались Вы? Все верно. После его смерти я не хотела ничего там менять. Мне кажется, там даже его запах остался.

- Запах остался, да, - пряча улыбку за хлебом, согласился Костя. — А давно вашего отца не стало? Простите за любопытство.

- Давно, - коротко ответила женщина, и на этом ужин подошел к концу.

- Огромное спасибо. Как Вы и обещали — 5 звезд. Даже 6, - Костя вытер губы салфеткой и стал ставить грязную посуду на серебряный поднос.

- Не стоит. Я уберу. Не смешите меня, какие 6 звезд. Но завтра, - говорила она уже из кухни, - будет 10 звезд. Обещаю, - Ада вернулась с тем же подносом, на котором стояли чашки с ароматным какао и блюдо с печеньем.

- Как насчет того, чтобы я поел в «своей комнате»?

- Ах да, Вы действительно хорошо себя вели, - она поставила одну чашку на столик, положила в блюдце одно печенье и вручила поднос стоявшему с вытянутыми руками мужчине, похожему на мальчишку. — Не шалите.

- Не буду. Вы не представляете, насколько я тихий сосед.

- Зайду пожелать Вам доброй ночи.

До полуночи оставалось 4 часа.

В 9 Костя воспользовался ванной, оборудованной под инвалида. В очередной раз восхитился мужеством Аделаиды.

Около 10 она зашла пожелать ему спокойной ночи и попросила не пугаться шума.

- Ночью опять может случиться приступ?

- Может. Да и в целом... иногда кажется, что это дом с привидениями.

- Вот как? Ну да, теперь я не напуган.

- Добрых снов.

- И Вам.

«...дом с привидениями». Нет, он не верил в призраков, но ее чувство юмора щекотало ему нервы.

2 часа до полуночи. Пистолет с глушителем лежал под подушкой. Костя давно его приготовил. Сейчас он сидел в домашней пижаме; тапочки он взять забыл (так даже лучше - бесшумно).

Примерно в 11 Аделаида вышла в туалет. Костя прислушался: наверное, она тоже ходила босиком (шаги были легки, не скрипнула ни одна половица). После шумного слива воды в унитазе целую минуту Костя ничего не слышал, а потом ему показалось, что от его комнаты стали отдаляться шаги.

«Она что же, подслушивала за мной?».

До полуночи полчаса. Костя уже не мог лежать, не мог сидеть, не мог ходить из угла в угол. Он уверенно держал в правой руке пистолет, но левая его подводила: она начала неприятно зудеть.

«Левой рукой я дотронулся до девчонки?».

«Что за бред!» - ответил он сам себе, и зуд стих.

5 минут. Он спрятал заряженный пистолет под полотенце и вышел из комнаты. Лунного освещения хватало ровно на то, чтобы не столкнуться с предметом в 10 сантиметрах от глаз.

Дверь спальни хозяйки была наполовину открыта. Еще немного приоткрыв ее (она не издала ни звука), мужчина оценил обстановку. У дальней стены на большой двуспальной кровати спала крепким сном девочка (действительно с закрытыми глазами). Из-под одеяла выглядывала только голова, а под ним она будто исполняла команду «смирно». Женщина же лежала на другой кровати на боку – лицом к дочери и спиной к убийце. Итак, кульминация. Костя медленно подходит к кровати Аделаиды, аккуратно снимает с пистолета полотенце, делает глубокий вдох, говорит «привет папочке» и стреляет ей в висок. Звук раздается достаточно громкий, даром, что стоит глушитель.

«Услышали ли соседи? Не должны были».

Герой стал медленно разворачиваться и почувствовал, как у него закололо в боку. Последнее, что он увидел перед тем, как упасть на пол и выронить пистолет – это пустая кровать Раи, а затем ее нога, отшвырнувшая пистолет под кровать матери и напоследок со всей мощи бьющая его в лицо.

- Мудило!

Эпилог

- Хочешь, расскажу историю?

- Тебе лет-то сколько?

- Почти 16. Какая вообще разница?

- Просто интересно, откуда у пятнадцатилетней девицы столько бабла.

- А сколько у меня бабла?

- И картины эти...
- А с картинами что не так?
- Тоже твои?
- Теперь мои! Я наследство получила от отца, которого даже не знала. Единственная наследница. Типа Джейн Эйр.
- Что за тип?
- Ты таксист или бабка базарная? Че ты так много болтаешь?
- Просто интересуюсь. Ишь ты.
- Рули молча, не отвлекайся! Будешь хорошим мальчиком, я подарю тебе самый ценный подарок на свете.
- Тоже в наследство достался?
- Типа того. Но ты меня не понял.
- А что за история?
- Какая? Ты о чем?
- Ты спросила, не хочу ли я...
- Аа! Да забей. Передумала уже. Я спать буду. Так что помолчи, будь добр.
- Есть, шеф! Вот уж не девица, а дьяволенок в юбке.

История. Ада и Рая

Для тех, кто задается вопросом: Что, черт возьми, здесь произошло?

Однажды у молодой девушки родились две прекрасные здоровенькие дочери. Девушку звали Аделаида, и дочерей она хотела назвать по-особенному. Одну она назвала в честь своей рано почившей матушки - Раисой, другую по имени своей любимой героини детской классики - Алисой.

Как и многие близнецы, девочки были полными друг другу противоположностями: Раичка росла любознательной, доброй, нежной и тонко чувствующей, Алиса же с детства проявляла себя жестокостью по отношению к близким и чужим людям, а также к животным (к ним особенно). Алиса мало говорила, не проводила времени со сверстниками и подолгу гуляла в одиночестве. Она не доверяла ни одной живой душе, смотрела всегда презрительным взглядом, а еще много читала.

К 10 годам девочки-близняшки перестали быть похожими даже внешне. В праздничные дни, когда Аделаида звала в гости друзей, за столом сидела только одна из девочек - Раиса, похожая на фарфоровую куколку в старомодном платье с рюшами. Алиса же стала фантомной второй дочерью Ады. В это время от ее исцарапанных рук с изгрызанными ногтями пострадало много невинных жизней - кошек и собак из всех близлежащих дворов. Вечером с наступлением темноты она заходила в один из дворов, вылавливала бездомное животное и, зайдя за мусорки или гаражи, одним ловким движением убивала его ножом. Трупы она оставляла чаще всего на детских площадках, и счастливая возвращалась домой.

Дома же все давно привыкли, что она где-то бродит по ночам. Они не боялись, что с ней может случиться что-то нехорошее, - они боялись за тех, кто мог попасться ей на глаза, будь она в плохом расположении духа. А когда в подъездах стали появляться объявления, а во дворах не утихали разговоры о "психопате-убийце", Ада не сомневалась о причастности дочери к этой истории. А Рая сказала: "Мамочка, тебе никогда не казалось, что все Алисы немного странные?". "Не знаю, как насчет всех, но наша - точно особенная". Когда девочкам исполнилось 11 лет, они впервые узнали о том, что у них есть живой дед. Это было странно, ведь жил он в соседнем доме, и может даже они проходили мимо друг друга.

Ада не любила и очень боялась своего отца. Когда она была маленькой, мама говорила ей, что "папа - творческая личность, поэтому иногда он бывает непредсказуем". После смерти жены Константин изменился и совсем не в добрую предсказуемую сторону. Он забросил творчество, перестал ходить на работу в Университет и запил.

Когда Аде было 16, он впервые ее изнасиловал. Когда ей было около 18, она забеременела от своего отца двойней. Она сбежала из дома к своей подруге. Отец ее не искал. После родов мама ее подруги предлагала отдать детей на усыновление (был подходящий вариант), но девушка решила, что справится. Даже не окончив школу, она нашла приличную работу - официанткой. Подруга и ее мама помогали с детьми. Через какое-то время Ада могла позволить себе няню, а через год взяла небольшую квартиру в ипотеку.

И вот, когда девочкам исполнилось по 11 лет, Аделаиде позвонил отец и сказал, что умирает: "Медленно и болезненно - как ты и хотела". Он просил, чтобы она с детьми перебралась к нему и "квартира после моей смерти - ваша". Ада не стала упрячиться и рассказала обо всем девочкам. Рая была счастлива познакомиться с дедушкой и жить в квартире, о которой с трепетом рассказывала мама. Алиса же попросилась остаться в их квартире и обещала "быть хорошей девочкой". В этот раз она впервые обняла маму, и Ада согласилась. «Но при первом же инциденте я заберу тебя!».

Первый инцидент не заставил себя ждать: через месяц проживания одной Алисе стало скучно, и она подожгла квартиру, вышла во двор и, сидя на качелях, любовалась на пламя, захватившее уже балконные двери. От пожара пострадали и соседние квартиры. Аделаида отдала в качестве компенсации все свои сбережения, даже влезла в долги. На то, чтобы оплатить ремонт своей квартиры, денег не хватило. А когда через месяц ее уволили с работы, узнав, что она оставила малолетнюю дочь одну в квартире, она не выдержала.

"Я не могу так больше, Алиса. Ты - чудовище! Таких, как ты, нужно принудительно лечить или истреблять. Почему ты не можешь быть нормальной?! Я ненавижу тебя". Алиса ковыряла котлету, неприятно скрипя

вилкой по тарелке, и все эти слова для нее не имели никакого значения. Рая вступалась за сестру и даже заплакала от маминых слов.

Однажды пока Раиса была у подруги в соседнем доме, Алиса решила поиграть: она хорошенько искупалась и вымыла волосы с шампунем, надела один из цветастых сарафанов сестры, заплела косу и стала ждать маму и дедушку из больницы. Как только открылась дверь, она подбежала и по очереди обняла и поцеловала сначала маму, а затем и дедушку, и сказала, как сильно она их любит. Нужно сказать, что "Раичка" делала это постоянно. И пока не вернулась сестра, "Раичкой" была Алиса.

Ей так понравилось, что у нее созрел план. Она вышла во двор и стала ждать сестру. Та скоро показалась из-за угла. "Алиса, что с тобой?". Рая любовалась на сестру и широко улыбалась. "Я затеяла одну игру. Давай, сегодня я буду тобой, ну а ты - мной?". "Забавно. Мне нравится твоя идея. Но что я должна сделать, чтоб быть похожей на тебя?". "Для начала...". Алиса взяла горсть мокрого песка и измазала волосы, лицо и одежду сестры. Рая все улыбалась. "Хорошо, что ты сегодня в шортах". Алиса оторвала один задний карман, что он теперь висел на двух уцелевших нитках. "И еще...". Алиса подняла с земли какой-то острый камешек и резко полоснула сестру по руке. "Алиса!". "Прости. Но теперь ты - вылитая Алиса". Она вытерла свои руки о шорты сестры и сказала: "Будь в роли. Я уже попробовала. Они не просекли подмены". "Вот увидишь, у меня получится. Мне всегда было интересно: как это - быть тобой".

Когда они вошли в квартиру, настоящая Алиса в роли Раички пошла к деду в комнату, а Рая пошла пробовать себя перед мамой. Когда дедушка в очередной раз рассказывал о том, какой была его жена, из зала послышался шум. Кричала Раиса. Точнее крик был секундный, потом - мертвая тишина и громкий плач матери. Алиса вышла от дедушки и медленно шагала в неудобном для себя платье на звук маминого рыдания. Алиса остановилась у порога и наблюдала картину: мама забилась в дальний угол комнаты и била себя по голове обеими руками, сестра лежала у столика без сознания (грудь медленно и редко поднималась). "Мама?" - прошептала Алиса и тихонько подходила к матери. "Я убила ее. Я убила свою дочь! Я ненавижу ее всем сердцем, но человек не должен убивать свое дитя".

"Успокойся, мам. Это меня ты ненавидишь всем сердцем". "Что ты говоришь такое, Раичка?". "Мам, приди в себя и присмотришься к нам. Мы же совсем не похожи. Как ты могла купиться?". "Алиса?". "Нет, блин, Лев Толстой!". "Зачем ты это сделала?". "Что я сделала, мамочка?". "Ты убила ее!". "После таких слов ты меня называешь сумасшедшей?". "Ты все подстроила! Ты велела ей, чтоб она это сказала!". "Не носи чепуху. Что она тебе сказала?". "Ты сама знаешь!". "Ладно, плевать. Слушай, а ты скорую вызвать не хочешь? Ну, раз это все же не я, скорая тут не помешает".

Ада вскочила и побежала к телефону. Через 10 минут на носилках из комнаты выносили чумающую девочку, так и не пришедшую в себя. Около месяца она пробыла в коме. Потом жажда жизни в ней взяла верх, и она открыла глаза. С тех пор бессмысленный взгляд в бездну не сходил с ее лица. Алиса помогала матери ухаживать за сестрой и дедом: гуляла с Раяй по двору, мастерски справляясь с тяжелой коляской, водила деда на процедуры и стойко выслушивала его бессвязный бред.

Потом Аделаида выдумала историю о том, что ее дочь попала в чудовищную автокатастрофу по вине какого-то лихача "со связями в правительстве". О том, как она обзвонила "все возможные инстанции". И как государство платит мизерное пособие - "кидает подачки". Через 2 года большую часть времени она стала тратить на стояние у магазинов и церквей, пока ее здоровая дочь была сиделкой и домработницей. Школу той пришлось бросить. Как бы это ни звучало, Алиса действительно чувствовала свою вину в произошедшем.

Однажды моя сестру в приспособленной ванной, ей показалось, что та хочет что-то сказать. Впервые за долгое время Рая смотрела не в бездну и с каким-то смыслом в глазах. "Что? Что такое?". Сестра не отвечала - просто смотрела и медленно шевелила губами. Алиса долго не могла разобрать этого шевеления, за которым не было слышно даже шепота, но потом прочла по губам одно слово и улыбнулась, намыливая сестре ее все еще прекрасные волосы. "Шлюха? Ты называешь меня шлюхой? Несправедливое заявление. Ты же знаешь, как я ко всему этому отношусь. А может в тебе в кои-то веки проснулось чувство юмора?".

Через несколько дней Алиса захотела поделиться с матерью произошедшим. "Что она сказала?". "Мам, ты услышала". "Это она тебя так назвала?". "Если б я знала". Алиса не была обижена на сестру - с одной стороны эта история ее забавляла, с другой - радовала: это первое слово сестры за 4 года. "А знаешь...". "Мам?". "Тогда, когда вы решили поменяться местами... тогда она назвала меня шлюхой". "С чего бы?" - сказала Алиса с набитым ртом, жуя жареную картошку собственного приготовления. "Она сказала, что знает, якобы, что в молодости я была шлюхой". "А ты была?". "Знаешь, только через какое-то время я поняла, откуда у нее такая дезинформация". "От деда что ли?". "Алиса, ты очень умная девочка". "Ой, от кого еще она могла такого наслушаться. Этот старый маразматик и мне на уши присаживался. Просто я не верю всему подряд, как Рая". "Тогда она сказала, что я соблазнила своего отца...". "Мам, он несчастный извращенец!". "Не нужно так говорить об... о своем дедушке". "Да пофиг вообще. Не могу понять, как он протянул столько лет". "Алиса! Родственников не выбирают...". "Он тот еще козел. Тебе ли не знать. Ладно, закроем тему. Пойду посуду мыть". "Ты не устала?". "Надеюсь это риторический вопрос. Давай тарелку". "Спасибо. Ты

огромное сокровище!". "В хозяйственный нужно сходить". "Напиши список, я схожу". "На холодильнике на магните висит".

Когда случилось несчастье с Раей, Алиса предлагала сказать всем, что это она - инвалид. Аделаида подумала несколько минут и отказала дочери. Сейчас она поняла, что поступила правильно.

Ада ушла в хозмаг и, вернувшись через час, выронила пакеты с моющими средствами перед своими дочерьми, до жути похожими, но бесконечно разными.

Когда мать ушла в магазин, Алисе нужно было искупать сестру. Та отбивалась руками и издавала страшные звуки, отдаленно напоминающие примитивную первобытную речь. Алиса была терпелива и просила сестру быть «хорошей девочкой». В конечном счете они уже вдвоем сидели в ванне лицом друг к другу – Алиса на коленях у Раисы. Первая вылила из бутылочки последние капли пенного средства: мыльная пена всегда приводила Раю в восторг, а после несчастья она стала одной из тех вещей, которые вызывали у девочки какие-то эмоции (больше похожие на животные). И сейчас она улыбалась, как маленькая обезьянка, и обмазывала пеной сестру. Алиса всегда была «за», что касалось проявления эмоций сестры. Она смеялась с удовольствием сама. Настал момент, когда она перестала смеяться и заговорила, не ожидая никакого ответа: «Ты же всегда была такой хорошей девочкой. Зачем в тот день ты назвала маму шлюхой?». Рая стала прислушиваться. «Я никогда не была ангелом. Я порождение Ада – даже я в этом не сомневаюсь. Но я никогда не называла маму такими словами. И никогда не назвала бы». Рая стала сильно бить по воде руками и снова закатывать истерику. «Как бы кто ни думал, но в этом мире есть два человека, мне дорогих. И это вы с мамой».

Раиса стала успокаиваться, а Алиса положила руки сестре на шею и стала медленно давить. «Тогда мама называла меня монстром. Теперь я – «сокровище». Что изменилось? Я все та же». У Алисы были очень сильные руки – сестре же не хватало сил отбиваться, она хрипела и закатывала глаза. «Видишь: я та же, что и была». Алиса плакала, и ей казалось, что это ее первые слезы за всю прожитую жизнь. Сестра все еще дышала. Тогда Алиса рывком окунула ее головой в воду и стала топить, не прекращая приглушенно плакать.

«Я люблю тебя, Раичка. Ты – родом из Рая. Хорошая, всеми любимая, нормальная девочка! Как же ты хочешь жить, черт возьми. Но черт тебя не возьмет: он ждет другую дочь Ады. Тебя приберут ангелы. Какой же я делаю им подарок! Мне кажется, они устали ждать...». Алиса все говорила-говорила и не заметила, как сестра перестала дышать под водой. Она вылезла из ванны, сняла с себя всю одежду, вытерлась и надела черный шелковый халат, висевший тут же. Потом вытерла Раису, надела на нее чистенький беленький халатик, высушила волосы феном, уложив так, как любила сестра раньше, и

покатила кресло в зал. А когда Аделаида, мать таких разных близнецов, вернулась из магазина, она выронила пакеты с моющими средствами и пеной для ванны и зарыдала в голос, как в тот самый день, когда думала, что убила свою любимую дочь.

Она не спрашивала у Алисы, что произошло, а Алиса сказала: «Завтра мы тебя похороним. Останутся только Ада и Рая». Мать посмотрела на оставшуюся дочь вопросительным и непонимающим взглядом. «Чтобы продолжить получать пособие». «Алиса...». «Мам. С этого дня я – Раиса. По крайней мере для остальных. Все будут рады, что Алиса наконец сдохла. Вдохнут свободно. Заведут домашних животных». «Ты собираешься жить в инвалидном кресле?». «Когда будет темнеть, я буду осторожно выходить гулять по городу. Сегодня схожу и попрощаюсь со своей подругой». «У тебя есть подруга?». «С коляской придешь завтра на кладбище. А после – будешь всем говорить, что после смерти сестры Раичка стала совсем плоха, ведь она так ранима, даже в своем состоянии. И тебе не придется таскаться с этим бульдозером. По-моему шикарный план. Главное, чтобы ничто и никто не помешали его тихому свершению».

Вечером, когда Алиса «попрощалась» с подругой из соседнего дома (подруге она, конечно, не объявила о своей скорой кончине), Аделаида сказала: «Доченька, пока тебя не было, я поговорила с папой, и мы решили, что твой план не идеален. Даже, если нам удастся похоронить ее завтра... Точнее... Послушай: у Раи на шее следы от пальцев. Она умерла от удушья. Люди редко тонут в ванной. Будет слишком много вопросов, на которые мы не сможем дать внятных ответов». «Но мама, если мы похороним Раю как Раю, мы потеряем пособие. Что мы будем потом есть? Эти гребанные картины?!». «Послушай, пожалуйста, я еще не закончила». «И зачем ты ходила советоваться с этим пердуном?!».

«Алиса, теперь ты будешь ангелом и демоном. Ты будешь играть две роли. На самом деле играть роль Раички часто не придется, но я уверена, что у тебя выйдет это легко и красиво». «Красиво?». «Я действительно могу пустить слух о том, что Раичка стала совсем плоха из-за... отсутствия необходимых медикаментов. Точнее, денег на них. Ты будешь жить полноценной жизнью. В школу возвратиться не получится: нам же нужно создавать видимость, что ты продолжаешь ухаживать за бедной сестрой. Но я обещаю: я начну искать настоящую работу. Я куплю тебе учебники. Буду заниматься с тобой сама...». «Мам, мам, остановись! Что ты так забеспокоилась-то о моей учебе?». «Потому что ты – очень умная. Более того – ты одаренная. Я старательно не замечала этого раньше. Ты отдала законные годы своего детства заботе о семье. И теперь позволь мне о тебе позаботиться». «Мам?». «У нас все получится! Главное быть вместе!». «Мам, куда мы денем труп?». «Милая, куда мы денем два трупа?». «Серьезно?». «Когда я поговорила с отцом – да, я сглупила – через несколько

минут я услышала, как он звонил в полицию и рассказывал, что в доме творится что-то страшное. До приезда полицейских я задушила его подушкой. Кресло с Раичкой я поставила у окна, как и каждый божий день, посадила ее в пол-оборота, намотала на шею шарф и ждала гостей». «Мам, капец!». «Приехали двое: взрослая женщина и совсем молодой паренек. Вошли, рассказали о звонке. Я сказала, что, наверное, звонил «мой старенький папочка». Сейчас он спит в своей комнате. Они спросили, есть ли кто-то в доме еще. Я сказала, что дочь. Они попросили позвать ее. Я сказала, что, к сожалению, не могу. Они переглянулись, а я позвала их в зал и показала на Раичку. Женщина с жалостью посмотрела на меня. Я пожала плечами. Молодой паренек спросил, можно ли осмотреть всю квартиру. Женщина посмотрела на него осуждающим взглядом. «Хорошо» - ответил он и добавил «ну тогда хотя бы покажите кладовку». Я извинилась за бардак там: нет времени и сил прибираться, но открыла для него замок. Он сам открыл дверь, нажал на выключатель – свет не зажегся. Он посветил фонариком по углам, открыл все дверцы и на цыпочках глянул на пыль на верхних полках. Женщина сказала, что хватит «строить из себя полицейского», посмотрела на меня извиняющимся взглядом. Он повиновался. Мы вежливо распрощались. А теперь мы с тобой используем кладовку для хранения трупов». «Мам, ты меня пугаешь». «Я сейчас сама себя боюсь. Но нам некуда деваться, дорогая». «А что потом? Как мы действительно от них избавимся?». «У твоей матери есть и на этот счет идеи. Странно, что у тебя их нет. Ладно. Слушай. Я так ненавижу своего ... и твоего отца! Мы посадим его в кресло, укутаем в пальто и шарф, натянем пониже шапку и все вместе выйдем на прогулку. Докатим его до леса и выбросим в канал. Затем укутаем в пальто, шарф и шапку тебя и вернемся домой. Если кто-то внимательный спросит про тебя, скажу, что ты помогла мне выкатить коляску и вернулась к Раичке. А на следующий день мы провернем нечто подобное с нею».

Ада глянула на часы. «Сегодня уже поздно гулять. Завтра избавимся от папочки, а послезавтра от дочери и сестры. Я думаю, замечательный план». «Я думаю, что такое слово, как замечательный, не совсем здесь уместно. Но да, план внушает доверие. Разве что... У меня есть что добавить. Мне кажется, что нам нужно избавиться от их лиц. Ну... понимаешь?...». «Что ты предлагаешь? Кислоту?». «Тем более, что она у меня есть. Что? Я подворовывала на уроках химии. Хоть какая-то польза от этой школы».

А в субботу произошло кое-что, что заставило героиню вносить коррективы в свой безупречный (это слово лучше) план.

«Дорогая, у меня новость». «Хорошая или ...?». «Ну, как сказать... Если ты оптимист, то хорошая». «Значит, плохая». «Ладно, послушай. Сегодня, в мой последний «рабочий» день мне повстречался человек, который может изменить нашу жизнь к лучшему». «Гудвин?». «Лучше. Человек, который будет нам платить хорошие деньги, чтобы пожить с нами в этой халупе».

«Зачем это ему?». «Ему нужно оправиться от горя. Он недавно потерял жену». «А как он избавился от трупа?». «Я думаю, он его просто закапал в землю, как делали миллиарды людей миллиарды лет. Поживет в папиной комнате. Мы договорились, что завтра в полдень он уже будет проходить инструктаж проживания». «У тебя хорошее настроение». «Когда ты увидишь, сколько он нам заплатит, твое настроение тоже пойдет в гору».

«Хорошо. Сегодня мы отвезем папу в лес. А как быть с Раисой?». «Отвезем потихоньку завтра, пока он будет спать». «Ты собираешься его чем-то накачать?». «Крепкий сон никому еще не вредил». «Ок. Скажи мне вот еще что: он знает про меня, про Раю или про нас обеих?». «Он знает про Раю». «И пока он будет с нами жить, я буду привязана к этому сранному креслу!». «Дорогая, Алисонька, я обещаю, солнышко, что большая часть его денег пойдет на твои удовольствия. Сделаешь, что пожелаешь. Поедешь, куда захочешь. И я сама буду тут отдуваться хоть всю оставшуюся жизнь. Я уверена, что долго он тут не вынесет и убежит в свое холостяцкое гнездышко». «Ладно. Попробуем». «Чем черт не шутит, да?». «Ага, точно». Когда Алиса увидела мужчину, она сразу его узнала. Она видела его несколько раз в доме своей подружки. Всегда одного.

Пока Алиса изображала инвалида, ей хотелось нескольких вещей: почесать одновременно каждый сантиметр своей кожи, врезать этому мужику за некоторые вопросы и за то, как он на нее смотрел, а еще – смеяться, хотелось в голос засмеяться от абсурдности происходящего. Но она была в образе и прекрасно исполняла свою роль.

Вчера они с матерью успешно справились с первой частью намеченного заранее плана, сегодня задача была чуть сложнее, но так же выполняема. Когда Костя ушел в свою спальню, Алиса выдохнула и встала размяться, пока мать открывала кладовку. «А если он проснется раньше времени?». «Не думаю. Но ладно, давай пододвинем комод к его двери. От этого снотворного даже если просыпаются, туго соображают. Потом выдумаем для него историю». «О, у меня есть одна на примете». «Ладно. Все. Поехали».

Вечером, когда Костя пошел в душ, а Аделаида в своей спальне молилась за усопших, Алиса решила лучше узнать нового соседа. С некоторым риском она въехала на коляске в «его комнату» и осмотрелась. Вещей он принес не много. Совсем. Будто действительно не собирался здесь задерживаться. Но Алиса надеялась хотя бы месяц попрактиковаться в актерстве, а смотря на его сумку, складывалось впечатление, что он пришел сюда меньше, чем на неделю. С другой стороны, может, он просто любил ходить в одном и том же.

Алиса собиралась уже было выходить, как неведомый любопытствующий голос у нее в голове произнес: «Посмотри под подушку». И Алиса повиновалась. Когда она увидела предмет, так бездарно спрятанный самым бездарным убийцей, она раскусила его план. Ну, точнее не совсем

верно истолковала его ничтожные нематериальные мотивы. В любом случае она понимала, этот человек здесь не для того, чтобы оправиться от горя после потери любимой женушки. Алиса положила подушку на место, порылась в его сумке и достала все купюры и карты из кожаного портмоне. «Этот дядя гребанный олигарх!» - подумала девушка и выехала из комнаты, обдумывая дальнейший план действий.

Она решила пока не говорить об этом маме. После произошедшего вчера и позавчера мама сильно истощилась. Она ведет себя как безумная. Ей нужно отдохнуть от всех этих убийств и трупов. Въехав в спальню, Алиса аккуратно положила деньги в свой рюкзак и на вопрос мамы «Ну как там?» ответила, что ничего особенного. Они услышали, как Костя возвратился в свою спальню.

Алиса понимала: спать сегодня нельзя ни в коем случае, а еще – нужно обязательно лечь с ножом, чтобы сразу быть готовой к нападению на убийцу. Ночью она встала в туалет и на обратном пути замерла на время у его двери. Ей показалось, что он что-то бормочет. Она не разобрала. А может это был не он.

В полдвенадцатого Алиса уснула. Может, из-за, мягко говоря, слишком насыщенных последних дней, а может, из-за такого сильного хотения не заснуть. Нож она крепко держала в руке.

Ровно в полночь она резко проснулась от громкого глухого звука. Этот ублюдок убил маму. Алиса среагировала за секунды, и пока он поворачивал свое ублюдочное тело, чтобы убить девочку-инвалида, она вонзила свой меч правосудия ему в живот. «Надеюсь, ты подохнешь от потери крови» - подумала девушка, отбросила босой ногой пистолет под кровать и со всей мощи ударила ублюдочную рожу своей маленького размера стопой. Он перестал скулить: отключился.

Алиса заставляла свой мозг действовать оперативно. «Вдруг этот звук случайно услышали соседи. Не должны были». В рюкзак она сложила несколько вещей на первое время. Проверила деньги «На месте!». А потом она взяла на кухне два больших пакета из гипермаркетов и положила в них несколько картин, которые ей казались стоящими. Как рисовал ее «дед», ей не нравилось («Слишком как-то ... классически»), но в искусстве она кое-что понимала. Портрет деда-прадеда она решила оставить на память этой квартире.

Стоя у выхода, Алиса решила вернуться в спальню, поцеловала на прощанье маму в лоб и услышала, как убийца дышит. Он был все еще без сознания, но, к сожалению, жив.

Закрывая квартиру ключом, который девушка потом выбросит в мусорку, она решила вызвать полицию. Из ближайшей телефонной будки она позвонила и сообщила, что слышала какой-то странный звук, похожий на выстрел, доносившийся из дома №6 по «такой-то» улице. «Подъезд? Шестой.

Этаж? Не знаю, голубчик, но я бы начала с шестого» - и повесила трубку. В длинном платье-сарафане (смешно, но это первое, что попало ей под руку в шкафу) было так неудобно идти и тащить пакеты, но назад пути не было. Таксист был слишком болтлив и любопытен. И не знал о Джейн Эйр. Позорище. «Ладно. Нужно поспать. Завтра начнется новая жизнь. С новым именем. Какое бы придумать имечко? Ммм... Может, Ангелина или Анжела? А может, Ариадна? В этом имени будто скрылись три наши имени...».

«Что ты там бормочешь?».

«Рули, а!»

«Как тебя зовут-то хоть, скажи. Нам долго ехать, если ты не знала»

«Зовут?»

«Да. Имя у тебя есть?»

«У меня много имен...»

Разиля

Ты женщина, а это значит...

Люба весело бежала с работы домой, по пути заглянула в ближайший к дому супермаркет, набрала всякой всячины и бутылочку красного вина, для романтического ужина.

Как много надо успеть. Сперва приняла ванну с ароматной пенкой, ушло напряжение после рабочей смены, появилась легкость и свежесть. Затем включила музыку и напевая отправилась на кухню, приготовить вкусный ужин. Все мужчины любят мясо, отбивные в самый раз будут.

С Николаем она познакомилась недавно, на вечеринке у знакомых. Они оба были без пары, поэтому обратили внимание друг на друга и вынуждены были общаться, а выпивка сделала свое дело- легкий флирт привел к сегодняшнему вечеру. Любе очень хотелось понравиться Николаю, а он ей обязательно понравится, она знала это точно. Она найдет много положительных и красивых черт в нем, чтоб влюбиться. Снова будет строить радужные планы на будущее. Да, снова! Она очень хочет, чтоб ее любили, выйти замуж, родить детей и жить долго, и счастливо. Но пока не получается, ну ничего, ведь ей всего двадцать девять, она молода и еще все впереди.

Через час все было готово. Люба в красивом платье, замерла в ожидании перед телевизором, не видя и не слыша что там происходит. Звонок в дверь прозвучал неожиданно резко и вспугнул ее. Подошла к зеркалу, бросила быстрый взгляд, настоящая русская красавица, с голубыми глазами и курносый носом. Нервно поправила волосы и улыбнулась. Минутку постояла, стараясь успокоить бьющееся сердце, готовое выскочить из груди. Открыла дверь.

На пороге стоял мужчина лет сорока, высокого роста неспортивного телосложения, полноватый с заметным животиком, одетый в дешевый темный костюмчик. На голове густые, давно не стриженные, каштановые с продресью, спутанные волосы. Пухлые губы разъехались в улыбке, обнажив крупные зубы, чем шире улыбался, тем уже становились глазки. Крупный, мужской нос его не портил, придавал его лицу уверенность и надежность. Окинув взглядом Люба немного разочаровалась, но миг взяла себя в руки, улыбнулась и вежливо отошла в сторону, приглашая войти.

- Проходите, Николай.

- Можно просто, Коля,- переступил порог мужчина. Он не знал куда деть свои крупные руки, подать руку для рукопожатия женщине вроде бы не удобно, лобызать ручку не приучен. Джентльменский набор, в виде цветов и конфет не захватил, которые можно было красиво преподнести - не по-мужски

идти через весь город с цветами, как жених какой-то. Поэтому потирал руки и улыбался застенчиво (как дурак).

При первой встрече Люба плохо разглядела его и вот мгновенный взор рассказал больше чем целый вечер.

- Мой руки, Коля, будем ужинать,- показала рукой в сторону ванны.

За ужином, Николай был оживлен и весел, разливал по бокалам вино, говорил тосты. Прошла скованность, завязалась беседа. Ел мужчина много и жадно, как у себя дома, без стеснения.

- Жарко, - Коля вытер лоб рукой.

- Сними пиджак, Коля,- предложила Люба.

Через полтора часа ужин подошел к концу, мужчина тяжело откинулся на стуле, вытащил из кармана пиджака сигареты без фильтра.

- Можно?! - утвердительно спросил он и закурил, смачно выпуская клубы дыма изо рта и носа.

Кухня вмиг наполнилась запахом едкого дыма. Люба молча встала, открыла форточку. «Это и есть мужской запах, о котором мечтают все женщины, - подумала она - А надо ли мне это?» И снова отогнала нехорошие мысли в сторону. « Если хочешь замуж, надо терпеть или всю жизнь проживешь одна. Может он человек хороший?» Может и существуют идеальные мужчины, но они не для нее, почему-то решила Люба, невысоко оценивая свои возможности.

Остаток вечера прошел в спальне. Для мужчины по-другому и быть не должно, а иначе зачем он пришел сюда? Люба это давно усвоила и не сопротивлялась, как же еще она сможет понравиться? А то мужчина может обидеться или вообще разозлиться и уйти, и возможно навсегда.

Коля быстро уснул, из приоткрытого рта вырывались непонятные звуки и вонючее дыхание, которое заполняло всю комнату. Она прижималась к теплоту и уже такому родному телу, мечтая засыпать так каждый день.

- Здравствуй, тетя Шура,- возле лифта, Люба поздоровалась с соседкой.

- Здравствуй, здравствуй, Любочка. Видела утром от тебя очередной кавалер вышел,- поприветствовала пожилая женщина, укоризненно покачав головой.

- Ну почему сразу очередной, может это моя судьба.

- Может, Люба, только ты бы сначала узнала об этом, а потом в постель укладывала. Они же любят серьезных барышень, которые не вешаются на первого встречного. Ведь нехорошая слава впереди тебя бежит. А ты девушка добрая и хозяйственная, из тебя получится хорошая жена и мать, только они этого не знают.

Тетя Шура была подругой матери и знает ее с младенчества, поэтому она не обижается на нее. Люба с рождения живет в этом доме, где все друг

друга знают хорошо. Они жили вдвоем с матерью. Мать, изможденная женщина, вечно занятая на работе, заботилась, чтоб дочь была сыта, одета, обута. На ласки время не хватало, да и не приучена выставлять чувства на всеобщее обозрение, всю любовь в себе держала. Но знала точно, если бы ее дочь голодала или у нее не было всего необходимого, что есть у сверстников, то никакая ласка не смогла бы заменить материальное благополучие и сделать дочь счастливой. Может работа и подорвала здоровье матери и спровоцировала ее ранний уход.

- Помню, когда мы с твоей матерью, царство ей небесное,- перекрестилась тетя Шура. - выбирали тебе имя, твоей маме очень понравилось имя Люба, Любовь. Пусть все кто будут называть тебя по имени, будут признаваться тебе в любви, так она решила.

- Да, я знаю это,- сказала Люба, а про себя подумала, что никто в ее жизни не приголубил, не приласкал ни словом, ни жестом.

Люба помнит, как в детстве она ложилась спать и говорила, мысленно обращаясь к матери: «Мама, мамочка я люблю тебя.» Ей необходимо было сказать кому-нибудь эти слова и услышать их в ответ. С тех пор прошло много лет, а потребность в этом осталась по - прежнему, порой до трепета, до слез. Разве многого она хочет?

Все знали, что Любка любого мужика примет, накормит напоит и приласкает. Ничего с этим Люба сделать не может, жалко их становится, когда они плачут у нее на груди. Надеется, что вот этот оценит заботу и не захочет уходить, а после полюбит ее, а она всю жизнь будет его на руках носить. Но все они, проснувшись утром, исчезали за дверью, не обещая даже позвонить. А она ждала, ждала каждый раз и надеялась. Бежала с работы домой, готовила ужин, а после сидела у телевизора и прислушивалась к шуму лифта.

Время идет, года идут, но ничего не меняется. Люба много думает и все чаще приходит к мысли, может ей родить маленького человечка, которого она будет любить всем сердцем и он будет отвечать ей тем же, просто так, за то что она его мама.

Кахутина Светлана***Российские купюры***

В кармане у мужчины неаккуратно лежали деньги. Им было неудобно лежать в такой куче, и купюры начали шелестеть и шептаться.

- Как это неприятно находиться в таком помятом состоянии, - высказалась тысяча, - это неуважение к деньгам. Я считаю, что это непозволительно, при таком обращении он скоро останется без денег. Без нас человек даже до родного дома не доедет. К нам нужно относиться с уважением, холить и лелеять нас. На моей купюре изображен сам Ярослав Мудрый, уж он знал, как заработать деньги и как сберечь их. На то он и Мудрый, сколько он основал новых городов, сколько храмов построил, не без нашей помощи конечно. За что ему честь и хвала.

- А на мне изображена Красноярская ГЭС и мост через Енисей, который находится под охраной ЮНЕСКО", - вступила в разговор десятка, - и мне тоже неинтересно лежать в смятом состоянии в грязном кармане. Выпасть надо из него.

- У тебя достоинство маловато, - съязвила пятисотка, - так что никто и не заметит твоей пропажи.

- Друзья, я тоже небольшого достоинства, - сказала сторублевка, - но на мне изображен Большой театр столицы нашей Родины. Один раз я попала в театр с солидным культурным человеком, у которого я лежала в портмоне и прослушала всю оперу с великолепной музыкой и красивыми голосами. Но вскоре мужчина купил книгу, расплатившись мной, и я осталась в книжном магазине. Там было интересно и познавательно. Я ушла оттуда очень умной, но попала вот к этому разгильдяю.

В разговор вступила пятидесятая купюра:

- А я, господа, много поездила по свету, правда в пределах Российской Федерации, ведь я родом из Хабаровска, с великого Амура. Я побывала в Архангельске и на Соловках - на родине моей младшей сестрички, пятисотки. Была и на море в городе Сочи, в столице олимпиады. Я надеюсь попасть на открытие и на соревнования. Я солидная купюра, мной не стыдно расплачиваться, я имею вес среди богатой публики.

Тут не выдержал рубль:

- Вы посмотрите на неё, вес она имеет. Ну, вставай на весы, кто из нас тяжелее? Мы, монеты, имеем настоящий вес, а не эфемерный. Милостыню люди дают всегда монетами, мы помогаем бедным, обездоленным. Нас подают около церкви, это святое дело. Монетку бросают на память в самых красивых местах мира, с надеждой ещё раз туда вернуться.

- Да, это прекрасное, благородное дело, - согласилась купюра в пятьдесят рублей. - Я сама из Питера, это культурная столица нашей страны, её основал сам великий Петр I. Сюда приезжает много иностранцев, изучают

нашу историю, восхищаются нашими храмами, знакомятся с русскими людьми и ценят их искренность. И нам, российской валюте, надо быть на высоте и держать свою марку с достоинством.

В куче денег в кармане оказался доллар. Он с важностью стал выговаривать:

- Какое там у вас достоинство, каждый день курс рубля падает, того и гляди опять рухнет, как в 1998 году. Живёте только за счет продажи нефти и газа, и ничего не производите.

Тут рубль отважно вступился за своих:

- А вы вообще скоро пропадете. Вот Китай откажется от долларов и вам будет конец. А в Америке вашей, по предсказаниям, грянут глобальные катастрофы, и ещё неизвестно, где вы окажетесь.

- Молодец рубль, - поддержали его все российские купюры, - мы надеемся на укрепление своей валюты и на возрождение нашей прекрасной Родины.

Мечта души – Валаам.

Давно моя душа стремилась на Валаам, и вот мы на пути от Петербурга к Ладожскому озеру. Осень, раннее утро, постепенно начинает светлеть, по полям стелется туман и медленно восходит солнце. Багровый шар выползает из-за горизонта, раскрашивая небо в яркие цвета, каждую минуту меняя десятки оттенков и узоров, и страшно потерять каждый миг этого счастья. За поворотом появилась зеркальная гладь просыпающегося озера, солнышко отразилось в нём, приняло утреннюю ванну и чистое стало подниматься выше. Пора начинать работать, давать свет и тепло всему живому на Земле.

А мы уже подъехали к озеру, пересели на катер и отправились к священному острову Валаам. Ладожские воды спокойны и приветливы, и мы долго плыли под тихое журчание волн, они нас укачивали и успокаивали, как бы подготавливая к великой миссии. И вот мы подплываем, сердце бьётся чаще, вдали видны зелёные холмы. Всё ближе, ближе, ура, долгожданный Валаам!

На горе возвышается Воскресенский скит, и нас встречает колокольный звон, приглашая в Святую Обитель. В храме мы слушали божественные песнопения с удивительной, необыкновенной тональностью. Их исполняли четыре монаха с чистыми и светлыми голосами, которые, сливались в один поток и улетали к небу.

Мы долго гуляли по лесу, окрашенному в яркие и сочные осенние цвета, среди деревьев вдруг появляется изящная белая церковь Богородицы, а рядом небольшое спокойное Никоновское озеро, усыпанное желтыми листьями. Вот крутой склон и внизу тихое журчание речки, она как будто рассказывает, как она счастлива и как хорошо ей здесь живётся. А на берегу стоит каменный поклонный крест, и над ним склонились ивы. На горе Елеон восхищает нас часовня Вознесения, окружённая мохнатыми соснами, от неё вьётся "тернистая" дорога, сложенная из причудливых коряг. Вот я и в раю, и от счастья я пою!

На территорию основного монастыря мы опять плыли на катере, а по дороге открывались удивительные картины природы. Рельефные островки выплывали один за другим с причудливыми береговыми линиями и тихими озёрными заводями между ними. На островах появлялись то парящая церквушка, то изящная часовенка или ажурная беседка. И вот вдалеке среди макушек деревьев мы увидели Спасо-Преображенский монастырь – сердце острова, из красного основания и возносящихся голубых куполов, словно это взлетает божественная душа Валаама.

Во время экскурсии мы узнали, что во все века какие бы страны не завоёвывали остров, монахи никогда не брали в руки оружие и не сопротивлялись, а уходили в леса и молились. И бог сохранил остров, Валаам цветёт и благоденствует. Здесь на монастырском кладбище покоится прах Шведского короля, которого при кораблекрушении полуживого выбросило на берег. Монахи его с трудом выходили, и король навсегда остался жить на острове, приняв христианскую веру. Эти места посещал император Александр II и помогал в обустройстве монастыря, и в честь этого события построили часовню с иконой Знамение.

Поздно вечером мы пошли в храм на Всенощную, служба была тихая, спокойная и умиротворяющая с дивными, старинными и величественными песнопениями. А когда я на минуту в забытие прикрыла глаза, увидела перед собой небольшое, прозрачное озеро, в котором хотелось совершить омовение и очистить душу от всего наносного и ненужного. Возвращались мы со службы в сплошной тьме, под чёрным небом, и только бесчисленные яркие звёзды освещали нам путь, и казалось, звали нас к свету и счастью.

На следующий день во время Литургии, после исповеди и причастия меня охватило состояние лёгкости и полёта. Душа моя воспарила, и я, как бы сверху, увидела себя посередине храма, склоненной в благоговейном поклоне. И вот я, уже с высоты птичьего полёта, вижу монастырь с его небесно-голубыми куполами, которые уменьшаются и становятся еле

различимыми сквозь шумящие деревья. Благословенный остров, с многочисленными церквями и скитами, постепенно превращается в зелёный холм на фоне тревожных и волнующихся волн Ладоги.

А озёра, как печальные глаза нашей планеты, с надеждой и верой вызывают к Вселенной о спасении Жизни и Любви на Земле.

Талант.

Место, где я раньше работала, был большой исследовательский институт. К нам на встречи часто приглашали известных артистов, и работники с удовольствием ходили на эти встречи. Один из концертов был не очень интересный, выступали скучные юмористы с оттенком неприличности. Мы уже невнимательно слушали и разговаривали между собой, или переглядывались и кокетничали с волнующими нас мужчинами. Зал был большой, и на концерт собралась вся элита местного значения. Женщины придирчиво, критически рассматривали друг друга, оценивая наряды и внешний вид. А мужчины обсуждали проблемы работы или спорта. В зале царило своё представление, более захватывающее, чем на сцене.

Но вот появился ведущий, не заслуживший нашего расположения. Он объявил, что сейчас выйдет на сцену известный народный артист Евгений Евстигнеев и прочитает монолог из спектакля "На дне", предупредив нас, что он стесняется, и даже не хотел приезжать. И вот Евстигнеева буквально за руку выводят на сцену, и он как-то боком, крадучись приближается к нам. Невысокий, неуверенный человек в тёмном костюме, у которого голова с залысиной казалась почему-то квадратной. Он резко отличался от того, каким мы привыкли его видеть в фильмах.

Артист начал читать монолог Луки, из набившего нам в школе оскомину спектакля Горького. Но с первых же слов мы застыли, как поражённые громом, такая была мощь и страсть в каждом звуке и возгласе этого угловатого человека. Зал затих, люди боялись даже пошевелиться, чувствовалось напряжение, как перед бурей. А громогласный голос врывался в нас, поднимая вихри чувств и эмоций, и артист превращался в исполина, господствующего над сердцами и душами людей! Я не ощущала своего тела, я не дышала, я летела вслед за его голосом, я была счастлива! Был шквал оваций!

Наша Земля страдает.

Недавно я прочитала одну историю, которая поразила меня до глубины души. Это рассказ о том, как победители англичане в сражении при городе Кале во Франции, оскорбили пленников. У них было принято ходить только в длинных одеждах. Победители заставили самых уважаемых вельмож сдать ключи от города и при этом надеть самые короткие рубашки. Для жителей это было таким моральным унижением, что спустя века люди об этом помнят и даже в настоящее время не любят носить короткие одежды.

Не понятно, зачем люди придумывают никому не нужные ограничения, а потом не могут отступить от них. Противник пользуется их странной привычкой им же во вред, чтобы унижить и оскорбить, и сотни поколений страдают от этого.

Размышляя о Жанне д'Арк, мне показалось, что она, будучи ребенком, видела видение, а может просто внушила себе, что она героиня и должна спасти Францию от врага. Когда идет война, кругом горе и страдание, девушка с большим сердцем хочет помочь своему народу. И вот уже без этой идеи она не мыслит своей жизни. Всю свою энергию и мощь направляет на осуществление этой цели. Начинают складываться благоприятные условия, ширится молва об её делах, и она не может свернуть со своего пути. Надо идти только вперёд и побеждать, или погибнуть героем и прославиться в веках.

А вот ещё страшные последствия от ограничения. Екатерина Медичи во время правления всю свою жизнь старалась примирить католиков и протестантов, враждовавших из-за незначительных отличий в канонах религии. Люди одной нации уничтожают друг друга с изощрённой жестокостью и ненавистью. Ни одно животное не позволит себе это сделать, уничтожить себе подобного просто так, без надобности.

Во время Французской революции народ обезумел от свободы, и во имя равенства и братства казнили сначала королей и вельмож, потом та же участь постигла их судей и обвинителей. Вскоре от испуга начали доносить на соседей, друзей и на гильотину привозили казнить людей уже целыми телегами. Хоронили без разбора в одной яме, так что даже останки королевы Марии Антуанетты не смогли найти в общей куче тел.

Почему же люди с тонким вкусом, любящие всё изящное и возвышенное, столь жестоки друг к другу. Придуманная условность калечит души людей, ставит человека в рамки общения и поступков, не дает полностью раскрыться в этой жизни.

Человеку необходимо открыть свои таланты и сделать что-то прекрасное и удивительное на радость всем людям и только потом с миром и покоем уйти в другое измерение. И пронесется счастливая душа над полями и морями последний раз полюбоваться прекрасной и родной Планетой, дивясь её необычайной красоте. Улетая во Вселенную, захочется душе обнять и приласкать печальный образ Земного Шара. Земля наша страдает, когда идут войны, бесконечные взрывы и гибнут тысячи людей - самое великое создание Бога.

Незаконченный шедевр.

Однажды я видела отрывок из мультфильма по повести Н.В. Гоголя "Шинель". Затаив дыхание, я смотрела его минут пять, боясь упустить каждое мгновение этого чуда. Фильм был черно-белый, словно нарисован простым карандашом, в виде бесконечных штрихов, которые непрерывно двигались.

Показывали сцену, как Акакий Акакиевич пьет чай перед сном. Все его лицо менялось ежесекундно, выражая разные эмоции от удовольствия и блаженства, когда он прихлебывал из блюдечка горячий, ароматный чай, до грусти и печали, когда заканчивался сахар и он пальчиком собирал на столе крошки, не оставляя ни одной самой маленькой. А потом не выдерживал, откалывал еще кусочек и с наслаждением смаковал его. Маленькие черные глазки тоскливо выглядывали из-под ресниц. Взгляд был грустный, даже когда ему было хорошо. Юркие, нервные пальчики бегали по лицу, одежде или по столу, опять ища крошки. Весь он был несчастный и забитый, тельце его постоянно меняло свое положение и ерзало. Предметы в комнате находились в едва уловимом движении. Стол, стулья, чашка словно жили одной жизнью с ним и были верными друзьями. Ни один артист не сможет сыграть так ярко и жалостливо, и никакие компьютерные эффекты здесь не помогут. Уже после минуты просмотра у меня ком подкатил к горлу, мне хотелось его приласкать, погладить и заплакать от жалости.

Про работу над мультфильмом рассказывали по телевизору в новостях и пояснили, что его снимает Юрий Норштейн с 1981 года, и он еще не закончен. Этот фильм по впечатлению и ощущениям намного превосходил саму повесть "Шинель", которую я сразу решила перечитать. Там не было той высокой ноты тоски за человека, которая со стоном вырывалась из груди.

Впоследствии я долго ждала, когда закончат мультфильм. Часто вспоминала и рассказывала о нем с восхищением своим знакомым. И вот через несколько лет по телевизору мелькнули до боли знакомые кадры. Автор рассказал, что фильм до сих пор не снят. Сначала не было денег, потом погиб

друг и соавтор и не осталось моральных сил продолжать съемки одному. В конце беседы пообещал, что все-таки соберется с духом и закончит работу в честь своего друга. А потом показал много ящичков, в которых лежат многочисленные детали к фильму. Ящик с руками и пальцами, ящик с губами самой разнообразной формы, ящик с сотней черных глаз, от скорбных и грустных до радостных и сияющих.

У меня было ощущение, что я встретилась со старым знакомым и была уверена, что фильм наконец-то сделают. Но опять прошло несколько лет, а его всё нет. Более гениального мультфильма я не видела.

Круговорот любви.

У меня под окном растёт красивая сирень, она усыпана цветами и пахнет великолепно. А через дорогу красуется мощный каштан, он весь зелёный с многочисленными белыми цветами, которые стоят гордо, как свечки. Каштан выглядит просто, как жених, и сирень влюбилась в него, она показывала какой у неё нежный, сиреневый наряд и какой она источает аромат, словно французские духи.

Каштан соглашался, что она очень хороша, но относился к ней чисто по-дружески, а влюблён он был в изящную и кокетливую берёзу. Она была высока, стройна, с гибким станом. На конкурсе лесных красавиц она заняла первое место среди деревьев и кустарников. Вот она была бы достойной невестой, мечтал каштан.

Но берёза больше обращала внимание на ветер, он так нежно ласкал и гладил, играл её кудрявыми ветвями и шептал много приятных слов, обнимал её за стан и кружил вокруг неё, и берёза была счастлива.

А легкомысленный ветер, вдоволь наигравшись, улетал высоко в небо, там было намного просторней, чем на земле, и там жила его любимая тучка. Он рассказывал ей последние новости, где что случилось, а она всё в подробностях расспрашивала, потому что была любопытная и любознательная. Она часто резвилась, изображая разные формы или каких-нибудь животных, которые живут на земле, а ветер весело помогал ей в её забавах. Ветер носил свою тучку куда бы, она не захотела отправиться. Они путешествовали над разными странами, видели много красивых городов, морей и гор, но тучка больше любила родные места и начинала плакать.

Слёзы лились сильным дождём и поливали нашу грустную сирень. Дождь очень старался понравиться сирени, он поил её водой, омывал её ствол и каждую веточку, орошал её листья и цветочки, и она благоухала ещё

нежнее и тоньше. Он говорил, что без него она не сможет жить, и только с ним она будет счастлива. Сирень была благодарна заботливому дождю и действительно расцветала и хорошела всё больше. Но душа её страдала и мучилась и была безутешна...

Капля

На ярко-зелёном листе берёзы отдыхала прозрачная капля, она была очень изящная и сверкала на солнце, как чистый алмаз. Капля проснулась, потянулась, улыбнулась навстречу дню и стала скатываться с листочка на листочек, орошая своей водой, и все восхищались ею, как она лучезарна. Капелька вдруг загордилась: «Ах, как я хороша собой, как я чиста и нежна, нет в мире больше такой удивительной капли». Но ей стали говорить, что капель много, и она не одна такая. На что она очень возмутилась: «Как же так, я вся из себя такая великолепная и восхитительная, у меня такая прекрасная форма. Что вы, я так много всего умею делать, я могу напоить целого комара или какую-нибудь красивую травинку. Я могу испариться и взлететь в воздух, могу превратиться в маленькое белое облачко. А если похолодает, вернусь градинкой на землю или лёгкой снежинкой опущусь на стекло и нарисую загадочную картину. Я могу превратиться в туман и утренней росинкой появиться опять на этом листочке». Капля с интересом осмотрелась, какой она произвела эффект, и все листочки согласились, что она действительно, очень нужная.

Но тут прилетел воробей и за секунду выпил каплю, все на него стали ругаться: «Зачем ты выпил такую важную каплю, как мы теперь без неё будем жить». Воробей очень испугался, начал оправдываться, что он совершенно случайно это сделал и ничего плохого не хотел. От волнения воробей весь ужасно вспотел, и капля из него испарилась, немножко полетала, похихикала и уселась опять на листочек. Все были просто счастливы, что она вернулась. А капля с гордым видом начала читать лекцию о внутреннем строении воробья, который сидел, ни жив, ни мёртв и с большим уважением слушал докладчицу. Со всех сторон стали слетаться разные птички, жучки и насекомые, чтобы послушать умную каплю. А она так разошлась, что начала рассказывать обо всём подряд, из чего состоят земля и цветы, воздух и деревья.

Но вот пошёл дождь, увлекая с собой нашу капельку, а на листочках появилось много таких же капель. На земле уже бежали весёлые ручейки, превращались в широкий поток и вливались в бурлящую горную речку, набирая мощь и силу. Капля обрадовалась, что у неё так много братьев и сестёр и что, вместе они могут свернуть горы. А речка уносила свои воды в могучий, необъятный океан, и здесь уже мощь огромной волны не могла сравниться ни с одной силой мира. И наша капелька была миллиардной долей этого великого, движения воды.

Светлана Трихина

Ещё раз о любви.

А.А.

Последнее время она не могла ни о чём думать, о нём и только. Двигалась механически, делала дела, доведённые до автоматизма, лишь их, другие не шли. В остальное время она держала руками сердце, чтобы придать ему хотя бы подобие равновесия, дышала поверхностно: казалось, вздохни посильнее, и сердце оборвётся и выскочит из груди сдувшимся резиновым мячиком.

Мысли? Мыслей не было. Она не строила планов. Просто оказаться рядом и взять за руку. Больше ничего нельзя, на чужом не построишь. Как Париж: увидеть и умереть.

Мама говорила: «Не вздумай!». Мама говорила: «Я лягу поперёк дороги! Детей погубишь, дура!». Он тоже говорил «дура» и боялся, и надеялся, и спасал. Её. От себя. Это была грамотно организованная спасательная операция. Все спасали всех.

Она была сухо отжата. Стало тяжело ходить. Какое-то полное онемение. Просто твердила его имя, про себя. Прокручивала разговоры за эти два года, пыталась найти, поймать ускользавшее, важное, хотя уже знала, нет, ощущала выболевшим нутром, это сильнее её: убьёт и не спросит.

Всё только «надо», всё только пресно, разве кофе, как-то, чуть только, слегка помогал. Младший валил учёбу. Мама говорила: «Не упусти ребёнка!». Мама говорила: «Трудный возраст!».

- Давай, неси, - ласково младшему, - будем делать уроки. Что там?

- Литра.

- Тащи. Что задано?

- Чехов, рассказ какой-то.

- Читай.

- Вот. «О любви».

С каждой строчкой росло её настороженное внимание. Он читал, поправляя падавшие на лоб длинные волосы, поправляя ударения по её подсказкам, а в ней что-то пришло в движение, наполняясь свежей кровью.

- Ответы на вопросы давай.

- Не задавали же ответы.

- Ну, что Чехов то хотел сказать.

- Не надо следовать обстоятельствам, надо следовать любви.

Она поцеловала младшего в душистую от хед-анд-шолдерса макушку и медленно пошла на кухню, где ждала в двойном пакете неразделанная курица.

Разрезала плёнку, бросила в мусорку, привычными движениями отделила крылья, ноги и надавила ножом поперек спины, чтобы оставить грудину целиком, держа её левой рукой, и тут в мойку из чистой потрошенной курицы выпрыгнуло маленькое упругое сердечко.

- Мальчики,- сказала она, войдя к ним в комнату и протягивая не ладони сердечко. - Вот.

- Поезжай, мама, поезжай, - ласково улыбнулся старший.

Она вымыла руки, надела шубу и пошла к машине.

Запах утра.

Demi-saison во времени года нехорош, в сумерках - другое: легчайший, вздохом, переход из света в полное его отсутствие. День статичен, ночь мертва, в них ты - инициатор движения. Застынь в сумерках, и лодка качнет тебя, отправляя в плавание.

Довосходное утро. Мудренее Богу не придумать. Ощущение невероятного, необозримого запаса времени. Самое волшебное чувство, безвозвратно утраченное нами с течением жизненных лет. Солнце движется к горизонту, а плотные, добротные пласты времени наступающего дня сложены штабелем в твоей посеревшей, рассветной кухне.

В доме пахнет душ-гелем, пеной и after-shave'ом; под журчание домашних вод вскипает кофе, заглушая запах яичницы, ab ovo. Бок дымящейся кружки греет бок твоего дымящегося сердца, где уже запущены миллионы маленьких солнц, и гормоны толкутся на остановках, докуривая вредные привычки.

Утренние новости искрят и пахнут озоном. Том по старинке ловит Джери. Политика Диснейланда. Вплестись в их шум теплым запахом своих летящих волос, размётанных феном, кинодива, леди Годива, пока твой граф, ab ovo, облачается в доспехи запонок, часов, паркеров, выстраивает ряды сверкающих пиджачных пуговиц и мощным полновесным аккордом «Sauvage» рвет финишную ленту утра, упреждая тебя, еще с запахом кондиционера для нижнего белья на умытой и розовой попе.

В стакан лестничного пролёта слит весь утренний парфюм жильцов, бежишь по следу и мгновенно застываешь от удара морозного с прельзой ноябрьского микса. Из-за горизонта стреляет первый солнечный луч и пронзает облачного змия своим сияющим копьём.

Дневник наблюдений за погодой.

«Мы так недавно знакомы», - сказал он ей вчера. Ей подумалось: «Что в этом плохого?»

Свежесть, незамутненность первого восприятия. Острота и новизна первых суждений, самых чутких, самых правильных. Внутренних токов первые пульсы. Их не обманешь.

Потом всё смешается: земля и небо, чёрное и белое, ложь и правда.

Мы наденем передники и станем варить это блюдо, добавляя соль и специи, ты и я, каждый по вкусу. Обжигаясь и чертыхаясь. На слабом, сильном, медленном огне. Вовсе без огня. Сочиняя на ходу. Плывая по течению, чтобы, в итоге, явить миру это божественное варево, несъедобное ни для кого, включая самих поваров авторской кухни.

Она надела чёрные колготы и туфли. Защемила голову наушниками. На улице весна и солнце, а ночи пока морозные.

На газонах подламывались под тяжестью своих невесомых бутонов крокусы. Ветры теребили чёлки, и улыбались девчонки.

Купила в книжном дневник наблюдения за погодой. Для школьников.

И, высунув язык, надписала красивым почерком:

ДНЕВНИК НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ПОГОДОЙ ЛЮБВИ
Ученицы 1 а класса коррекционной школы отношений
Солнцевой Светланы.

Потом аккуратно записала число, значения параметров и поставила первые красные точки на расчерченных осях координат...

Ноев ковчег

В ближайшем Подмоскowie стоял дом. Он не был окружен садом. Его ограждали кругами разного диаметра два металлических забора, крашенных терракотовой краской. Участок был стриженным зеленым газоном в круге первом, и менее ухоженным, желтоватым, поросшим кустами пижмы лохматым лужком – во втором.

Ночью первую калитку сторожили два паука. Они жили под навесом, заплетая его полукружья с двух сторон ажурными тенетами. Правый паук был заметно крупнее, и дела его шли успешнее: в то время как левый собрат был погружен в бездвижное ожидание, он проворно оборачивал маленьких кукольных Фрод в липкие шелковистые коконы.

Дорожка от первой калитки ко второй была вымощена керамическими следами неведомого йети. Тщательно прорисованные пальцы ног оставались далеко за пределами подошв посетителей, а толщина следов и расстояние между ними были столь велики, что возникало ощущение переправы в

ледоход. Прыжок на последний левый след вызывал неожиданный взрыв электрического света под навесом второй калитки, за которой следы продолжали свой бег до высоких ступеней крыльца. Здесь охранную эстафету принимали собаки. На уровне полутора метров крылечко заканчивалось площадкой с двумя креслами, и снова ряд крутых ступеней убегал за красный кирпичный бок первого этажа, туда, где скрывались таинственно заплетенные плющом террасы.

Несмотря на пустынную участку и абсолютный минимализм фасада, дом поражал редкостным изобилием. В нем было много всего: людей, детей, собак, котов, куриц, была даже коза. Это чувство удивительной наполненности было странным и органичным одновременно, причем относилось как к живой, так и неживой природе. Многоярусные ряды обуви и завешанные штанги костюмерных, на колесах, вешалок почетным караулом встречали гостей в прихожей. Лестница на второй этаж, обрамленная зеркалами с двух сторон, ломано пересекала пространство. Спускаясь и поднимаясь по ней, можно было видеть себя в полный рост. Изобилие комнат наверху перемежалось аквариумами с пираньями, зеркалами и разбросанными там и тут диванами. В просторных ваннах комнаты душевые кабины, брызжащие водой, светом и музыкой, напоминали инопланетные летательные аппараты.

Обитатели второго этажа - три девушки и шестеро молодых людей - имели привычку собираться в большой угловой кухне. Кухня, как магнит, тянула к себе в любое время суток. По длинным подоконникам стояли кастрюли, контейнеры с фруктами и ванночки с пророщенным зерном. На заднем фоне сушилка и гладильная доска, из которой осколком торчал уют, прижимались друг к другу боками, освобождая проход группе холодильников.

Штукатурку входной и правой стены покрывали полосы пастельных тонов от желто-розового до фишашкового. Плита со столешницей находилась за небольшим выступом, поэтому от входной двери невозможно было увидеть, есть ли там кто-нибудь. Пространное, в темно-синюю полосу кресло прикрывало собой беззащитный бок мягкого уголка. Утонуть в нем было настоящим наслаждением. Обитатели покидали дом ненадолго и в разное время суток, поэтому на кухне всегда была парочка молодых людей, которые готовили, и одна из девушек с чашкой кофе на маленьком стеклянном столике в металлической оправе. Состав трио всегда оставался случайным. Все это создавало обстановку странного уюта. Разговоры были малозначащие.

За синим креслом начиналось угловое окно и продолжалось до входной стены. На белом тюле ярко тлели две короткие велюровые занавески ядовитого рябинового цвета. Они висели рядом. Третья занавеска была салатной. Их никогда не раздвигали, они развевались на постоянно открытых окнах, и солнце било насквозь, превращая комнату в цветной калейдоскоп. По

вечерам под потолком включалась слепая висячая лампа с большим малиновым абажуром. Она создавала пугливый полумрак, и только вытяжка горела ярким маячком. Было тихо и покойно. Стояла кружка с кофе. Что-то монотонно булькало на плите. Высокий дом царил над пустырем, как Кремль, окруженный кольцами, и об его кирпичные красные стены разбивались шумные волны мегаполиса.

Бабушкинская. Виолончель Растроповича.

«Бабушкинская» - это не станция для бабушек, это станция для приключений. Впрочем, как любая другая в Веткиной жизни.

«Давненько не была», - подумала она, направляясь на долгожданную встречу у часовенки: из головного вагона направо, до стены и ещё раз направо, которое, к слову, было заколочено /ремонт/ и пришлось идти налево.

Было уговорено: звонок, контрольный, с «Проспекта Мира». Время посадки в метро было помечено друзьями, ждущими у часовенки на машине. Очнулась Ветка от ключевого слова «проспект» в неправильном словосочетании «Ленинский». Ну, сочетание-то правильное, направление обратное.

Увидев глаза и кулаки долгожданных и долго ждавших друзей, она вспомнила «бабушкинскую» историю о беспамятстве и невнимательности, назовём её «Виолончель Ростроповича».

Было это давно. Старший Женя учился в школе при музучилище. Там гуляла по ученикам, передаваема по наследству, рабочая виолончель, ещё неполная, что и было причиной её постоянной передачи, ибо ученики вырастали. Ростроповичу она не принадлежала, просто однажды он давал на ней мастер-класс.

Частично деревянному шпилью потребовалось реновация, а на Бабушкинской жил Владимир Иванович, виолончельный мастер.

- Свет, давай-ка я её целиком подновлю, - сказал он, осматривая инструмент, - историческая вещь. Будет, как новая!

Была земля белым- бела, мела метель в то утро, когда Ветка с Женей в катастрофическом цейтноте вымахнули из дома. Кто из них поставил футляр с «как новой» виолончелью Ростроповича к носу «Старекса» уже неважно.

Было это через пару-тройку дней после Бабушкинской. Минивен поднятый, высокий, футляр не видно, и он тихо упал и прошёл между колес 2-тонной машины, когда тронулись. При повороте направо Ветке запомнился лёгкий хруст.

- Снег, - подумала она.

Когда у колледжа футляр не обнаружился, она вспомнила про снег. Позвонила соседке, бабе Ане.

Седельникова Ирина***Мелкая дрожь.***

Мелкая дрожь. Пустота. За окном темнота. Всё бесцветно. Я не имею света. Мерзкий зуд на коже. Сквозь тишину этой комнаты я могу слышать вой в своей голове. “Ты со мной?”, – хочу я спросить, но никого нет. Пустота.

Мелкая дрожь. Слова, которые не могут стать чем-то целым. Обрывки мыслей, летающих в тишине. Я не могу собрать их воедино. Путаница.

Мелкая дрожь. На небе россыпь из звезд, которые соорудили созвездия. Картинка перед глазами расплывается.

00:03 Я не могу закрыть глаза. В голове пульсирует боль. Целостные созвездия превратились в судорожно разбросанные точки за окном. Беспорядок.

Мелкая дрожь. Руки трясутся. Дыханием оставляю мутные пятна на стекле. Они исчезают. В голове все еще слишком много шума. Темнота вокруг. В этой тишине я слышу свои мысли. Пожалуйста, скажи хоть что-то, чтобы отвлечь меня.

Мелкая дрожь. Все плывет перед глазами. Отражение в окне растворяется. Кажется, меня не существует.

Инструкция.

Держите мой рот на замке. Руки скуйте цепями. Им всем плевать. Мне стоит окаменеть и остановиться. Мой замерший взор будет устремлён под ноги на разваливающуюся землю.

Держите меня взаперти. Не говорите ни слова. Потому что ваша речь потребует моего ответа. А это не будет тем, что вам понравится. Каждое моё слово пропитано всеобъемлющей пустотой.

Держите своё сознание вдали от моего. Не смотрите на меня. То, что есть в моей голове, не может быть воспринято вами так, как должно быть. А мой взгляд в ваши глаза может заставить оледенеть что-то очень слабое в вашей грудной клетке.

Держите свои руки при себе. Не пытайтесь меня как-либо задеть. Потому что все то, что можно было разрушить во мне, я разрушил сам, не оставив никому и шанса. Всё то, к чему однажды можно было прикоснуться, теперь покрыто шрамами.

Вместо всего этого, чтобы было проще, с самого начала выкиньте меня на помойку. Лучше – сожгите.

Бессмысленность.

Мысли разбросаны по всему сознанию. Выдумывай, создавай свои чувства, чтобы казаться наполненным, не пустым.

Посмотри на себя. Обессиленный взгляд сверлит твое лицо. Ты жалкий. И ты пустой. За тобой есть только лишь тень насмешек и голос глухой. Наверное, стоит подумать об этом.

Безмолвие внутри тебя. Нет слов, что ты мог бы сказать. Отвернись, страшась себя самого. “Бессмысленность” должно было стать твоим первым именем.

И даже когда возвращается солнце, твои мысли остаются с тобой, потому что в тёмное место в твоей голове не способен пробраться и луч света.

Всё, что есть у тебя сейчас, раньше было последним, что хотелось иметь. Мы знаем, ты стал разочарованием самого себя.

И даже если ты отвернешься от своего лица. Твой разум тебя уничтожит.

Это не смешно.

На пустой кровати,
Где ты один, и никто никогда не появится,
Главное – не потеряться.
А если терять, то обиды прошлого.

Позапрошлым летом я начал терять себя.
Привет, это снова я с жалким нытьём от самого своего первого лица.
Я могу сказать тебе о многом, но я не хочу. Мои мысли в разnobрос.
Мне нужно сказать.

Я не знаю, с чего начать. А стоит ли начинать?
Знаешь, я хочу лишь сказать, что два года теряю себя на пустой кровати.
Без тебя /кто бы ты ни был/, без клетчатого покрывала.

Закрой, пожалуйста, дверь, а за одно и меня.
Я устал от себя, устал от людей, в спину стреляющих мне разрывным
снарядом их “юморного” слова.
Я посмеюсь над собой вместе с ними.
Приду домой и, глядя в зеркало, разобью его.

Они смеются надо мной. Мне же это ни разу не кажется смешным.
Я подвешан на люстре, цепляясь головой за петлю.
Смейся. Ведь я этого только и стою.

На замену старому всегда приходит новое.

На замену старому всегда приходит новое. Я уйду, и появится кто-то другой, от которого пахнет цитрусом и жасмином, а в правой кисти он будет сжимать бутылочку виски.

На замену старому всегда приходит новое. Я отойду, лишь чтобы посмотреть на старый снимок. Вернусь — и ты уже с другим, и звуки фотокамеры, запоминающей теперь чужие лица.

На замену старому всегда приходит новое. И новый день сменяется другим. А я слоняюсь все по тем же старым улицам, вдыхая полной грудью едкий дым.

На замену старому всегда приходит новое. И я хочу тебя забыть и отпустить, чтоб обязательно ко мне пришёл бы кто-нибудь другой, без всяких этих кисло-сладких запахов от бледной шеи.

На замену старому всегда приходит новое. “Моя прекрасная Софи”, - в последний раз мир слышит эти звуки. И я встречаю солнце на крыше старого отеля, и что-то новое трепещет глубоко внутри.

Твоя сила в тысячах планет.

Закрой глаза. Разбей лампу. Ослепи меня своим светом. Ты мерцаешь в темноте.

Звезды меркнут. Фонари погасли. Твоя сила в тысячах планет. Это нечто иное, нечто за пределами разума и реальности. Твои глаза поглощают тьму, но ты не оставишь за собой пустоту. После тебя все оживает.

Порви картины. Разбей зеркала. Оставь мне осколок на память. Ты способен оживлять сердца.

Цветы распускаются. Снег растаял. Твоя сила в тысячах планет. Это нечто иное, нечто в роде магии и волшебства. Твоя душа согревает, и ты не оставишь за собой опаленный след. После тебя все возрождается.

Сохрани меня в своей светлой душе. Обдавай мерцанием сердца. Позволь мне согреться.

Это нечто иное. Твоя сила в тысячах планет.

Абсолютная ложь.

Что мы можем сказать теперь?

Сейчас, когда все кажется таким бессмысленным и таким пустым, могу ли я верить в то, во что верил однажды?

Могу ли я верить самому себе? Потому что теперь каждое слово, что было сказано мною, кажется ложью.

Абсолютная ложь.

Я.

Моё существование.

Ты.

Смысл.

Жить.

Абсолютная ложь.

Я потерялся в поисках своей истины.

Я потерялся в поисках тебя.

Я потерялся в поисках себя.

Когда все, что у нас есть, это тишина пустой комнаты, что мы скажем теперь?

Какую ложь ты вновь попытаешься выдать за истину?

Ты такая пустая.

Ты такая бессмысленная.

Ты то, что я хочу выбросить в окно.

Последнее, что мне бы хотелось увидеть в жизни, это ты.

Потому что увидеть тебя средь бела дня – самое ужасное, что может быть.

Иногда я задаюсь вопросом «Почему ты вообще еще существуешь?», потому что ты такая ничтожная, что не должна была вовсе явиться на свет.

Но потом я смотрю в зеркало.

В своём отражении я вижу тебя.

Кажется, все становится на свои места.

Протасов Сергей***Ужин***

Быстрым шагом он вышел из переулка на плохо освещенную улицу. Сердце бешено колотилось, лоб покрыла испарина, по щекам текли капли пота. Он знал, что не успевает, но на подсознательном уровне чувствовал – ему не дадут опоздать.

Он бросил взгляд на циферблат своих электронных часов.

21:32

Еще около часа в запасе. Час и четыре минуты, если быть точным.

Сбавив шаг, он полез в карман штанов за пачкой сигарет. Зажав желтый фильтр между чуть менее желтых зубов, его рука вновь скользнула в карман. Спички. Прежде чем чиркнуть спичкой о коробок он поправил на плече лямку от сумки-холодильника. Сумка была не большой, темно синего цвета, прямо под цвет джинсовых штанов.

Пламя ярко вспыхнуло, озарив заросшее черной щетиной худое лицо. Запах серы ударил в нос и мгновение спустя к нему присоединился аромат дешевого табака. Он остановился возле парковочного столба, сделал глубокую затяжку, и медленно выдохнул. Дым, словно воздушная вата, не спеша вытекал изо рта и ноздрей, и он чувствовал, как успокаивается. Сердцебиение уменьшалось, дыхание становилось более ровным, а чувство тревоги постепенно таяло как сигаретный дым в воздухе.

Сигарета продолжала тлеть зажатая между средним и указательным пальцем, а он стоял с закрытыми глазами, опершись на столб, делая поочередно глубокий вдох и выдох. Вдох. Выход. Это успокаивало. Отдышавшись и пару раз глубоко затянувшись, он возобновил шаг, но уже никуда не спеша. Времени хватит. Уверенность в этом окрепла.

Сигарета давала иллюзию контроля над ситуацией, но он всё же прокрутил в голове порядок совершенных им действий.

В супермаркете всё прошло на удивление гладко. Он и не думал, что может быть так просто, но людская беспечность сыграла свою роль. Всего-то нужно было навести шума. Как только сработала пожарная тревога, он вышел из супермаркета. Направился в переулок. Скинул серую безразмерную толстовку с капюшоном. Остался в темном шерстяном свитере на два размера больше. Снял цветные очки. Сумку-холодильник повесил на плечо. Все снятое барахло выбросил в мусорный контейнер. Когда окончательно стемнеет, какой-нибудь бомж обязательно пороется в мусоре и заберет себе эти вещи. Далее из-под свитера достал синюю бейсболку, надел ее на голову, сдвинул козырек на глаза, и быстрым шагом поспешил из переулка по заранее

продуманному маршруту в тот момент, когда вой сирен уже приближался. Всё прошло по плану, и раньше времени его никто не заметил.

Повернув за угол, он наконец-то увидел многоэтажный дом, в котором снял квартиру и вновь ускорил шаг, на ходу выбросив сигаретный окурочок. Его ещё посетила мысль, что этот окурочок впоследствии могут найти и вычислить его по анализу ДНК, но тут же эта мысль отлетела в небытие.

“Это просто паранойя и сейчас не нужно об этом думать”.

Дом был старый, квартиры в нем сдавались как посуточно, так и на более долгий период. В прошедший месяц он каждую неделю снимал новое жилье. Эта квартира стояла в конце его списка, а ее недельная аренда заканчивалась сегодня.

Он хотел выкурить еще одну сигарету, но глянув на часы передумал. Время уходило. Войдя в небольшой холл, он сразу поймал на себе взгляд молодого консьержа сидящего за пыльной стойкой регистрации. Юноша, судя по внешности родом из Индии, услышав, что кто-то вошел, оторвался от просмотра спортивных новостей и дружелюбно улыбнулся.

- Запаслись пивком, мистер Уолкер? – паренек кивнул на переносной холодильник, свисающий с плеча Уолкера.

Мистер Уолкер от неожиданности остановился и удивленно посмотрел на холодильник. По спине пробежал холодок.

- Да-да, - растерянно сказал он и даже выдавил из себя неловкую улыбку.

- Я тоже запаса, сегодня играют наши. - Сказав это, паренек кивнул на телевизор, закрепленный на стене, и вновь переключил свое внимание на спортивные новости.

- Да, наши, - проговорил мистер Уолкер (понятия не имея о какой игре говорил паренек) и зашагал к лифту.

“Мистер Уолкер. Да. В этот раз я мистер Уолкер”

В кабине лифта воняло мочой вперемешку с дешевым чистящим средством. Кнопка шестого этажа засветилась под указательным пальцем и, несмотря на вонь, он глубоко вздохнул, когда двери лифта закрылись и кабина тронулась. Но момент спокойствия прошел, как только он почувствовал слабое движение в сумке-холодильнике. Дрожь прошла по телу, и он рефлекторно глянул на часы.

21:40

“Видимо использовал недостаточную дозу. Это плохо. Очень плохо”

Содержимое желудка вот-вот выйдет наружу. Глубокий вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Двери лифта открылись, и он, чувствуя, что вот-вот блеванет, буквально вывалился из лифта в длинный коридор, освещаемый несколькими

лампочками. Одна из них мигала. Он прислонился к стене, несколько раз глубоко вдохнул, и чувство паники начало отступать на второй план. Стараясь не смотреть на сумку-холодильник и подавив желание закурить, он направился к двери с номером 19. Сунул ключ в замок. Повернул. Щелчок. Он вошел в комнату раньше, чем слабый стон донесся из сумки-холодильника.

- Папочка!

Внезапный крик радости заставил Уолкера вздрогнуть от неожиданности. Уже второй раз за пару минут. Он не сразу разглядел в полумраке прихожей свою семилетнюю дочь.

- Эмилия...

Но Уолкер не успел договорить, его дочка кинулась к нему, раскрыв руки для объятий. Он только и успел подхватить её на руки и получить звонкий чмок в щеку.

- Чего ты так долго, я уже соскучилась, - с наигранной обидой спросила Эмилия.

Уолкер посмотрел в веселые и счастливые глаза дочки и все, что его волновало внезапно ушло. Он улыбнулся, осторожным и ласковым движением убрал с глаз девочки прядь светлых волос и поцеловал в щеку. Она засмеялась. Детским, радостным и беззаботным смехом.

- Папа, щекотно, тебе побриться надо!

Уолкер улыбнулся и бережно поставил дочь на пол.

- Побреюсь, дочка.- Он провел рукой по подбородку. Пальцы встретили шершавую поверхность щетины.

- А когда кушать будем? – продолжая улыбаться детской, невинной улыбкой, спросила дочка глядя на отца снизу вверх.

Улыбка на лице Уолкера поблекла, но он тут же ответил, стараясь сохранить нотки беззаботности в голосе:

- Иди, посмотри телевизор. Сегодня играют *наши*. А я пока приготовлю ужин.

- Хорошо! – весело крикнула Эмилия, вприпрыжку побежав в комнату. Мистер Уолкер услышал, как она плюхнулась на диван и добавила громкости на телевизоре. Судя по звукам спортивный канал не интересовал Эмилию. Она включила мультки.

Уолкер прошел на кухню, поставил сумку-холодильник на стол. В сумке больше не слышалось стонов или движений.

Начинай. Начинай. Время уходит

Этот *голос*, звучащий в мозгу. Напоминающий шепот и скрежет пенопласта по стеклу в одном флаконе. Уолкер закрыв глаза, взял за голову.

Время уходит! Начинай!

Голос усилился, а в довесок к нему лампочка на кухне дважды мигнула.

- Хорошо. Хорошо. – Уолкер говорил шепотом. И начал.

Поставил сковородку на плиту. Повернул ручку конфорки на цифру три. Налил не много масла. Руки отказывались слушаться, но он знал, что время уходит и *что* случится, если он не успеет.

Дальше!

Он поморщился, услышав шипение у себя в голове, а руки продолжали делать. Руки достали из навесного шкафа доску для разделки мяса, молоток для отбивных, широкий нож и коробку с множеством специй.

Как какой-то маньяк он разложил все это перед собой на столике в один ряд и открыл сумку-холодильник. Глаза Уолкера широко раскрылись. Руки задрожали, и он чувствовал, что не в силах пошевелиться.

- Он... он должен был умереть... - прошептал Уолкер и руки быстрым движением застегнули молнию на сумке.

Убей его и продолжай. Иначе умрет она.

Голос прозвучал вкрадчиво и спокойно от чего страх сковал сильнее прежнего. Уолкер уловил различие – голос звучал уже не в голове, а позади него. Он как будто физически ощутил, что кто-то *стоит* за спиной, и резко обернулся. В этот момент свет на кухне замигал как на дискотеке, но на короткое время он увидел его. Или ее. Увидел *нечто*.

Темный человеческий силуэт. Как будто чья-то тень оторвалась и живет своей жизнью. Тень, которая может убивать. От которой исходит запах смерти. Как будто человеческая тень, но всеми фибрами души и каждой клеткой тела было ясно, что *ЭТО* не может быть человеком. Это порождение каких-то других, страшных и темных, миров. И эти глаза. Единственное, что есть на фоне плотной, зловещей и непроглядной темноты. Глаза – белые как два яичных белка, немигающие, смотрящие сквозь твою душу и в которых читается один единственный инстинкт – *голод*.

Свет мигнул в последний раз, и лампочка вновь залила ровным светом всю кухню. Тень с белыми глазами исчезла, оставив свой образ в памяти Уолкера на всю жизнь. Долгая будет эта жизнь или нет, Уолкер не знал.

Продолжай.

Вновь вкрадчивый голос разнесся в голове, как копьем пронзив все мысли Уолкера. Ему показалось, что голос прозвучал как-то веселее. Если можно так сказать.

“Тень знает. Знает, что я его увидел. Или это была специальная демонстрация?”

Отвечать на свой мысленный вопрос Уолкер не собирался. Он знал, что стоит на кону, знал, что должен сделать и сделает это, как делал уже три года в подряд. И будет делать это каждый последующий год в этот проклятый и одновременно счастливый день. День, когда его дочь вернулась с того света. Когда ее *вернули*. День, когда он впервые принес жертву во имя жизни своей девочки.

Молния сумки-холодильника медленно разошлась, открыв Уолкеру ужин.

- Он еще жив...

Значит, убьешь его. Начинай.

Убьет.

Убьет еще не однократно.

Масло на сковородке начало потрескивать, а Уолкер продолжал смотреть на дно сумки. Из сумки на него тоже смотрела пара глаз. Пара сонных, детских глаз. Ребенку еще и двух месяцев не было. Кожа из-за охлаждения начала синеть, но ребенок был еще жив. Благодаря дозе снотворного малыш не кричал и с трудом разлеплял веки, но на несколько мгновений взгляд голубых детских глаз встретился с взглядом серых глаз Уолкера.

Этот взгляд, как и *тень* навсегда останется в его памяти.

Ребенок открыл ротик, как будто хотел заплакать, но не мог.

Уолкер знал, что в данный момент мать ребенка вместе с его отцом и полицией обшаривают весь супермаркет в поисках малыша. Он мог представить шок родителей, когда они увидели, что коляска, в которой *только что* спал их ребенок – опустела. Они отвлеклись всего-то на пару мгновений, когда по *непонятной* причине что-то взорвалось, и загорелся один из стеллажей с продуктами.

Он знал, что камеры наблюдения в супермаркете сняли то, как он поджег коктейль с горючей смесью и поставил его на полку стеллажа за несколько секунд до того, как тот взорвался, окатив стеллаж жидким пламенем. Так же камеры сняли, как он вытащил из коляски ребенка, тут же сунув ему в лицо платок со снотворным и положив тельце в сумку-холодильник. Все действие заняло две-три секунды. Все движения отточены. Не успел он застегнуть молнию на сумке-холодильнике, как ноги уже выносили его из супермаркета по заранее продуманному маршруту, через переулки, где нет уличных камер. В одном из этих переулков он и переоделся, абсолютно уверенный в том, что доза снотворного была смертельной для столь маленького человечка. Он готовил все это три недели. Выбрал для

слезки семью с новорожденным, менял квартиры, покрасил волосы на голове, купил много одежды на несколько размеров больше, чтобы по камерам даже его фигуру не могли описать. И все это ради своей девочки. Уже через пару часов он с дочерью покинет этот городок. Новые документы уже сделаны, билеты на самолет куплены. Он перекрасит голову, побреется, оденется в нормальную одежду и больше никогда сюда не вернется. Он и его малышка будут счастливо жить, девочка будет расти, а он каждый год будет скармливать ей младенца под видом жареной курицы. А *тьень*, вернувшая ее к жизни, будет присматривать за его дочкой и не даст ей умереть.

Пока будет получать свой ежегодный *ужин*.

- Папа, а кушать скоро?

Вопрос дочери вывел Уолкера из размышлений.

- Да дочка, скоро, уже готовится!

Звук своего будничного голоса придал Уолкеру новую волну сил. Без всяких эмоций он достал завернутое в одеяльце, но, тем не менее, холодное тело младенца и положил его на разделочную доску. Младенец все еще шевелил губами, как будто пытался что-то сказать, но Уолкер уже не обращал на это никакого внимания.

Эмилия улыбнулась, поняв, что ужин скоро будет готов, услышав, как отец начал колотить по мясу молотком для отбивных.

Валентин Дмитриев 2***Афоризмы***

Неземная любовь
Напоминает тысячу костров.

Неземная любовь-
Наказание для мужиков.

На родной сторонке
Нам хорошо и на соломке.

Незванный гость
Напоминает в горле кость.

На чужой роток
Не повесишь замок.

На свои грабли
Не наступают дважды.

Немилость бога
Незнакома для святого.

Никакого плана
Нет у барана.

Национальные лучшие умы-
Наподобие чумы.
Одна поганка
Опаснее танка.

От капли никотина
Околеет и скотина.

Обручальное кольцо
Объединяет в одно лицо.

Образ врага
Отвлекает от своего бардака.

Осматривают глазами-

Оценивают мозгами.

Отсутствие дела
Омертвляет тело.
Прекрасной половине
Потакать надо мужчине.

Предателя повсюду
Презируют как Иуду.

После и потом
Понимают задним умом.

Праздник вруна
Подарила весна.

Преданность всегда
Проверяет беда.

Питьё по-русски
Предполагает ползать по-пластунски.

Пациент психушки-
Противник верхушки.

Под грифом "Секретно"
Покоится правда конкретно.

Папироска бабу
Превращает в жабу.
Прожитые вместе полвека
Подтверждают нравственность человека.

Пора отпусков
Проверяет верность мужиков.

Противоположный тип
Притягивает, как магнит.

Приход и уход
Планирует бог.

Радужный мир
Рисуется с окон квартир.

Русским всего лучше
Разгильдяйство присуще.

Райская жизнь в стране
Русским снится во сне.

Рекордсменом мата
Русского считают брата.

Работа не волк,
Рысью не убежит за порог.
Работа ради живота
Радости не даёт никогда.

Рождённому в бочке-
Рай и на кочке.

Синица в руках
Считается за крах.

Скупой человек
Съедает свой век.

Сильнее смерти
Святая любовь на планете.

С высоты птичьего полёта
Страданий не увидишь народа.

Своя рука владыка
Себя не оставит без балыка.

Своё я
Судить не будет себя.

Сидя без дела
Стареет быстрее тело.
С опущенной головой
Справится трудно с бедой.

Своя свобода
Слаще мёда.

Святую простоту
Сразу видно за версту.

Славы Герострата
Стыдиться надо.

Серое вещество-
Славное существо.

Самый человечный человек
Страну в хаос поверг.

Самолёт не птица-
Способности нет на ветку садиться.

Созданы для обольщения
Цветы, женщины и растения.

То яма, то канава
Такова русская панорама.
Травка-лебеда-
Традиционно русская еда.

Точка зрения
Таланта отражение.

Трусость и слабость
Талантливы на гадость.

Троянским конём
Твердыню любую возьмём.

Тихая охота-
Тоже работа.

Тунгусский метеорит
Трагедией знаменит.

Украшение из лапши-
Утешение для души.

У труса в схватке
Душа уходит в пятки.

Улетевшую душу
Уже не опустишь на сушу.
Хитрее еврея
Хохлятское племя.

Чёрный ящик-
Чистосердечный рассказчик.

Человек святой,
Что родник ключевой.

Чувство собственности
Человека толкает на подлости.

Человеку науки
Чуждо чувство скуки.

Четвероногая порода
Человечнее человеческого рода.

Шедевры искусства
Шлифуют наши чувства.
Голос совести
Глух от зова плоти .

Где ноль внимания
Главные безобразия .

Государственная законность
Гарантирует гуманность за подлость .
Голое поздравление –
Глупое решение .
Грызёт совесть
Гражданина за подлость .

Глупость и жадность –
 Главная опасность .
 Гаражное импорто – замещение -
 Глупое решение .

Голос в адрес патриота -
 Гол в свои ворота .

Душонка гнилая-
 Для коммунистов святая.
 Дана защита
 Для дурака и бандита.
 Гуляет на свободе
 Главный виновник в эпизоде .

Голубизна нации –
 Главное достижение демократии .

Гуманизма нет в помине ,
 Где превосходство отдаётся скотине .

Гриф секретности –
 Гроб для известности .

Государство защиту
 Гарантирует по лимиту .

Грошовое благодеяние –
 Греховное подаяние .

Голосуют по подсказке
 Глупцы в думской ставке .

Главная боевая сила –
 Гусеничная машина .

Гибель государства
 Готовит глупость начальства .

Голос избирателей
 Готовит себе карателей .
 Государственная машина
 Губит гражданина .

Гибель в бою
 Гарантирует место в раю .
 Главный тормоз государства –
 Групповое бюрократическое коварство .

Контактная информация авторов

<i>Попова Галина Павловна "Галина Вольская"</i>	galpp49@gmail.com
<i>Денис Хасянович Гарипов "Денис Гарипов"</i>	denishgaripov@gmail.com
<i>Андрианова Ольга Константиновна</i>	shatta@mail.ru
<i>Чернышова Оксана Александровна</i>	oksi-94-klin.psi-2012@yandex.ru
<i>Лебедев Валерий Иванович "Валерий Лебедев"</i>	kalimur2@mail.ru
<i>Долгова Татьяна Владимировна</i>	dzeshiko_daiky@mail.ru
<i>Коваленко Разиля Сулеймановна</i>	kovalenkoroza1961@mail.ru
<i>Пашкевич Макар Сергеевич</i>	evplakii558@mail.ru
<i>Андреев Илья Николаевич "Бэк"</i>	bekroy13@gmail.com
<i>Жигайлов Андрей Викторович</i>	andrzhig@yandex.ru
<i>Протасов Сергей Александрович</i>	zeke_elos@list.ru
<i>Трихина Светлана Игоревна</i>	trikhina@gmail.com
<i>Дмитриев Валентин Семенович "Валентин Дмитриев 2"</i>	zaur-mostovoi@yandex.ru
<i>Мишнев Алексей</i>	a.liftinfo@gmail.com
<i>Литвиненко Алина Викторовна</i>	alina.polska@yahoo.com
<i>Кахутина Светлана Васильевна</i>	kahuti@yandex.ru
<i>Седельникова Ирина Андреевна</i>	iras122001@gmail.com
<i>Бурлака Владимир Александрович</i>	vladimir.burlak@rambler.ru
<i>Витлиф Владимир Губертович</i>	Cheff2@mail.ru
<i>Раджабов Арсен Абдулмажитович "Арсен Ленски"</i>	arsen_rajabov@list.ru

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 4

Все права на произведения принадлежат исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

Перваякнига.рф